

**ПЕРМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ**

ЕВРАЗИЙСКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ ЖУРНАЛ

**Научный журнал
№ 2, 2021**

Настоящий научный журнал представляет материалы, освещающие актуальные вопросы общего языкознания, переводоведения, социо- и психолингвистики, функциональной грамматики, когнитивной лингвистики, дискурсологии, русской литературы, литературы народов РФ, зарубежной литературы, лингводидактики, педагогики. Материалы предназначены для широкого круга специалистов в области филологии и педагогики. Статьи рецензируются. Перепечатка без разрешения редакции запрещена, ссылки на журнал при цитировании обязательны.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Шустова Светлана Викторовна – главный редактор, доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Пермь, Пермский государственный национальный исследовательский университет)

Аверина Анна Викторовна – заместитель главного редактора, доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Москва, Московский государственный областной университет)

Меньшакова Надежда Николаевна – заместитель главного редактора, кандидат филологических наук, доцент (Россия, г. Пермь, Пермский государственный национальный исследовательский университет)

Андросова Светлана Викторовна – доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Благовещенск, Амурский государственный университет)

Безукладников Константин Эдуардович – доктор педагогических наук, профессор (Россия, г. Пермь, Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет)

Братухин Александр Юрьевич – доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Пермь, Пермский государственный национальный исследовательский университет)

Зеленина Тамара Ивановна – доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Ижевск, Удмуртский государственный университет)

Иоселиани Аза Давидовна – доктор философских наук, профессор (Россия, г. Москва, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации)

Комарова Юлия Александровна – доктор педагогических наук, профессор (Россия, г. Санкт-Петербург, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена)

Кондаков Борис Вадимович – доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Пермь, Пермский государственный национальный исследовательский университет)

Костева Виктория Михайловна – доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Москва, Московский государственный лингвистический университет)

Проскурнин Борис Михайлович – доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Пермь, Пермский государственный национальный исследовательский университет)

Семеновко Наталья Николаевна – доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Белгород, Старый Оскол, Белгородский государственный национальный исследовательский университет)

Трофимова Нелли Аркадьевна – доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Санкт-Петербург, Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики)

Файзинова Галина Владимировна – доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Астрахань, Астраханский государственный университет)

Шипова Ирина Алексеевна – доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Москва, Московский педагогический государственный университет)

Шутемова Наталья Валерьевна – доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Пермь, Пермский государственный национальный исследовательский университет)

Сюткина Надежда Павловна – ответственный секретарь, кандидат филологических наук, доцент (Россия, г. Пермь, Пермский государственный национальный исследовательский университет)

Плюснина Екатерина Михайловна – ответственный за сайт, кандидат филологических наук, доцент (Россия, г. Пермь, Пермский государственный национальный исследовательский университет)

Карзенкова Елена Петровна – технический редактор, старший преподаватель кафедры русского языка и стилистики (Россия, г. Пермь, Пермский государственный национальный исследовательский университет)

МЕЖДУНАРОДНЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Ивашкевич Ирина Николаевна – кандидат филологических наук, доцент (Республика Беларусь, г. Минск, Белорусский государственный университет)

Магальянес Фернандо Латас – доктор филологических наук, профессор (Испания, г. Мадрид, университет Complutense, факультет немецкой филологии, г. Севилья, Институт германистики)

Мирчевска-Бошева Биляна – ассоциированный профессор (Македония, г. Скопье, университет им. Св. Кирилла и Мефодия)

Нагзибекова Мехриниссо Бозоровна – доктор филологических наук, профессор (Республика Таджикистан, г. Душанбе, Таджикский национальный университет)

Нижнева Наталья Николаевна – доктор педагогических наук, профессор (Республика Беларусь, г. Минск, Белорусский государственный университет)

Табидзе Манана Шотаевна – доктор филологических наук, профессор, действительный член Нью-Йоркской Академии наук, филологический профессор (Грузия, г. Тбилиси, Грузинский университет им. св. Андрея Первозванного Патриаршества Грузии)

Травински Беата – доктор филологических наук, профессор (Германия, г. Маннгейм, Институт немецкого языка)

Ходжиматова Гулчехра Масаидовна – доктор педагогических наук, профессор (Республика Таджикистан, г. Душанбе, Таджикский национальный университет)

Шавхелишвили Бела Абрамовна – кандидат филологических наук, доцент (Грузия, г. Тбилиси, Сухумский государственный университет)

Ши Хуншэн (Shi Hongsheng) – профессор Научно-исследовательского института зарубежного страноведения и регионоведения Аньхойского университета, директор Центра по изучению России Аньхойского университета, постдоктор Хэйлуцзянского государственного университета КНР (Китай, г. Аньхой, Аньхойский университет)

Яхьяпур Марзи – кандидат филологических наук, профессор (Иран, г. Тегеран, Тегеранский университет)

Редакционная коллегия, 2021

Учредитель и издатель:
ФГАОУ ВО «Пермский государственный национальный исследовательский университет».
Адрес издателя: 614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15.
Адрес редакции: 614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15.
Подписано в печать 27.05.2021. Дата выхода в свет 28.05.2021.
Формат 60 × 84/8. Усл. печ. л. 13,95. Тираж 500 экз. Заказ № 853.

Территория распространения – Российская Федерация.
Логово с НАУЧНОЙ ЭЛЕКТРОННОЙ БИБЛИОТЕКОЙ:
№ 422-10 / 2017 от 26 октября 2017 г. Научный журнал теоретических и прикладных исследований. Издается с 2017 года. Бесплатно. Периодичность: с 2018 г. 4 раза в год.
Перепечатка материалов из журнала допускается только по согласованию с редколлегией.

PERM STATE UNIVERSITY

EURASIAN HUMANITARIAN JOURNAL**SCIENTIFIC JOURNAL**
№ 2, 2021

The journal contains materials covering current issues of general linguistics, translation studies, sociolinguistics, psycholinguistics, functional grammar, cognitive linguistics, discourse, Russian literature, the literature of the peoples of the Russian Federation, foreign literature, linguodidactics, and pedagogics. The materials are intended for a wide range of specialists in the field of philology and pedagogics. Articles are reviewed. Reprinting without permission of the editorial board is prohibited, links to the journal are mandatory when quoting.

EDITORIAL BOARD

Svetlana V. Shustova – Editor-in-chief, Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, Perm, Perm State University)

Anna V. Averina – Deputy Editor-in-Chief, Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, Moscow, Moscow State Regional University)

Nadezda N. Menshakova – Deputy Editor-in-Chief, Ph. D. (Philology), Associate Professor (Russia, Perm, Perm State University)

Svetlana V. Androsova – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, Blagoveshchensk, Amur State University)

Konstantin E. Besukladnikov – Grand Ph. D. (Education), Professor (Russia, Perm, Perm State Humanitarian-Pedagogical University)

Alexander Yu. Bratukhin – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, Perm, Perm State University)

Tamara I. Zelenina – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, Izhevsk, Udmurt State University)

Aza D. Ioseliani – Grand Ph. D. (Philosophy), Professor (Russia, Moscow, Financial University under the Government of the Russian Federation)

Yulia A. Komarova – Grand Ph. D. (Education), Professor (Russia, St. Petersburg, The Herzen State Pedagogical University of Russia)

Boris V. Kondakov – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, Perm, Perm State University)

Viktoria M. Kosteva – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, Moscow, Moscow State Linguistic University)

Boris M. Proskurnin – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, Perm, Perm State University)

Natalia N. Semenenko – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, Belgorod, Stary Oskol, Belgorod State National Research University)

Nelly A. Trofimova – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, St. -Petersburg, National Research University Higher School of Economics)

Galina V. Faizieva – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, Astrakhan, Astrakhan State University)

Irina A. Shipova – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, Moscow, Moscow Pedagogical State University)

Natalia V. Shutymova – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, Perm, Perm State University)

Nadezda P. Syutkina – Executive Secretary, Ph. D. (Philology), Associate Professor (Russia, Perm, Perm State University)

Ekaterina M. Plusnina – Executive Secretary, Ph. D. (Philology), Associate Professor (Russia, Perm, Perm State University)

Elena P. Karzenkova – Technical Reviewer, Lecturer (Russia, Perm, Perm State University)

INTERNATIONAL EDITORIAL BOARD

Irina N. Ivashkevich – Ph. D. (Philology), Associate Professor (Republic of Belarus, Minsk, Belarusian State University)

Fernando Magallanes Latas – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Spain, Madrid, Complutense University of Madrid; Seville, University of Seville)

Biljana Mirchevska-Bosheva – Grand Ph. D. (Philology), Associate Professor (Macedonia, Skopje, Ss. Cyril and Methodius University in Skopje)

Mekhriniso B. Nagzibekova – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Republic of Tajikistan, Dushanbe, Tajik National University)

Natalya N. Nizhneva – Grand Ph. D., Professor (Republic of Belarus, Minsk, Belarus State University)

Manana Sh. Tabidze – Grand Ph. D. (Philology), Professor, Member of New York Science Academy (Georgia, Tbilisi, Georgian University. St. Andrey of the First-Called Patriarchate of Georgia)

Beata Travinski – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Germany, Mannheim, Institute of German Language)

Gulchehra M. Hodzhimatova – Grand Ph. D. (Education), Professor (Republic of Tajikistan, Dushanbe, Tajik National University)

Bella A. Shavhelishvily – Ph. D. (Philology), Associate Professor (Georgia, Tbilisi, Sukhumi State University)

Shi Hongsheng – Grand Ph. D. (Philology), Professor, Director of the Center for the Study of Russia, Postdoc of Heilongjiang State University of China (China, Anhui, Anhui University)

Yahyapur Marziye – Ph. D. (Philology), Professor (Iran, Tegeran, Teheran University)

СОДЕРЖАНИЕ

ПАРЕМИОЛОГИЯ.....	4
<i>Mieder W.</i> “GOD AND THE DEVIL ARE IN THE DETAILS” SECULARIZED RELIGION IN MODERN ANGLO-AMERICAN PROVERBS.....	4
ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ ГРАММАТИКА	21
<i>Архипова И. В., Шустова С. В.</i> СЕМАНТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ТАКСИСНЫХ ПРЕДЛОГОВ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА.....	21
ДИСКУРСОЛОГИЯ.....	38
<i>Путина О. Н.</i> ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ДИСКУРСИВНОГО МАРКЕРА <i>ВООБЩЕ</i> В ДИАЛОГИЧЕСКОМ ЕДИНСТВЕ <i>ВОПРОС-ОТВЕТ</i>	38
<i>Гладкова К. Ю.</i> СВЯЗНОСТЬ ИНТЕРРОГАТИВНЫХ ВЫСКАЗЫВАНИЙ РОМАНА Г. СВИФТА «WATERLAND» НА МАКРОУРОВНЕ	44
<i>Химинец Е. М.</i> ИССЛЕДОВАНИЕ СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИХ МОДЕЛЕЙ ЛЕКСЕМЫ «OPÉRATION» ВО ФРАНЦУЗСКОЙ ПРЕССЕ.....	52
<i>Хорошева Н. В., Бабич Е. Н.</i> РИТМ КАК ЭКСПРЕССИВНЫЙ ТЕКСТОБРАЗУЮЩИЙ ЭЛЕМЕНТ ТЕЛЕОБРАЩЕНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО ЛИДЕРА	58
<i>Яцкова С. С., Меньшакова Н. Н.</i> СОВРЕМЕННЫЙ БРИТАНСКИЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС: АФОРИСТИКА В РИТОРИКЕ ТЕРЕЗЫ МЭЙ.....	66
ПСИХОЛИНГВИСТИКА	70
<i>Шалгина Е. А., Подгаец А. М.</i> ПСИХОЛОГИЧЕСКИ АКТУАЛЬНОЕ СОДЕРЖАНИЕ БАЗОВОЙ ЦЕННОСТИ МИЛОСЕРДИЕ/CHARITÉ В РУССКОЙ И ФРАНЦУЗСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ.....	70
ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ.....	87
<i>Исаева Н. Н., Проскурнин Б. М.</i> НЕОВИКТОРИАНСТВО И/ИЛИ АНТИВИКТОРИАНСТВО? ВИКТОРИАНСКАЯ ЭПОХА В РОМАНЕ САРЫ УОТЕРС «НИТЬ, СОТКАННАЯ ИЗ ТЬМЫ».....	87
<i>Попкова Т. Д., Кондаков Б. В.</i> КИТАЙ В ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ 1920-Х ГОДОВ	95
<i>Чжан Юаньюань</i> БРАЗИЛИЯ В ТВОРЧЕСТВЕ В. ПЕРЕЛЕШИНА	102
ПОРЯДОК ПУБЛИКАЦИИ И РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ СТАТЬИ	117
УСЛОВИЯ ПУБЛИКАЦИИ.....	120

УДК 811.111

Mieder Wolfgang

Department of German and Russian, University of Vermont, Burlington,
Vermont 05405 (USA), tel.: (802) 6561475, e-mail: Wolfgang.mieder@uvm.edu

“GOD AND THE DEVIL ARE IN THE DETAILS” SECULARIZED RELIGION IN MODERN ANGLO-AMERICAN PROVERBS

Many proverbs of the Bible, both from the Old and New Testament, continue to be current today without people necessarily recalling their origin. There are also many older folk proverbs that refer to God, the devil, faith, prayers, and other religious matters with the most well-known being “God helps those who help themselves.” Realizing that modern life has become more secularized, it is of interest to study modern Anglo-American proverbs that concern themselves with this topic. The best known are doubtlessly “God is in the details” and its variant “The devil is in the details.” Quite a few of the almost sixty proverbs presented here refer to God as a rather pragmatic force that helps to deal with everyday life, to wit “God can make a way out of no way.” Folk wisdom has also come up with proverbs commenting about prayers and praying that look at this activity in quite a realistic fashion, as for example “When you pray, move your feet.” There is no sainthood in these proverbs, but some of them contain didactic messages as well as calls for humility, as can be seen from such texts as “Trust in God, but lock your door” and “There are no atheists in foxholes.” Of course, there are also parodistic anti-proverbs like “Love your neighbor but don’t get caught” that have gained proverbial status in a society with less taboos. In general, the religiously informed modern proverbs stress worldly mores, they tend towards secular pragmatism, they contain solid wisdom, and they express their worldview in meaningful imperatives. They reflect modernity and show that either God or the devil are in the details as life’s journeys move forward.

Keywords: Anglo-American, anti-proverb, Bible, devil, didacticism, faith, God, modernity, prayer, proverb, religion, worldview.

Introduction

The sacred writings of the world’s religions are replete with proverbs of which many remain current to this day. They are registered in Selwyn Gurney Champion’s comparative collection of *The Eleven Religions and Their Proverbial Lore* (1945) and Albert Kirby Griffin’s compendium of *Religious Proverbs. Over 1600 Adages from 18 Faiths Worldwide* (1991), with Wolfgang Mieder’s collection *Not By Bread Alone. Proverbs of the Bible* (1990) containing 425 texts that have enjoyed widespread use in oral and written communication over the centuries [Trench, 1905, 118–144; Taylor, 1931, p. 52–61; Beardslee, 1970; Fontaine, 1982; Winton, 199]. While they might not be particularly spiritual, they offer ethical guidance and secular wisdom plus the kind of common sense that can endure during ever-changing times. A few well-known examples from the Old Testament are “Wisdom is better than gold” (Proverbs 16:16), “In the sweat of your brows shall you eat bread” (Genesis 3:19), “Pride goes before a fall” (Proverbs 16:18), “There is nothing new under the sun” (Ecclesiastes 1:9), and “A leopard cannot change his spots” (Jeremiah 13:23). To the truly “classical” New Testament proverbs belong “A prophet is not without honor save in his own

country” (Matthew 13:57, Luke 4:24), “The spirit is willing, but the flesh is weak” (Matthew 26:41, Mark 14:38), “Let the one without sin cast the first stone” (John 8:7), “It is better to give than to receive” Acts 20:35), and “The love of money is the root of all evil” (1 Timothy 6:10). Many proverbs reappear numerous times throughout the Bible, and it should not come as a surprise that they continue to be frequently employed today, such as “An eye for an eye, and a tooth for a tooth” (Exodus 21:24, Leviticus 24:20, Deuteronomy 19:21, Matthew 5:39), “Beat your swords into plowshares and your spears into pruning hooks” (Isaiah 2:4, Joel 3:10, Micah 4:3), “Eat, drink, and be merry” (Ecclesiastes 8:15, Luke 12:19), and *the* biblical proverb “Man does not live by bread alone” (Deuteronomy 8:3, Matthew 4:4, Luke 4:4). Naturally there are also proverbs about God and the devil, to wit “The Lord gives, and the Lord takes away” (Job 1:21), “All things are possible with God” (Matthew 19:26), “The devil can transform himself into an angel of light” (2 Corinthians 11:14), and “Resist the devil, and he will flee from thee” (James 4:7).

Main part

The scholarship on religious wisdom literature in general and Bible proverbs in particular is vast indeed [Mieder, 2009a], with Alan Dundes’ seminal book *Holy Writ as Oral Lit. The Bible as Folklore* [Holy Writ as Oral Lit. The Bible as Folklore, 1999, p. 9–10, 79–82, and 113–114] deserving special mention for its folkloric and paremiological point of view. In the case of many of these proverbs, people are not necessarily aware of the fact that they stem from the Bible. They employ them just as they do the hundreds of folk proverbs that deal with all aspects of religious life. Here are but a few of literally hundreds of such proverbs from *A Dictionary of American Proverbs* (1992) edited by Wolfgang Mieder, Stewart A. Kingsbury, and Kelsie B. Harder: “The nearer the church, the farther from God,” “God’s mill grinds slowly, but it grinds exceedingly fine,” “The devil is not as black as he is painted,” “A man without religion is a horse without a bridle,” “Pray to God, but keep hammering,” “He is a good preacher who follows his own preaching,” “The greater the sinner, the greater the saint,” “Idle hands are the devil’s tools,” “God gives all things to industry,” etc. The best-known proverb is probably “God helps those who help themselves” that has been current in English since the sixteenth century and was effectively used at the time of the American Revolution by Abigail Adams [Mieder, 2005, p. 62–64]. In this wording or in the variant “Heaven helps those who help themselves” it has been traced back to antiquity and has been recorded in more than forty-five European languages [Paczolay, 1997, p. 150–154]. However, there is a small problem with the English text if one thinks about the second part in connection with the verbal phrase “to help oneself” and its meaning of taking for oneself and even stealing for oneself. This has led to such telling anti-proverbs as:

God helps those that get caught helping themselves. (1965)

A thief is another man who believes that heaven helps those who help themselves. (1968)

Go help those who do not help themselves. (1992)

God helps those who help themselves ... murmured the thief as he broke a window and helped himself to a TV set. (1997)

[Litovkina, Mieder, 2006, p. 154–155]

Things are quite similar with the proverb “Man proposes, God disposes” that is current in at least forty languages [Paczolay, 1997, p. 308–311]. While it might be considered an allusion to the Biblical verse “A man’s heart deviseth his way, but the Lord directeth his steps” (Proverbs 16:9), it is in fact a folk rendering of its message that continues to ring loud and clear as a religious but also secular message. But there are, expectedly so, also plenty anti-proverbs having their fun with this proverb expressing humility:

Man proposes, and mother-in-law opposes (1952).

Man proposes, and the computer disposes (1967).

Man proposes and marriage exposes (1968).

Man proposes – woman refuses (2004) [Litovkina, Mieder, 2006, p. 212].

A third proverb should also be mentioned, namely the classical Latin “*Vox populi, vox dei*” that appears in multiple translations and has been current in English since the early fourteenth century as “The voice of the people is the voice of God” [Gallacher, 1945; Boas, 1969, 3–38]. It has its serious sociopolitical implications for today’s democracies, but it too has also been parodied as “The vice of the people is the voice of the press” (1968) [Litovkina, Mieder, 2006, p. 294]. Much more serious is how Adolf Hitler, seeing himself as the “voice of God” for National Socialism, perverted this proverb in a speech of 16 March 1936: “German people [...] I await your decision, and I know I will be proven right! I will accept your decision as the voice of the people, which is the voice of God.” Victor Klemperer, who as a Jew survived the Holocaust while observing the language of the Nazis speaks of the insolent lies that were spread by the Nazi leaders under the guise of the “people’s voice” and notes: “However, there is no *vox populi*, only *voces populi*; and it can only be determined after the fact which of these different voices is the true one, that is to say, which of them determines the course of events” (for these references see [Mieder, 2001, p. 109–110]. Clearly there were many desperate voices in Germany, and not all of them spoke in unison with Hitler as the impersonation of the devil! All of this brings to mind the proverb “Rebellion to tyrants is obedience to God” [Mieder, Kingsbury, Harder, 1992, p. 501] which Thomas Jefferson adopted as his motto from the British judge John Bradshaw (1602–1659) in a letter of 24 February 1823 [Shapiro, 2006, p. 99]. It was picked up in the variant “Resistance to tyrants is obedience to God” by the abolitionist Theodore Parker in 1846 (1810–1860, see [Kraller, 2016, p. 191–193] and Frederick Douglass (1818–1895, see [Mieder, 2001, p. 409–410] on numerous occasions and could well have served those Germans who resisted the Nazi tyranny. The proverb certainly gives a divine blessing to those who fight for freedom.

But returning to the richness of Biblical proverbs and folk proverbs dealing with religious matters it must seem strange that cultural historians and folklorists hardly ever mention them in their otherwise valuable discussions of religious folklore [Rosenber,g 1970; Mieder, 2004, p. 144–146]. To be sure, Alyce M. McKenzie cites many Biblical proverbs in her two significant books *Preaching Proverbs. Wisdom for the Pulpit* (1996) and *Preaching Biblical Wisdom in a Self-Help Society* (2002), but she does not include folk proverbs having to do with faith, God, prayer, and other religious concerns (McKenzie 1995). Things are even less “proverbial” – if at all – in various folkloric essays on religion, to wit such informative studies as John C. Messenger’s “Folk Religion” (1972), William Samarin’s *Language in Religious Practice* (1976), Larry Danielson’s “Religious Folklore” (1986), Diane E. Goldstein’s “The Secularization of Religious Ethnography and Narrative Competence in a Discourse of Faith” (1995), Leonard Norman Primiano’s “Vernacular Religion and the Search for Method in Religious Folklore” (1995), and William M. Clements’ “Folklore and Folklife of American Religious Communities” (2019). While these essays deal with the important relationship of anthropology and folklore with religious matters, they do not touch on folk speech matters in general and proverbial speech in particular. And yet, it is obviously of much interest to discover what new proverbs have been created during the past hundred years that comment on modern religious attitudes (Doyle 1996). Of the 1617 Anglo-American proverbs that have been registered in *The Dictionary of Modern Proverbs* [Doyle, Mieder, Shapiro, 2012] and its three supplements [Doyle, Mieder, 2016, 2018 and 2020] only 59 or 3.6 % deal with religion in its widest sense. However, an analysis of this modern secularized wisdom will provide at least a glimpse into today’s preoccupation with God, the devil, faith, prayer, and much more.

While the dualistic statement “God and the devil are in the details” in this precise wording results in close to forty thousand Google hits, it is perhaps too cumbersome and unnecessarily complex to be considered proverbial. After all, the two proverbs “God is in the details” and “The devil is in the details” exist as current phrases expressing the insight that paying attention to seemingly small matters is of importance. It has now been established that the proverb “God is in the details” (125, 102–103; texts are cited with the first recorded date and the page number in the dictionary or supplements) was not coined by the architect Ludwig Mies van der Rohe but rather by the German art historian Aby Warburg who announced the topic of a seminar at Hamburg University on 11 November 1925 with “Der liebe Gott steckt im Detail.” Mies enjoyed citing it in English and helped to spread it more widely. While the “dear” God might speak through vexing details, it is, of course, the devil as his counterpart that can drive people to distraction. Little wonder that the anti-proverb “The devil is in the details” (1963, 53–54) caught on a few decades later. Both proverbs enjoy currency today, with the “devil”-text with its ironic tone having become the preferred formulation, to wit Hillary Clinton’s use of it:

Of course, in politics, as in life, the devil is in the details. The details of welfare reform or budget negotiations were hard fought and difficult and sometimes resembled a Rubik’s Cube more than an isosceles triangle [Hillary Rodham Clinton, *Living History*. New York: Scribner, 2003, p. 290] [Mieder, 2019, p. 223–224].

Both God and the devil occur frequently in the proverbs of many languages as can be seen from Teodor Flonta’s polyglot collection *God and the Devil: Proverbs in 9 European Languages* (2002, see also [Acker, 1977; Beckmann, 1995; Miclea, 2010; Richterová, 2013; Szczek, Gondek, 2005a, 2005b]). But it is of interest to observe that while the devil as a recurrent figure in folk-belief expressions (Whiting 1938) has lost his appeal as far as modern proverbs are concerned. He appears in three cautionary proverbs based on the old structure “If you X, you Y”:

If you lie down with the devil, you will wake up in hell (1972, 54).

If you dance with the devil, you will be burned (1996, 54).

If you keep knocking on the devil’s door, (sooner or later) somebody’s going to answer (1999, 54).

A warning is also expressed in the proverb “Do not greet the devil till (before) you meet him” (1905, 54), basically stating that one need not worry until something bad occurs. A bit of professional stereotyping is going on in the proverb “Go to the devil for truth and to a lawyer for a lie” (1930, 54) that takes dishonest lawyers to task. But where the devil comes into play, his abode in hell is bound to appear as in the despair expressed in the proverb “It’s hell being (to be) poor” (1904, 120). But there is also the more proactive advice that has spuriously been attributed to Winston Churchill at times: “If (When) you’re going through hell, keep going” (1990) [Doyle, Mieder, 2016, p. 102].

Heaven being the opposite of hell, it should not be surprising that there are at least a few proverbs that use it as a positive metaphor. A fine example had its start with the song “Heaven Will Protect the Working Girl” by Edgar Smith and A. Baldwin Stone, sung by Marie Dressler in the show *Tillie’s Nightmare* (1910). The first stanza of this “Burlesque Ballad” with the song’s title as the refrain goes like this:

A village maid was leaving home with tears her eyes was wet,
Her mother dear was standing near the spot.
She says to her “Neuralgia, dear, I hope you won’t forget
That I’m the only mother you have got.
The city is a wicked place as anyone can see,
And cruel dangers ‘round your path may hurl.

So ev'ry week you'd better send your wages back to me,
For Heaven will protect a working girl" [[https://digitalcommons.library.umaine.edu/mmb-
vp/440](https://digitalcommons.library.umaine.edu/mmb-vp/440)].

The refrain became popular as the proverb "Heaven protects (will protect) the working girl" (1909, 119), with a variant exchanging "heaven" with the all-powerful and benevolent God.

Another proverb passed into oral tradition from George Bernard Shaw's list of "Maxims for Revolutionists" that he appended to his *Man and Superman* (1904): "In heaven an angel is nobody in particular (nobody special)" (1904, 120). That somewhat disappointing piece of wisdom does not prevent people – believers and non-believers alike – of wanting to get to heaven, but preferably later and not sooner. The proverb "Everybody wants to go to heaven, but nobody wants to die" (1948, 119) originated with the title of Thomas Henry Delaney's (1899–1963) song "Everybody Wants to Go to Heaven (but No One Wants to Die)" (1948) that was recorded by Tommy Dorsey in February 1951:

Everybody Wants to Go to Heaven

Everybody wants to go to Heaven, but nobody wants to die!

Everybody says they're not afraid; I wonder why?

They say they can't wait for the day, but when it comes, they want to stay!

Yes, everybody wants to go to Heaven, but nobody wants to die!

I'm telling ya, everybody wants to go to Heaven, but nobody wants to die!

Everybody says they'd go right now, but how they lie!

They want to see the Promised Land, but dyin' for it ain't too grand.

Yes, everybody wants to go to Heaven, hmm, but nobody wants to die.

Everybody wants to get up there, but nobody wants to give it up!

Everybody wants to meet St. Pete; well, that's all reet! [right]

But they'd call the doctor when they're sick and say, "Please cure me, quick, quick, quick!"

Everybody wants to go to Heaven, oh, but nobody wants to die!

I tell you, folks, it's a phenomenum-num-num-num-num!

Everybody wants to go there, but nobody wants to expire!

Everybody wants to hear angels sing in the sky.

Now, I must admit, I'm just like you; I'm stallin' on that journey, too!

Everybody wants to go to Heaven, oh, but nobody wants to die!

Everybody wants to sprout wings, but nobody wants to kick the bucket!

Now, they know darn well they gotta die to get up there, still they try to duck it!

Now, they know that Gabriel with his horn can blow, but they'd rather stay here and dig ol' Satchmo!

Everybody wants to go to Heaven, oh, but nobody wants to die!

I said no-no-no-no-nobody wants to die!

The earliest printed lyrics my friend Michael Taft could find are: Les Brown's Band of Renown, with vocalist Butch Stone, recorded on 16 February 1952 [<https://mudcat.org/thread.cfm?threadid=64742>].

When death does come eventually, the hope is that the final resting place will not be with the devil in hell but rather with God in heaven. And yet, in light of the fact that secularization has gained a strong foothold in the modern world, it is surprising that God appears in a considerable number of proverbs coined in the twentieth century [Mieder, 2020b, p. 78–80]. This even includes the proverbial rallying cry "Cleanliness of the body is due reverence to God" that had been placed on a Boston bathhouse in 1931 with an obvious reference to the much older proverb "Cleanliness is next to godliness" dating back to 1605 [Buccitelli, 2008]. As will become clear from the following examples,

the proverbs are by no means great spiritual or emotional truths but rather straight-forward observations about the trials and tribulations of social life with at times giving a bit of common-sense advice as has always been the case with didactic proverbs. No wonder that they find effective use in therapeutic and inspirational settings and literature (Arthurs 1994, Eret 2001: 93–96, Dolby 2005: 138–141). One is reminded of the sixteenth-century proverb “Where God has a church, the devil has a chapel” [Mieder, Kingsbury, Harder, 1992, p. 256] and its modern less metaphorical equivalent with the same message: “Where God goes (is), the devil goes (is)” (1926, 105).

Several proverbs follow the very basic structure “God doesn’t ...” making clear that God is in control of everything:

God doesn’t love ugly (1910, 102–103).

Implied are bad deeds.

God doesn’t play dice (1926, 103).

The proverb appears first in a letter of Albert Einstein to Max Born of 4 December 1926: “Quantum mechanics is very worthy of regard. But an inner voice tells me that this is not yet the right track. The theory yields much, but it hardly brings us closer to the Old One’s [God’s] secrets. I, in any case, am convinced that He does not play dice” [Shapiro, 2006, p. 228]. The German original states “Jedenfalls bin ich überzeugt, dass der [Gott] nicht würfelt.”

God doesn’t make land anymore (1968, 136).

The proverb originated with realtors and is also cited in its longer variant “Buy land, they don’t make it anymore.”

God doesn’t make junk (trash) (1975, 103).

President Barack Obama cited the proverb in his celebrated autobiography *Dreams from My Father* (New York: Three Rivers Press, 2004 [originally published 1995]), p. 232: Dr. Martha Collier’s “office was sparsely furnished, the walls bare except for few community service awards and a poster of a young black boy that read ‘God Don’t Make No Junk’.” [Mieder, 2009b, p. 224]

The proverb “God ain’t choosy” (1952, 102) seems to fit to the spirit of these short proverbial claims. It implies that God is there for everybody no matter what. Of course, his omnipresence should be accepted at all costs with the proviso that people are responsible for their own actions:

God made dirt; dirt don’t hurt (1994, 104).

A saying used with children after they drop food on the ground or floor and brush it off and eat it. There is also the related modern proverb “A little dirt never hurt” (1904, 56).

God sends no cross that you cannot bear (1985, 104).

There is also the older proverb “God fits the back to its burden” (1822).

God is good, but don’t dance in a small boat (1995, 103).

There is also this somewhat unexpected proverb “God wants spiritual fruit, not religious nuts” (1978, 104) that appeared first as an advertisement and poster. It probably is meant against questionable sects and also brings to mind the proverb “There is no zealot like a convert” (1906, 285) with its reference to extreme behavior. This recalls the proverb “Even God gets tired of too much hallelujah” (1936, 102) whose first written reference appears in Carl Sandburg’s epic poem *The People, Yes* (New York: Harcourt, Brace, 1936, p. 106) that is replete with American proverbs, proverbial expressions, and idioms [Mieder, 1973].

This brings this list of proverbs based on the idea that God can do everything to the African American proverb “God can make a way out of no way” (1922, 102) that might have had its start with the Biblical statement “I [God] will even make a way in the wilderness” (Isaiah 43:10) and of which similar allusions have been found among nineteenth-century Quakers [Doyle, 2014]. The earliest reference as a modern proverb appears in Coe Hayne’s *Race Grit* (Philadelphia: Judson, 1922), p. 109: “God can make a way out of no way. Pray to him, and he will open a way.” The proverb is also

current in a secular variant that I used for my book title *“Making a Way Out of No Way”*: *Martin Luther King’s Sermonic Proverbial Rhetoric* (New York: Peter Lang, 2010). In its chapter entitled *“Making a Way Out of No Way”: The Phraseological Way to Progress* (171–186) I discuss King’s repeated use of the proverb both in its religious and secular variants. One of the most telling references appears in the last paragraph of a speech delivered on 16 August 1967 in which King looks with much hope to a better future. While the two quotational proverbs “The arc of the moral universe is long, but it bends towards justice” (Theodore Parker) and “Truth crushed to earth will rise again” (William Cullen Bryant) together with the Bible proverb “As you sow, so shall you reap” (Galatian 6:7) imply that morality, honesty, and diligence will be rewarded, it is also made clear that there is “a power [God] that is able to make a way out of no way” for the African American people:

When our days became dreary with low-hovering clouds of despair, and when our nights became darker than a thousand midnights, let us remember that there is a creative force in this universe, working to pull down the gigantic mountains of evil, a power that is able to make a way out of now way and transform dark yesterdays into bright tomorrows. Let us realize that the arc of the moral universe is long but it tends toward justice.

Let us realize that William Cullen Bryant is right: “Truth crushed to earth will rise again.” Let us go out realizing that the Bible is right: “Be not deceived, God is not mocked. Whatsoever a man soweth, that he shall also reap.” This is for hope for the future, and with this faith we will be able to sing in some not too distant tomorrow with a cosmic past tense, “We have overcome, we have overcome, deep in my heart, I did believe we would overcome” [Mieder, 2010, p. 186].

The proverb’s encouraging message and orientation towards the future made it the perfect statement of King’s religious and secular messages filled with faith, hope, and love for a world of peace and freedom [Dundes, 1969]. Against all odds and obstacles, Martin Luther King believed in and succeeded in “making a way out of no way” in words and deeds. There is no doubt that the proverb “God will make a way out of no way” epitomizes the entire civil and human rights movement in the United States and throughout the world, and as such it is the fitting verbal sign for unwavering hope and courageous action.

President Barack Obama, who has acknowledged the deep influence that Martin Luther King had upon his own worldview, also cites the proverb in his programmatic book *The Audacity of Hope. Thought in Reclaiming the American Dream* (New York: Crown Publishers, 2006, p. 207).

I was drawn to the power of the African American religious tradition to spur social change. Out of necessity, the black church had to minister to the whole person. Out of necessity, the black church rarely had the luxury of separating individual salvation from collective salvation. It had to serve as the center of the community’s political, economic, and social as well as spiritual life; it understood in an intimate way the biblical call to feed the hungry and clothe the naked and challenge powers and principalities. In the history of these struggles, I was able to see faith as more than just a comfort to the weary or a hedge against death; rather, it was an active, palpable agent in the world. In the day-too-day work of the men and women I met in church each day, in their ability to “make a way out of no way” and maintain hope and dignity in the direst of circumstances, I could see the Word made manifest [Mieder, 2009, p. 237].

This statement, written in the spirit of Martin Luther King, can well illustrate that Barack Obama walks in the shoes of the great civil rights champion. A few pages before this paragraph, in his chapter on “Faith” (pp. 195–226), Obama observes that “It is a truism that we Americans are a religious people” (p. 198). It comes as no surprise then that this religiously informed worldview also comes to the fore in modern proverbs under discussion in the present deliberations. Here then are a few that express the humble dependency on God’s designs together with a bit of pragmatism for good measure:

There are three sides to every question (argument): my side, your side, and God's side (the right side) (1903, 230).

Your arms are too short (not long enough) to box (fight, spar) with God (1912, 7).

"Take what you want," says God, "and (but) pay for it" (1955, 105).

To love another person is to see the face of God (1985, 196).

Trust (in) God, but lock your door (your car) (1991, 105).

Very much to the point is the elliptical "Let go; let God" (1923, 105) that served as a title of a hymn by George Bennard (1873–1958):

Let Go – Let God!

Let go, and let God have His way with thee,

Delivered from sin, He would have thee be;

"He's able to save the uttermost."

Let go and be "filled with the Holy Ghost."

Let go.

Let go, and let God have His way with thee,

O struggle no more, hear Him say, "Be free;"

Thine all gladly yield to His will divine,

Let go, and be filled with His love sublime.

Let go.

Let go, and let God have His way with thee,

What wonders in grace then thine eyes shall see;

The Spirit's indwelling thy life shall crown,

Let go, and the power will then come down.

Let go.

Let go, and let God have His way with thee,

"The pow'r to witness receive," saith He;

The blessing of cleaning and perfect love,

Will fit thee for service and heav'n above.

Let go.

George Bennard (ed.), *Full Redemption Songs*. [Albion, Michigan: Bennard Music Co., 1966, p. 147].

This kind of sanctified religiosity is also expressed in the proverb "Only God can make a tree" (1913, 105) that entered oral tradition as a proverb from [Alfred] Joyce Kilmer's (1886–1918; killed towards the end of World War I) poem "Trees" (1913):

Trees

I think that I shall never see

A poem lovely as a tree.

A tree whose hungry mouth is prest

Against the earth's sweet flowing breast;

A tree that looks at God all day,

And lifts her leafy arms to pray;

A tree that may in Summer wear

A nest of robins in the hair;

Upon whose bosom snow has lain;

Who intimately lives with rain.

Poems are made by fools like me,

But only God can make a tree.

[Joyce Kilmer, *Trees and Other Poems*. New York: George H. Doran, 1913, p. 4].

Speaking of trees, here is the modern American proverb “No tree grows to heaven (to the sky)” (1909, [Doyle, Mieder, 2020, p. 83–84] that is considered to be a bit of Wall Street wisdom. That is true, but the proverb had its origin in the German nineteenth-century proverb “Gott sorgt dafür, dass die Bäume nicht in den Himmel wachsen” (God takes care of it that trees don’t grow to heaven) and its secular variant “Es ist dafür gesorgt, dass die Bäume nicht in den Himmel wachsen” (Care is taken that trees don’t grow to heaven). Interestingly enough, there is an American reference from the late 1920s that mentions the German origin of the phrase, to wit A. Vere Shaw, *10 Rules for Investors* (New York: Hugh Bancroft, 1929, p. 2): “According to the German proverb, however, ‘no tree grows to heaven.’” Winston Churchill was quite fond of the proverb, citing it twelve times in his voluminous writings [Mieder, Bryan, 1995, p. 52–54]. The basic message of the proverb is that nobody or nothing will grow to such a point that someone (God) will not eventually cut the person (thing) down. Thus, when Churchill speaks of the indiscriminate night bombing of British cities by the German *Luftwaffe*, he finds solace in the thought that this powerful aggression cannot continue forever in light of the fortitude and bravery of the British fighter pilots:

There is a useful German saying, “The trees do not grow up to the sky.” Nevertheless we had every reason to expect that the air attack on Britain would continue in an indefinite crescendo. Until Hitler actually invaded Russia we had no right to suppose it would die away and stop. We therefore strove with might and main to improve the measures and devices by which we had hitherto survived and to find new ones [Winston Churchill, *The Second World War: Vol. II, Their Finest Hour*. London: Cassell, 1949, p. 146].

Even though Churchill helped to popularize the proverb in the English language, he never cited the “God”-variant. However, the proverb’s reference to heaven or the sky helps to keep its oblique religious undertone alive, somewhat reminiscent of the Old Testament proverb “Pride goes before a fall” ((Proverbs 16:18). Interestingly, as a German native in the United States, I have on occasion cited the proverb in English as “God takes care of it that trees don’t grow to heaven.” Maybe it will catch on in this original wording in English yet and compete with its secular remnant “No tree grows to heaven.”

There remain two more modern proverbs referring to God that need to be mentioned even though they were coined with ill-spirited intent. It must not be forgotten that terrible stereotypical proverbs exist, as for example the two horrific American proverbs “The only good Indian is a dead Indian” and “No tickee, no washee” from the nineteenth century [Mieder, 1997]. The proverb “Thank God for Mississippi” (1929) [Doyle, Mieder, 2016, p. 100–101] unfortunately continues to be used with the meaning that no matter how bad things might be (especially in the field of education), there is always at least one place (Mississippi) where the situation is much worse. Absolutely vicious is finally the proverb “Kill them all, and let God sort them out” (1932, 104–105): “The proverb is the modern version of a Latin declaration attributed to the leader of the Albigensian Crusade of the early thirteenth century: ‘Kill them all; God will know his own!’ Numerous individuals recall the ‘... let God sort them out’ version from the battlefields of Vietnam in the 1960s, and as a tattoo and T-shirt slogan in the 1970s” [Doyle, Mieder, Shapiro, 2012, p. 104]. I remember when Melissa Anne Russell contacted me with her fascinating manuscript on the history and unfortunate modern adaptation of this brutal and inhumane proverb that I included with two illustrations as “‘Kill ‘em All and Let God Sort ‘em Out’: The Proverb as an Expression of Verbal Aggression” in *Proverbium*, 16 (1999), 287–302. It is, after all, necessary that serious scholarship deals with the historical and psychological background of such menacing proverbs that should have no place in today’s world.

Of course, the wartime proverb “Praise the Lord and pass the ammunition” (1942, 150) also refers to God as being on the American side after the unexpected naval attack on 7 December 1941 at Pearl Harbor. It has been attributed first to Chaplain William McGuire and subsequently to

Chaplain Howell Forgy. Later in 1942 Frank Loesser published a song with the proverb as its title and recurring line that was widely sung and spread the new somewhat aggressive proverb that can now be employed as a colloquial call to action without having weaponry in mind:

Praise the Lord and pass the ammunition
 Praise the Lord and pass the ammunition
 Praise the Lord and pass the ammunition
 Praise the Lord and pass the ammunition
 And we'll all be free
 Praise the Lord and swing into position
 Can't afford to be a politician
 Praise the Lord, we're all between perdition
 And the deep blue sea
 Yes the sky pilot said it
 Ya gotta give him credit
 For a sonofagun of a gunner was he
 Shouting Praise the Lord, we're on a mighty mission
 All aboard, we ain't a-goin' fishin'
 Praise the Lord and pass the ammunition
 And we'll all stay free
 Praise the Lord (Praise the Lord) and pass the ammunition
 Praise the Lord (Praise the Lord) and pass the ammunition
 Praise the Lord (Praise the Lord) and pass the ammunition
 And we'll stay free
 Praise the Lord and pass the ammunition
 Praise the Lord and pass the ammunition
 Praise the Lord and pass the ammunition
 And we'll all be free

Wikipedia, "Praise the Lord and Pass the Ammunition" (LyricFind)

The Pearl Harbor catastrophe clearly was met with prayer for those that perished and for those who fought for freedom. There are modern proverbs that deal with praying in a rather straightforward unemotional way. The proverb "Courage is fear that has said its prayers" (1922, 46) passed into oral tradition from a poem entitled "Courage" by Karle Wilson Baker, *Burning Bush* [New Haven, Connecticut: Yale University Press, 1922, p. 69]:

Courage
 Courage is armor
 A blind man wears;
 The calloused scar
 Of outlived despairs:
 Courage is Fear
 That has said its prayers.

In any case, folk wisdom has come up with these three additional comments about prayers and praying that look at this activity in quite a realistic fashion. While it doesn't hurt to pray, it is obviously good to keep going somehow or the other since all things, both good and evil, will sooner or later come to an end:

When you pray, move your feet (1936, 84–85).
 When all fails, pray (try prayer) (1957, 73).
 The longest prayer has an "Amen" (1975, 206).

There is also the somewhat related proverb
 “Church is not out till they sing” (1966, 40).

After the Second World War with its social hardships another proverb appeared that epitomizes the emphasis on a healthy home life: “The family that prays together stays together” (1947, 74). It has remained popular ever since, although it is often cited humorously or ironically. By now it has also led to numerous anti-proverbs, as for example:

Families that pray together stay together, and families that work together – eat. (1980)

If you go to the beach just remember that the family that bakes together aches together. (1980)

The family that prays together stays together – thank God my mother-in-law’s an atheist. (1981)

The family that kicks together sticks together! (1985)

Comes autumn, the family that rakes together aches together (1997).

The family that pulls taffy together sticks together (1997) [Litovkina, Mieder, 2006, p. 282–283].

Since the word “atheist” appears in one of these parodies of which there are many based on religious texts of all sorts [Monteiro, 1964, 1969], the fascinating proverb “There are no atheists in foxholes” (1942, 9–10) that originated during the Second World War enters this discussion. The brutality of the battles faced by soldiers on both sides and the horrific scenes of Allied soldiers landing on the Normandy beaches on the infamous D-Day (6 June 1944) naturally led to thoughts about what might have gone through their minds facing the possibility of a tragic death. Here is what we present in our *Dictionary of Modern Proverbs* about this text:

There are no atheists in foxholes. (1942, 9–10) *Los Angeles Times* 13 April, an “eye-witness” article by Col. Warren J. Clear: “When the attack was over, I turned to him and said, ‘Sergeant, I noticed you were praying.’ ‘Yes, sir, I was.’ There are no atheists in fox holes.” There, the punctuation indicates that Col. Clear himself claims credit for the expression. However, an article of the same date in the *New York Times* attributes it, instead, to the sergeant: “They said he [Clear] and a sergeant, who shared the same fox-hole, prayed. . . . The sergeant, Lieut. Col. Clear related, observed afterward that ‘There are no atheists in fox-holes.’” An account by Clear published in the *Reader’s Digest* (July 1942) 2 likewise assigns the words to the sergeant: “When the attack was over I said: ‘Sergeant, I noticed you were praying.’ ‘Yes, sir,’ he answered, without batting an eye, ‘there are no atheists in foxholes.’” During 1942, 1943, and 1944, the saying was frequently quoted with a specific reference to Col. Clear or his sergeant. Subsequently, however, it has been more commonly attributed to a military chaplain; according to Carlos Romulo, *I Saw the Fall of the Philippines* (Garden City NY: Doubleday, Doran, 1943) 263: “Then I saw Father William Thomas Cummings standing on a chair over this scene of bedlam and death. . . . It was he who had said in one of his field sermons on Bataan: ‘There are no atheists in the fox holes.’” Perhaps Father Cummings garnered the saying from one of the aforementioned articles or from Col. Clear himself. Already in 1943 it was being referred to as an “adage”—for instance, in Ernie Pyle’s *Here’s Your War* (New York: H. Holt) 287, where no specific attribution appears. With variant wording, the germ of the proverb is older than World War II. 1917 *Olean [NY] Evening Herald* 22 Dec.: “There are no atheists over there when those big shells come over their heads.” 1918 *Oakland Tribune* 6 May: “There are no atheists in trenches.” The proverb may even owe something to the very old Christian commonplace (which has different implications) that there are no atheists in hell [Doyle, Mieder, Shapiro, 2012, p. 9–10].

Many a soldier will have turned to faith in order to get through the war, remembering the proverb “Faith can move (moves) mountains” (1879) that is an allusion to Matthew 17:20: “If ye have faith as a grain of mustard seed, ye shall say unto this mountain; Remove hence to yonder place; and it shall remove” and 1 Corinthians 13:2: “I have all faith; so that I could remove mountains.” Due to its popularity, the proverb has resulted in anti-proverbs parodying its message:

“Faith either moves mountains or tunnels through” (1980), “Faith can move mountains – but it never does” (1990), “Faith can move mountains but not furniture” (2004), etc. [Litovkina, Mieder, 2006, p. 146]. Such texts have not become new proverbs in their own right, but “Patience can move (moves) mountains” (1930, 192) has been registered as a modern American proverb originating as a comment from teachers to students. Related to this is also the proverb “Respect faith (knowledge), but doubt is what gives you an education” (1935, 73). In any case, where there is faith, there is hope, perhaps even for divine miracles: “Miracles take (a lot of) hard work” (1946, 167). Keeping the faith (Colston 1994, Dancy and Wynn-Dancy 1994) and a good dose of American pragmatism and not cynicism might help along with the miracle of moving mountains!

The phenomenon of anti-proverbs has been mentioned a couple of times, and since this discussion of modern religious proverbs began with Bible proverbs, it is appropriate to finish with two proverbs from the New Testament that have been changed into expressions of modern mundane wisdom. There is first of all the proverb “Love your neighbor as yourself” (Galatian 5:14) that Martin Luther King cited repeatedly in its religious and secular meaning, as for example in his speech of 28 February 1960:

This is my faith. And I choose to go on through my days with this faith. I tell you if you catch it, you will be able to rise from the fatigue of despair to the buoyancy of hope. Love yourself; you are commanded to do that. That is the length of life. Love your neighbor as you love yourself; you are commanded to do that. That is the breadth of life. But never forget that there is a first and even greater commandment: Love thy Lord thy God with all thy heart, with all thy soul, and with all thy mind. That is the height of life. And when you do this, you’ll live the complete life [Mieder, 2010, p. 440].

As one would expect, numerous anti-proverbs sprang up over time, of which the following texts might serve as examples:

Love thy neighbor, but don’t remove the fence (1967).

Love thy neighbor, but do not make love to her (1968).

Love thy neighbor, but make sure her husband is away (1976).

“Love thy neighbor,” but first be sure she isn’t married! (1980)

Love thy neighbor – but make sure his wife doesn’t find out (1985).

Love your neighbor as yourself – but no more (1993).

“Love thy neighbor,” as the parson said to the man who lived next door to the pigsty (1994) [Litovkina, Mieder, 2006, p. 209].

As can be seen, sexual implications play a role in such parodies, and it needs to be said that the *Dictionary of Modern Proverbs* includes numerous proverbs dealing with sexuality and scatology – a sign that such taboo topics have become much more acceptable in folk speech in the modern age [Mieder, 2020b, p. 215–244]. While none of the cited anti-proverbs have gained any currency, “Love thy neighbor, but don’t get caught” (1967, 177) has been disseminated widely and has attained a genuine proverbial status – quite different from Jesus’ message and the deeply felt use of the original Bible proverb by Martin Luther King.

The final Bible proverb to discuss is the so-called golden rule “Do unto others as you would have them do unto you” (Matthew 7:12) As elsewhere in the world – the proverb is known in all major religions – it has played a major role in the sociopolitical discourse during four centuries of American history. In my very recent article ““Do Unto Others as You Would Have them Do Unto You”: The Golden Rule as an Emotional Appeal for Humanity in American History” (2020a) I have cited contextualized references from such major figures as Abigail and John Adams, Theodore Parker, Frederick Douglass, Abraham Lincoln, Elizabeth Cady Stanton, Susan B. Anthony, Calvin Coolidge, Harry S. Truman, Martin Luther King, John Lewis, Hillary Clinton, Bernie Sanders, Barack Obama, and others (see [Chlebeda, 1998; Carter, 2017] for proverbs in Russian politics). Taking the place of all

precursory “golden rule” statements by these social reformers, politicians, and presidents, here is what President Barack Obama said on 4 June 2009 at Cairo University to thousands of Arabic students. As he asked them “to reimagine the world, to remake this world,” there were repeated applause and calls of the type “Barack Obama, we love you!” during the speech. The climax of the speech was reached when the President called for a new world of brother- and sisterhood informed by empathy and mutual respect, with the center of his powerful statement being occupied by the proverbial golden rule:

All of us share this world for but a brief moment in time. The question is whether we spend that time focused on what pushes us apart, or whether we commit ourselves to an effort – a sustained effort – to find common ground, to focus on the future we seek for our children, and to respect the dignity of all human beings.

It’s easier to start wars than to end them. It’s easier to blame others than to look inward. It’s easier to see what is different about someone than to find the things we share. But we should choose the right path, not just the easy path. There’s one rule that lies at the heart of every religion – that we do unto others as we would have them do unto us. (Applause.) This truth transcends nations and peoples – a belief that isn’t new; that isn’t black or white or brown; that isn’t Christian or Muslim or Jew. It’s a belief that pulsed in the cradle of civilization, and that still beats in the hearts of billions around the world. It’s a faith in other people, and it’s what brought me here today (Obama: www.obamaspeeches.com).

That is rational and emotional rhetoric, coming both from the mind and the heart, as it calls for a new world order based on ethical values that bind humankind together. One certainly can hear echoes of Abraham Lincoln, Frederick Douglass, and Martin Luther King in this deeply moral worldview.

And yet, there is a counterpoint to the often – perhaps too often – repeated golden rule. As has already been mentioned, any statement, be it ever so serious, will lead to parodies that put its underlying message into humorous, ironical, or satirical question. In fact, Charles Dickens wrote in 1844 “Here’s the rule for bargains. ‘Do other men, for they would do you’” [Bryan, Mieder, 1997, p. 107], and George Bernard Shaw quipped in 1905: “Do not do unto others as you would that they should do unto you. Their tastes may not be the same” [Bryan, Mieder, 1994, p. 106]. And here are a few more modern examples of such popular witticisms:

Do unto others as you would have others do unto you – except do it to them first (1961).

Do not do unto others what they will not do for themselves (1968).

Do unto others – and then cut out (1971).

Do unto others before they undo you (1972).

Do unto others and do it fast (1997) [Monteiro, 1969, p. 62; Litovkina, Mieder, 2006, p. 123–124].

But of special interest is the anti-proverb “Do unto others before they (can) do unto you” (1915, 57) that has been registered in the *Dictionary of American Proverbs* as a new proverb in its own right with its earliest recorded reference being from 29 October 1915 in the *Indianapolis Star* newspaper: “The Golden Rule in war seems to be, Do unto others before they can do it unto you” [Doyle, Mieder, Shapiro, 2012, p. 67]. From a soldier’s perspective during the First World War this new proverb probably makes sense, but in its general use the humane message of the golden rule is lost as it expresses instead a rather self-centered and aggressive *modus operandi* in a highly competitive world.

Conclusion

To a certain degree this worldview is also expressed in the modern religiously informed modern proverbs that tend to stress worldly mores that are informed by a secular pragmatism. And yet, some of them contain solid wisdom and express their insights in meaningful imperatives. They reflect modernity and show that either God or the devil are in the details as life’s journeys move forward without forgetting that the most meaningful law of life for the interconnected modern world is the proverbial sociopolitical imperative expressed in the golden rule.

References

- Acker A. van. De duivel in spreekwoord en gezegde. Kortrijk-Heule: UGA, 1977. 208 p.
- Arthurs J. D. Proverbs in Inspirational Literature: Sanctioning the American Dream // *Journal of Communication and Religion*, 17: 1–15. Also in *Cognition, Comprehension, and Communication: A Decade of North American Proverb Studies (1990–2000)*. Ed. Wolfgang Mieder. Baltmannsweiler: Schneider Verlag Hohengehren, 2003. 37–52.
- Beardslee W. A. Uses of the Proverb in the Synoptic Gospels // *Interpretation. A Journal of Bible and Theology*, 24: 61–73. Also in *The Wisdom of Many. Essays on the Proverb*. Eds. Wolfgang Mieder and Alan Dundes. New York: Garland Publishing, 1981. 161–173.
- Beckmann W. Gott und Teufel in Stoßbeten und Flüchen: Zum Einwirken von Tabuvorstellungen auf die Sprache // *Niederdeutsches Wort*, 35. 1995. P. 31–43.
- Boas G. *Vox Populi, Vox Dei*: The Proverb's Annals // G. Boas. *Vox Populi: Essays in the History of an Idea*. Baltimore: Johns Hopkins University Press. 1969. P. 3–38.
- Bryan G. B., Mieder W. *The Proverbial Bernard Shaw. An Index to Proverbs in the Works of George Bernard Shaw*. Westport, Connecticut: Greenwood Press, 1994. 304 p.
- Bryan G. B., Mieder W. *The Proverbial Charles Dickens. An Index to Proverbs in the Works of Charles Dickens*. New York: Peter Lang, 1997. 319 p.
- Buccitelli A. 'Cleanliness of the Body is Due Reverence to God': A Proverbial Rallying Cry Turned Cultural Defense // *Proverbium*, 25. 2008. P. 23–46.
- Carter E. 'God Knows': Nikita Khrushchev's Use of Biblical Proverbs in America // *Proceedings of the Ninth Interdisciplinary Colloquium on Proverbs, 1st to 8th November 2015, at Tavira, Portugal*. Eds. Rui J. B. Soares and Outi Lauhakangas. Tavira: Tipografia Tavirense, 2016. P. 145–156.
- Champion S. G. *The Eleven Religions and Their Proverbial Lore*. New York: E. P. Dutton, 1945. 340 p.
- Chlebda W. *God and Religion in the Proverbs of the Soviet Nation* // *Europhras 97: Phraseology and Paremiology*. Ed. Peter Ďurčo. Bratislava: Akadémia PZ, 1998. P. 175–178.
- Clements W. M. *Folklore and Folklife of American Religious Communities* // *The Oxford Handbook of American Folklore and Folklife Studies*. Ed. Simon J. Bronner. Oxford: Oxford University Press, 2019. P. 806–824.
- Colston L. G. *Keep the Faith: A Biblical Reference to Surviving the Social Transitions of Life* // *Aging Families and Use of Proverbs for Values Enrichment*. Ed. Vera R. Jackson. New York: Haworth Press, 1994. P. 75–85.
- Dancy J. Lorraine M. Wynn-Dancy. *Faith Our Fathers (Mothers) Living Still: Spirituality as a Force for the Transmission of Family Values Within the Black Community* // *Aging Families and Use of Proverbs for Values Enrichment*. Ed. Vera R. Jackson. New York: Haworth Press, 1994. P. 87–105.
- Danielson L. *Religious Folklore* // *Folk Groups and Folklore Genres. An Introduction*. Ed. Elliott Oring. Logan, Utah: Utah State University Press, 1986. P. 45–69.
- Dolby S. K. *Self-Help Books. Why Americans Keep Reading Them*. Urbana, Illinois: University of Illinois Press, 2005. 208 p.
- Doyle Ch. C. On 'New' Proverbs and the Conservativeness of Proverb Dictionaries // *Proverbium*, 13/ 1996. P. 69–84.
- Doyle Ch. C. 'A Way Out of No Way': A Note on the Background of the African American Proverbial Saying // *Proverbium*, 31. 2014. P. 193–198.
- Doyle Ch. C., Mieder W. *The Dictionary of Modern Proverbs: A Supplement* // *Proverbium*, 33. 2016. P. 85–120.
- Doyle Ch. C., Mieder W. *The Dictionary of Modern Proverbs: Second Supplement* // *Proverbium*, 35. 2018. P. 15–44.
- Doyle Ch. C., Mieder W. *The Dictionary of Modern Proverbs: Third Supplement* // *Proverbium*, 37. 2020. P. 53–86.
- Doyle Ch. C., Mieder W., Shapiro F. R. (eds.). *The Dictionary of Modern Proverbs*. New Haven, Connecticut: Yale University Press, 2012. 312 p.
- Dundes A. *Thinking Ahead: A Folkloristic Reflection of the Future Orientation on American Worldview* // *Anthropological Quarterly*, 42. 1969. P. 53–72.

- Dundes A. *Holy Writ as Oral Lit: The Bible as Folklore*. Lanham, Maryland: Rowman & Littlefield, 1999. 140 p.
- Eret D. 'The Past Does Not Equal the Future': Anthony Robbins Self-Help Maxims as Therapeutic Forms of Proverbial Rhetoric // *Proverbium*, 18. 2001. P. 77–103.
- Flonta T. *God and the Devil: Proverbs in 9 European Languages*. Hobart, Tasmania: DeProverbio.com, 2002. 112 p.
- Fontaine C. R. *Traditional Sayings in the Old Testament. A Contextual Study*. Sheffield: The Almond Press, 1982. 279 p.
- Gallacher S. A. 'Vox Populi, Vox Dei' // *Philological Quarterly*, 24. 1945. P. 12–19.
- Goldstein D. E. The Secularization of Religious Ethnography and Narrative Competence in a Discourse of Faith // *Western Folklore*, 54. P. 23–36.
- Griffin A. K. *Religious Proverbs: Over 1600 Adages from 18 Faiths Worldwide*. Jefferson, North Carolina: McFarland, 1991. 228 p.
- Kraller A.-L. Resistance to Tyrants is Obedience to God. Theodore Parker's Proverbial Fight for the Ideal American Society. Burlington, Vermont: The University of Vermont, 2016. 221 p.
- McKenzie A. M. The Preacher as Subversive Sage: Preaching on Biblical Proverbs // *Proverbium*, 12. 1995. P. 169–193.
- McKenzie A. M. *Preaching Proverbs: Wisdom for the Pulpit*. Louisville, Kentucky: Westminster John Knox Press, 1996. 166 p.
- McKenzie A. M. *Preaching Biblical Wisdom in a Self-Help Society*. Nashville, Tennessee: Abingdon Press, 2002. 256 p.
- Messenger J. C. *Folk Religion // Folklore and Folklife. An Introduction*. Ed. Richard M. Dorson. Chicago: University of Chicago Press, 1972. P. 217–232.
- Miclea R. O. 'Man soll den Teufel nicht an die Wand malen'. Zum Facettenreichtum des Teufelbildes in deutschen und rumänischen Sprichwörtern und sprichwörtlichen Redensarten // *Germanistische Beiträge*, 27, 2010. P. 175–196.
- Mieder W. Proverbs in Carl Sandburg's Poem *The People, Yes* // *Southern Folklore Quarterly*, 37. 1973. P. 15–36.
- Mieder W. *Not By Bread Alone: Proverbs of the Bible*. Illustrations by Mary Azarian. Shelburne, Vermont: The New England Press, 1990. 79 p.
- Mieder W. "No Struggle, No Progress": Frederick Douglass and His Proverbial Rhetoric for Civil Rights. New York: Peter Lang, 2001. 532 p.
- Mieder W. 'Vox Populi – Voces Populi': Proverbial Revelations in Victor Klemperer's Diaries of the Nazi Years (1933–1945) // *Reflections on the Holocaust. "Festschrift" for Raul Hilberg on His Seventy-Fifth Birthday*. Eds. W. Mieder and David Scrase. Burlington, Vermont: The Center for Holocaust Studies at the University of Vermont, 2001a. P. 99–120.
- Mieder W. *Proverbs: A Handbook*. Westport, Connecticut: Greenwood Press, 2004. 305 p.
- Mieder W. 'God Helps Them Who Help Themselves'. Proverbial Resolve in the Letters of Abigail Adams // W. Mieder. *Proverbs Are the Best Policy. Folk Wisdom and American Politics*. Logan, Utah: Utah State University Press, 2005. P. 56–89 and 258–263 (notes).
- Mieder W. *International Bibliography of Paremiology and Phraseology*. 2 vols. Berlin: Walter de Gruyter, 2009a. 1147 p.
- Mieder W. "Yes We Can": Barack Obama's Proverbial Rhetoric. New York: Peter Lang, 2009b. 352 p.
- Mieder W. "Making a Way Out of No Way": Martin Luther King's Sermonic Proverbial Rhetoric. New York: Peter Lang, 2010. 551 p.
- Mieder W. "Right Makes Might": Proverbs and the American Worldview. Bloomington, Indiana: Indiana University Press, 2019. 382 p.
- Mieder W. "Do Unto Others as You Would Have them Do Unto You": The Golden Rule as an Emotional Appeal for Humanity in American History." *Emotsional'naiia sfera cheloveka v iazyke i kommunikatsii: Sinkhroniia i diakhroniia – 2020*. Eds. M. L. Kovshova, H. K. Riabtseva, P. S. Dronov, and O. S. Orlova. Moskva: Institut Iazykosnaniia RAN, 2020a. p. 237–261.

- Mieder W. The Worldview of Modern American Proverbs. New York: Peter Lang, 2020b. 256 p.
- Mieder W., Bryan G. B. The Proverbial Winston S. Churchill. An Index to Proverbs in the Works of Sir Winston Churchill. Westport, Connecticut: Greenwood Press, 1995. 434 p.
- Mieder W., Kingsbury S. A., Harder K. B. (eds.). A Dictionary of American Proverbs. New York: Oxford University Press, 1992. 710 p.
- Monteiro G. "Parodies of Scripture, Prayer, and Hymn." Journal of American Folklore, 77. 1964. P. 45–52.
- Monteiro G. "Religious Parodies." New York Folklore Quarterly, 25. 1969. P. 59–76.
- Paczolay G. European Proverbs in 55 Languages with Equivalents in Arabic, Persian, Sanskrit, Chinese and Japanese. Veszprém, Hungary: Veszprémi Nyomda, 1997. 528 p.
- Primiano L. N. "Vernacular Religion and the Search for Method in Religious Folklife." Western Folklore, 54. 1997. P. 37–56.
- Richterová O. "'Zum Teufel' and 'Fujtaifl'! The Devil in Czech and German – a Comparison." Phraseologie im interlingualen und interkulturellen Kontakt / Phraseology in Interlingual and Intercultural Contact. Eds. Melanija Fabčič, Sabine Fiedler, and Joanna Szerszunowicz. Maribor: Univerza v Mariboru. 2013. P. 111–124.
- Rosenberg B. A. The Art of the American Folk Preacher. New York: Oxford University Press. 1970. 265 p.
- Russell M. A. 'Kill 'em All and Let God Sort 'em Out': The Proverb as an Expression of Verbal Aggression // Proverbium, 16. 1999. P. 287–302.
- Samarin W. J. (ed.). Language in Religious Practice. Rowley, Massachusetts: Newbury House Publishers. 1976. 177 p.
- Shapiro F. R. (ed.). The Yale Book of Quotations. New Haven, Connecticut: Yale University Press. 2006. 1104 p.
- Szczek J., Gondek A. "Das sprachliche Bild des Teufels in der deutschen Phraseologie." Phrasenstrukturen und -interpretationen im Gebrauch II. Eds. Iwona Bartoszewicz, Joanna Szczek, and Artur Tworek. Dresden: Neisse Verlag. 2015. P. 233–242.
- Szczek J., Gondek A. "'Gott bewahre! – Uchowaj Boże!' Kommunikative Formeln mit dem Lexem Gott/Bóg im Deutschen und im Polnischen." Phraseologie und kommunikatives Handeln. Ed. Grażyna Zenderowska-Korpus. Landau: Verlag Empirische Pädagogik. 2015. P. 179–195.
- Taylor A. The Proverb. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press. Rpt. ed. with an introduction and bibliography by Wolfgang Mieder. Bern: Peter Lang, 1985. 400 p.
- Trench R. Ch. 1905. Proverbs and Their Lessons. London: George Routledge. Rpt. with an introduction by Wolfgang Mieder. Burlington, Vermont: The University of Vermont, 2003. 179 p.
- Whiting B. J. "The Devil and Hell in Current English Literary Idiom." Harvard Studies and Notes in Philology and Literature, 20. 1938. P. 201–247.
- Winton A. P. The Proverbs of Jesus. Issues of History and Rhetoric. Sheffield: Sheffield Academic Press, 1990. 236 p.

Мидер В.

Доктор филологических наук, профессор, факультет немецкого и русского языков, Вермонтский университет, США

**«БОГ И ДЬЯВОЛ В ДЕТАЛЯХ»: СЕКУЛЯРИЗОВАННАЯ РЕЛИГИЯ
В СОВРЕМЕННЫХ АНГЛО-АМЕРИКАНСКИХ ПОСЛОВИЦАХ**

Многие библейские притчи, как из Ветхого, так и из Нового Завета, актуальны и сегодня, но люди не всегда помнят об их происхождении. Есть много старых народных пословиц, в которых упоминается Бог, дьявол, вера, молитвы и другие религиозные вопросы. Наиболее известная из этих пословиц – «Бог помогает тем, кто помогает себе сам». Помня

о том, что современная жизнь стала более секуляризованной, интересно рассмотреть современные англо-американские пословицы, которые касаются этой темы. Самыми известными, несомненно, являются «Бог в деталях» и его вариант «Дьявол в деталях». Многие из почти шестидесяти пословиц, представленных в данной работе, относятся к Богу как к довольно прагматичной силе, которая помогает справляться с повседневными трудностями, например: «Бог может найти выход из любой ситуации». Народная мудрость также создала пословицы, в которых говорится о молитвах и молящихся; в них это занятие рассматривается довольно реалистично, например: «Когда молишься, двигай ногами». В данных пословицах нет святости, но некоторые содержат поучения, а также призывы к смирению, как это видно из следующих пословиц: «Надейся на Бога, но дверь свою запири», «В окопах нет атеистов». Конечно, есть и пародийные антипословицы, такие как «Люби ближнего своего, но не попадись», которые распространились в виде proverbialных выражений в обществе с небольшим количеством запретов. В целом современные религиозные пословицы подчеркивают мирские нравы, они склонны к светскому прагматизму, содержат твердую мудрость и выражают свое мировоззрение в значимых императивах. Они отражают современность и показывают, что либо Бог, либо дьявол кроются в деталях, поскольку жизнь продолжается.

Ключевые слова: англо-американец, антипословица, Библия, дьявол, дидактика, вера, Бог, современность, молитва, пословица, религия, мировоззрение.



© Пресс-служба Пермского государственного национального исследовательского университета

ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ ГРАММАТИКА

УДК 811.112.2`36

Архипова Ирина Викторовна

Кандидат филологических наук, профессор кафедры романских и германских языков, Новосибирский государственный педагогический университет, 630126, г. Новосибирск, ул. Вилюйская, д. 28, тел.: +7 (383) 2441368, e-mail: irarch@yandex.ru

Шустова Светлана Викторовна

Доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры лингвистики и перевода, Пермский государственный национальный исследовательский университет, 614990, г. Пермь, ул. Букирева, д. 15, тел.: +7 (342) 2396283, e-mail: lanaschust@mail.ru

СЕМАНТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ТАКСИСНЫХ ПРЕДЛОГОВ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА

Настоящая статья посвящена описанию семантического потенциала таксисных (моно- и политаксисных) предлогов немецкого языка vor, aus, wegen, aufgrund, dank, trotz, ungeachtet, mittels, per, zu, für, bei, in, mit, durch, unter. В статье описываются немецкие таксисные предлоги в аспекте актуализации их семантического потенциала. В этой связи авторы выделяют моноксисные предлоги, характеризующиеся моногенной обстоятельственной семантикой (каузальной, инструментальной, concessивной, консеквтивной, финальной) (см. предлоги aus, vor, wegen, aufgrund, dank, per, mittels, trotz, ungeachtet, infolge, zu, für) и политаксисные предлоги гетерогенной (обстоятельственной) семантики (см. предлоги in, bei, mit, unter, durch). Моноксисные предлоги каузальной, инструментальной, concessивной, консеквтивной, финальной семантики эксплицируют одну разновидность таксисной категориальной ситуации одновременности: каузально-таксисную (предлоги aus, wegen, vor, aufgrund, dank), инструментально-таксисную (предлоги per, mittels), concessивно-таксисную (trotz, ungeachtet), консеквтивно-таксисную (infolge), финально-таксисную (zu, für). Политаксисные предлоги in, bei, mit, unter, durch могут эксплицировать несколько вариантов таксисных категориальных ситуаций одновременности: примарно-таксисные, каузально-таксисные, кондиционально-таксисные, модально-таксисные, инструментально-таксисные и медиально-таксисные.

Ключевые слова: предлоги, таксисные предлоги, моноксисные предлоги, политаксисные предлоги, моноксисные предлоги, таксисные категориальные ситуации.

Введение

В фокусе исследовательского внимания находится семантический потенциал таксисных (моно- и политаксисных) предлогов немецкого языка vor, aus, wegen, aufgrund, dank, trotz, ungeachtet, mittels, per, zu, für, bei, in, mit, durch, unter. Вопрос описания семантики предлогов и их функционального потенциала в немецком и русском языках (в том числе, в сопоставительном аспекте) неоднократно освещался в работах современных отечественных и зарубежных исследователей [Архипова, 2019, 2020, 2020а, 2020б, 2020в, 2020г; Бирюкова, 2012; Газизов, Мурясов, 2017; Гзгян, 1989; Гареева, 2012; Старкова, 2011, 2013; Съедин, 1963; Хоружая, 2007; Шустова, Хорошева, 2020; Юнг, 1996; Blühdorn, 2012; Helbig, 1990; Schröder 1986].

Лексикографическому описанию различных лексем с точки зрения интегрального принципа системной лексикографии посвящены работы Ю. Д. Апресяна, В. Ю. Апресян и другие, включенные в коллективную монографию «Языковая картина мира и системная лексикография» [Апресян, 2006].

Наш исследовательский интерес представляет семантический потенциал предлогов немецкого языка *vor, aus, wegen, aufgrund, dank, trotz, ungeachtet, mittels, per, zu, für, bei, in, mit, durch, unter* в аспекте актуализации таксисной семантики. Вышеперечисленные предлоги были проанализированы на основе различных лексикографических источников. Предлоги характеризуются гетерогенным семантическим потенциалом и являются маркерами или экспликаторами различных таксисных категориальных ситуаций.

Основная часть

В немецком языке предлагается различать монотаксисные и политаксисные предлоги. Предлоги моногенной семантики (каузальной, инструментальной, concessивной, консекутивной, финальной) *aus, vor, wegen, aufgrund, dank, per, mittels, trotz, ungeachtet, infolge, zu, für* являются монотаксисными, а предлоги гетерогенной семантики *in, bei, mit, unter, durch* являются политаксисными.

Монотаксисные предлоги каузальной, инструментальной, concessивной, консекутивной, финальной семантики эксплицируют лишь одну разновидность таксисной категориальной ситуации одновременности: каузально-таксисную (предлоги *aus, wegen, vor, aufgrund, dank*), инструментально-таксисную (предлоги *per, mittels*), concessивно-таксисную (*trotz, ungeachtet*), консекутивно-таксисную (*infolge*), финально-таксисную (*zu, für*). Политаксисные предлоги *in, bei, mit, unter, durch* характеризуются полисемичностью, гетерогенностью и вариативностью. В силу своей темпоральной, каузальной, кондициональной, модальной, инструментальной / медиальной семантики они эксплицируют несколько вариантов таксисных категориальных ситуаций одновременности (примарно-таксисные, каузально-таксисные, кондиционально-таксисные, модально-таксисные, инструментально-таксисные, медиально-таксисные).

Немецкий предлог *aus* характеризуется каузальной семантикой, обозначая некоторую причину действия (процесса, события) («*bezeichnet den Grund*») (Dwds) (ср. также: *aus / kausal; bezeichnet den Grund / a. Angst, Zorn, Wut, Rache etw. nicht tun; a. Spaß, Höflichkeit, Dummheit etw. sagen; a. Pflichtgefühl, Vorsicht, Rücksicht, Erbarmen handeln; a. Unbedacht / Nicht aus Verachtung Eurer ist's geschehn (SCHILLER); jmdm. a. Versehen auf den Fuß treten; a. welchem Grunde sind Sie gekommen?; er hat es a. freien Stücken (freiwillig), a. eigener Initiative getan (WDG).*

Предлог *aus* (ср. синонимичный предлог *vor*) употребляется в каузальном значении в сочетании с именами существительными, обозначающими чувства и эмоции субъекта действия (процесса) типа *die Überzeugung, die Begeisterung, die Verwunderung, die Bewunderung, die Missbilligung, die Entzückung, die Neigung, die Erregung, die Bestürzung, die Aufregung, die Ernüchterung, die Verwirrung* и др. («mit Substantiven, die selbst ein kausales Merkmal tragen können») с семантическим признаком «каузальность» или «внутренняя причина» (чаще всего, психического характера) («*eine der Person interner Grund (meist psychischer Art)*») [Schröder, 1986, S. 79]. Например:

Er rettet uns *aus der Verzweiflung eines Lebens* ohne Hoffnung (Dwds).

Ein Nachbar um die 60 habe sich *aus Verzweiflung* vom Dach gestürzt, berichtet Jue Hao (Dwds).

Vassilios Skouris zieht kurz die tiefschwarzen Brauen zusammen, *aus leiser Missbilligung* oder einfach *aus Verwunderung* (Dwds).

Dieser glaubte vielleicht, er verstumme *aus Bewunderung* oder *Entzückung* ... (Dwds).

Ich schreibe seit 20 Jahren *aus Begeisterung* für den Einsatz der Spielerinnen über den Sport und möchte nicht wissen, wie gering das Medienecho ohne meine Arbeit ausfallen würde (Dwds).

Was ich in meiner Jugend getan habe, tat ich *aus Überzeugung* und *Neigung*, nicht für Geld oder die Karriere (Dwds).

Unmittelbar nach dem Abpfiff brach Donk jedoch trotz seines wichtigen Treffers in Brügges Kabine *aus Erschütterung* über den absehbaren Tod seiner Angehörigen von Weinkrämpfen geschüttelt zusammen (Dwds).

Aus Bestürzung schreibe ich verworren (Dwds).

Kabarettist bin ich aber aus einem anderen Grund geworden: *aus Ernüchterung* (Dwds).

Offenbar *aus Aufregung* erlitt ein 54-jähriger Mann auf der Tribüne einen Herzinfarkt und starb wenig später (Dwds).

Viele Angehörige und auch manche Ärzte vermuten, daß das Herz von Apallikern *aus Erregung* schneller schlägt, wenn sie das Zimmer betreten (Dwds).

В приведенных выше высказываниях монотаксисный каузальный предлог *aus* в сочетании со статальными / процессуальными девербативами *die Überzeugung, die Begeisterung, die Verwunderung, die Bewunderung, die Missbilligung, die Entzückung, die Neigung, die Erregung, die Bestürzung, die Aufregung, die Ernüchterung, die Verwirrung* эксплицирует каузально-таксисные категориальные ситуации одновременности.

Немецкий предлог *vor* употребляется при номинации внутренней (психической) причины действия или эмоционального (психического) состояния «*kein der Person interner Grund, dessen sich die Person nicht bewußt sein muß und der demzufolge nicht intentional gesteuert wird*») [Schröder, 1986, S. 214]. (Ср.: *vor / mit Dat. eines artikellosen Nomens; kausal; gibt den Grund für einen Zustand, für eine Gemütsbewegung und deren unwillkürliche Äußerung an / wegen, bewirkt durch: v. Freude, Glück strahlen; v. Angst zittern, ganz außer sich sein; mein Herz stand still, stockte v. Schreck; sie weinte v. Wut, war wie gelähmt v. Entsetzen; er errötet v. Scham, ist rot v. Zorn, wird blaß, bleich v. Furcht; v. Schmerzen schreien; sie wußte v. Arbeit nicht mehr aus und ein; unsere Hände waren klamm v. Kälte, schmerzten v. Frost; die Kleidung des Jungen starrte v. Schmutz; ein ... erblühtes Mädchen, frischfarbig und hübsch vor Gesundheit und Kraft (Th. MANN 1,449 (Buddenbr.); in dem Zimmer war v. Qualm nichts zu sehen; umg. sich nicht mehr halten können v. Lachen; v. Hunger und Durst umkommen; die Zunge klebt mir v. Durst am Gaumen; es war nicht auszuhalten v. Hitze; das ganze Haus steht v. Aufregung kopf; salopp v. Ärger, Neid, Neugierde, Einbildung platzen; / in übertr. Wendungen / umg. er sieht den Wald v. Bäumen nicht; ihm läuft v. Ärger die Galle über; er war grün v. Galle; salopp gelb v. Neid warden (WDG). Например:*

Die Kleine überschlug sich fast und erwartete von mir, daß ich *vor Begeisterung* mindestens besinnungslos werde (Ddwds).

Bambi lauschte und fürchtete sich sehr, aber sein Herz bebte *vor Bewunderung*, wenn er diese Donnerrufe vernahm (Dwds).

Mimi sperrte die braunen Tore ihrer Augen *vor Verwunderung* angelweit auf (Dwds).

Canio taumelt *vor Verzweiflung* (Dwds).

Dieser nickte und sagte so offen wie er früher mit K. gesprochen hatte, vielleicht war er zerstreut *vor Beschämung* (Dwds).

Der alte Balla nahm *vor Erstaunen* seine Pfeife in die Hand und bleckte seine zwei letzten Zähne (Dwds).

«Ich weiß, ich weiß», Herr Lehmann konnte förmlich hören, wie seine Mutter sich am anderen Ende der Leitung *vor Bedauern* krümmte, »aber da haben die Meierlings ihre Silberhochzeit, die rechnen ja fest mit uns, das können wir nicht mehr absagen« (Dwds).

Монотаксисный каузальный предлог *vor* в сочетании со статальными или процессуальными девербативами *die Verwunderung, das Erstaunen, die Bewunderung, die Begeisterung, das Bedauern, die Beschämung* маркирует каузально-таксисные категориальные ситуации одновременности.

Немецкий предлог *wegen* употребляется в каузальном значении, обозначая причину действия (процесса, события) («*bezeichnet den Grund*») (см. моногенные предлоги каузальной/каузально-консекутивной семантики *aufgrund (von)* и *infolge*) (Dwds). Ср. также «*wegen Präp. mit Gen., bes. umg. u. süddt. österr. auch mit Dat.; dem Subst. auch nachgestellt, wenn es im Gen. steht; bezeichnet den Grund/auf Grund (von), infolge*»: w. des schlechten Wetters, des schlechten Wetters w. blieben wir zu Hause; Peters w.; er konnte w. seines Vaters nicht kommen; ich ärgere mich w. dieses Fehlers; sie wurde w. ihres Fleißes, ihrer Aufmerksamkeit gelobt; dieses Erzeugnis ist w. seiner Güte berühmt; umg. u. *süddt. österr.* Du kannst es schon wegen dem Kind nicht (*BRECHT Kaukas. Kreidekreis*) (WDG).

Действия (процессы, состояния), обозначаемые предложными девербативами, служат своего рода обоснованием причины основного действия/основных действий высказывания («*Wegen*» *kann verwendet werden, wenn Handlungen, Vorgänge oder Zustände als Begründung für das Satzgeschehen angesehen werden*) [Schröder, 1986, S. 219]. В. Юнг также отмечает, что предлог *wegen* выражает причину обозначаемого в высказывании основного действия глагольного предиката, «не акцентируя внимания» на последовательность совершения основного действия глагола и сопутствующего действия предложного девербатива с *wegen* («... *wegen drückt den sachlichen Grund aus ohne besondere Betonung der Zeitfolge*») [Юнг, 1996, с. 376]. Например:

Allein aus 39 Gemeinden des Landkreises Metz sind 89 Personen *wegen Entziehung der Wehrpflicht* vor das Landgericht geladen worden (Dwds).

Reisende zu entschädigen, weil Flüge *wegen Verspätung aus* fallen oder umgeleitet werden, ist ebenfalls teuer – zu spät zu starten oder zu landen kann da eine kostengünstige Alternative sein (Dwds).

Der Unterschied bestand somit darin, dass die Amerikanische Revolution aufgrund der Institution der Sklaverei und *wegen der Überzeugung*, Sklaven würden einer anderen «Rasse» angehören ... (Dwds).

Wütende Passagiere, die mehrere Stunden lang in einem Flugzeug in Berlin auf ihren Abflug nach London warten mussten, haben die Polizei alarmiert und den Flugkapitän der British Airways *wegen Freiheitsberaubung* angezeigt (Dwds).

Dieser drohte seinerseits mit einer Anzeige gegen die Passagiere *wegen Benutzung eines Mobiltelefones an Bord* (Dwds).

Der Auslöser für das Revirement war der am Vortag erfolgte Rücktritt von Außenminister Niels Helveg Petersen, dessen Abgang *wegen der Ablehnung des Euro in der Bevölkerung* weithin erwartet worden war (Dwds).

Немецкий предлог *aufgrund* употребляется в каузальном значении (см. синонимы *wegen; veranlasst, begründet durch*) (Dwds). При употреблении предлога *aufgrund* в каузальном значении действия (процессы, состояния, события), обозначаемые, чаще всего, девербативами, служат обоснованием действий (процессов, событий) глагольных предикатов высказываний («*wenn Handlungen, Vorgänge und Zustände als Begründung für das Geschehen im Satz angesehen*») [Schröder, 1986, S. 74]. Например:

Bitcoins werden sich *aufgrund der Limitierung der Geldmenge* als Anlage etablieren (Dwds).

Wenn ich *aufgrund solcher Einschätzungen* eine Werbung präsentiert bekomme, die nicht zur mir passt, stört mich das wenig (Dwds).

Aufgrund ihrer Berechnungen kommen die Forscher Bastian Kießling und Jan Schacht zu dem Schluss, dass bei 30 Prozent der Follower von Christian Lindner fragwürdig ist, ob es sich bei ihnen überhaupt um echte Menschen handelt (Dwds).

Es ist ja wahr und gar nicht zu bestreiten, dass das Wetter meistens schlecht und die Rente oft zu niedrig ist und dass Gewalttäter schon *aufgrund dieser Berufsbezeichnung* gewalttätig sind (Dwds).

Die EZB wird sich von selbst auferlegten Kriterien, die *aufgrund der zeitlichen Entwicklung* und wirtschaftlicher Umstände nicht länger angemessen sind, kein unbedachtes Ausschleichen aufzwingen lassen (Dwds).

Zwar sind *aufgrund des Terroranschlags* in der Nähe der deutschen Botschaft Ende Mai die Abschiebungen ausgesetzt worden (Dwds).

Als meine 80-jährige Nachbarin, die Zeit ihres Lebens dort gewohnt hatte, zur Jahrtausendwende *aufgrund der Sanierungen* an den Kollwitzplatz verschoben werden sollte, bekam sie einen Schreianfall (Dwds).

Немецкий предлог *dank* употребляется в каузальном значении (см. *dank /Präp. mit Dat.; heute häufig mit Gen. / auf Grund von, durch: d. seinem Fleiße, deiner Vorsicht, ihrem guten Zeugnis; d. eures Eingreifens, seines raschen Handelns; dank des schräg einfallenden Seitenlichtes* (GRASS) (WDG).

Действие (процесс, событие) девербатива рассматривается как некоторое позитивное обоснование или причина обозначаемых в высказывании действий (процессов, событий) (см. также «...eine Voraussetzung, die vom Sprecher positiv beurteilt wird», «... wenn Handlungen und Vorgänge als positiv eingeschätzte Begründung für das Geschehen angegeben werden sollen» [Schröder, 1986, S. 98]. Например:

Wir wussten aus den Akten, daß die damals zuständigen Beamten der Staatsanwaltschaft das Verfahren einstellen wollten und hatten Informationen, daß es nur *dank einer Weisung des Justizministers Heitmann (CDU)* überhaupt zur Anklage gekommen war (Dwds).

...sie ist knapp und nur *dank des Eingreifens der Petrowzen*, des Leibregiments des Thronanwärters, einem Mordanschlag entkommen (Dwds).

Man mag zum Vergleich an die Zelle als Umwelt von (eventuell mutierten) Genen denken; und auch hier ist anerkannt, daß die Evolution nur *dank einer Regulierung dieser Beziehung* eine Richtung bekommt (Dwds).

Es steht zu befürchten, dass die Inflation von knapp sieben Prozent *dank der Abwertung* und der dadurch verteuerten Importe wieder zulegen wird (Dwds).

Dank der schnellen und weiten Verbreitung seiner Inventionen durch die Graphik wurde er einer der einflußreichsten Künstler der frühen Neuzeit nördl. der Alpen (Dwds).

Dank der Körperwahrnehmung, in der Fachsprache Interozeption genannt, ist das Gehirn auch ständig darüber informiert, wo sich der linke Arm oder der kleine Finger der rechten Hand befindet (Dwds).

Монотаксисные каузальные предлоги *wegen, aufgrund, dank* в силу своей моногенной семантики являются экспликаторами каузально-таксисных категориальных ситуаций одновременности.

Немецкий предлог *infolge* употребляется в консекутивном значении при номинации действия как некоторого обозначаемого в высказывания следствия («als Folge, Wirkung von, aufgrund von») [Schröder, 1986, S. 138] (см. также: *mit Gen. / i. starken Regens war der*

Pegelstand der Flüsse sprunghaft angestiegen; i. des Unfalls war die Straße gesperrt; i. des starken Schneefalls war der Gebirgspaß nicht passierbar; i. Nebels konnte das Flugzeug nicht starten; Infolge des düsteren Lichts konnte Robert die Einzelheiten nicht erkennen (KASACK Stadt) (WDG).
Например:

Grace Halsell ist später *infolge der Hautveränderung* an Krebs gestorben (Dwds).

Personen, deren körperliches Leistungsvermögen *infolge Erkrankung, Schädigung* oder Fehlfunktion eines inneren Organs oder der Haut in erheblichem Umfang eingeschränkt ist (Dwds).

Ein Gebäude gilt nicht als zerstört oder beschädigt, wenn die Schäden durch Mängel der Bauteile oder *infolge Abnutzung, Alterung* oder *Witterungseinwirkung* entstanden sind (Dwds).

Der Bund trägt bis zum 31. Dezember 1999 die Kosten, die den Ländern *infolge der Auflösung von Einrichtungen entstehen*, welche für Zivilschutzzwecke errichtet wurden (Dwds).

Im städt. Wohnbau wird – *infolge des Anwachsens der Bevölkerungszahlen* im 2. Jh. und des damit verbundenen Platzmangels – das freistehende Einzelhaus (domus) zunehmend von mehrstöckigen Miethäusern (Insula) verdrängt ... (Dwds).

Diese sind *infolge der Entwicklung von PK und PW Wandlungen* unterworfen (Dwds).

Ihr Hauptvorteil ist, daß die erhöhte Elastizität *infolge der Verjüngung* sie weniger bruchanfällig macht (Dwds).

Монотаксисный консекutivoный предлог *infolge* эксплицирует консекutivo-таксисные категориальные ситуации одновременности в приведенных выше высказываниях немецкого языка. Предложные девербативы *infolge des Übergangs, infolge der Verjüngung, infolge der Entwicklung, infolge des Anwachsens, infolge der Auflösung, infolge Erkrankung, infolge Schädigung, infolge Abnutzung, infolge der Hautveränderung, infolge der Anrechnung, infolge Eheschließung* и др. являются актуализаторами консекutivo-таксисных категориальных ситуаций одновременности.

Немецкий предлог *per* употребляется в инструментальном и медиальном значении («+media/instrumental») [Schröder, 1986, S. 166]. Данный предлог служит для обозначения некоторого средства («zur Bezeichnung des Mittels, wodurch etw. übermittelt, befördert oder erreicht wird ...») (Dwds) (см. также *per / Präp. mit Akk., meist mit Subst. ohne erkennbaren Kasus* (lat.) 1. / *bezeichnet das Mittel, wodurch etw. befördert, übermittelt wird* / mit: Güter p. Bahn, Expreß, Schiff befördern; p. Schiene (*auf dem Schienenweg*) p. Luft (*auf dem Luftweg*) Aber nicht Nordost und nicht Südwest ging's ... sondern landein, immer *per* Achse (*mit einem Fahrzeug* (Bredel Heerstraßen); durch: Nachrichten p. Post, Telefon, Funk, Eilboten übermitteln; die Rechnung wurde p. Nachnahme beglichen; ein Brief p. Adresse (*abzugeben bei*) Familie Schulz Kaufm. / *bei Mengen- und Maßangaben* / pro, für: eine Ware p. Kilo, Stück verkaufen; /räuml./p. Meter, Hektar; / zeitl. / (bis) zum: d. Bezahlung, Lieferung erfolgt p. ersten Juni; p. sofort (*gleich*); 2. /in besonderen Redewendungen/ umg. scherzh. p. pedes (*zu Fuß*) kommen Neupräg. salopp p. Anhalter fahren; umg. jmdn. p. du anreden (*jmdn. duzen*) er war mit allen gleich *per* du (*duzte alle gleich*) (EISENREICH Urgroßvater) (WDG). Например:

Also reanimierte man die längst verblichene Marilyn Monroe *per elektronischer Bildbearbeitung* und montierte den Firmenchef Toni Megge nachträglich in eine ihrer Filmszenen hinein (Dwds).

Weil die Medien zu lange schwiegen, aber auch, weil die Polizei *per Pressemitteilung* verbreitet hatte: «Ausgelassene Stimmung – Feiern weitgehend friedlich» (Dwds).

Entsperrt werden kann das V30 wahlweise *per* frei wählbarer Klopfgeste, wie von LG gewohnt, *per Gesichtserkennung* auch bei ausgeschaltetem Display oder über die Stimmerkennung (Dwds).

Zuvor hatte Trump bereits Regulierungen von Obama unter anderem für die Kohleindustrie *per Verordnung* zurückgedreht (Dwds).

Welche Zahl das Institut schlussendlich nach außen gibt, werde *per Abstimmung* entschieden (Dwds).

Немецкий предлог *mittels* употребляется в инструментальном значении (см. *Mittels / Präp. mit Gen. / papierdt. mit Hilfe von, durch: sie öffneten die Kiste m. eines Brecheisens; dass er dort das Tor des Mautnerschen Hauses mittels eines Schlüssels ... geöffnet (LERNET-HOLENIA Graf); / mit Dat., wenn der Gen. nicht erkennbar ist / etw. m. Drähten verbinden*) (WDG).

Das zumindest würde erklären, warum der Präsident am Mittwoch nicht selbst, *mittels einer expliziten Entschuldigung* via arabisches Fernsehen, die Verantwortung für den Skandal übernommen hat (Dwds).

Im Ausland wird *mittels Ersuchens der zuständigen Behörde des fremden Staates* oder der in diesem Staate befindlichen konsularischen oder diplomatischen Vertretungen des Bundes zugestellt (Dwds).

Das P. geschieht 1. *mittels Durchzeichnen einer Vorlage auf transparentes Papier*, das sog. Pauspapier, bzw. die dauerhaftere Pausleinwand ... (Dwds).

Neben diese personelle Auswahl trat die Förderung und Hemmung des Programms *mittels der Papierzuteilung...* (Dwds).

In der Metro durchqueren Faust und Mephisto nebst Lord Byron die Stadt Paris, was uns, wie alles andere Unterirdische, Obskure und Intime dieses Abends, *mittels Videoübertragung auf großen Leinwänden* gezeigt wird (Dwds).

Zum anderen herrscht die Kim-Familie im Land selbst *mittels Unterdrückung* und Menschenrechtsverletzungen (Dwds).

Clairbout hat die Farbaufnahme *mittels aufwendiger Bearbeitung* in eine schier endlose Kreisbewegung, Uhrzeigerbewegung versetzt, in eine große visuelle Warteschleife (Dwds).

Hilfe gibt es *mittels Videoüberwachung* nur dann, wenn eine Gruppe nicht mehr vorankommt (Dwds).

Das Ultraschallbild vom August 2004 zeigt den ersten Breitmaulnashorn-Embryo, der *mittels künstlicher Befruchtung* gezeugt worden war (Dwds).

Монотаксисные инструментальные предлоги *per* и *mittels* маркируют инструментально-таксисные категориальные ситуации одновременности.

Немецкий предлог *zu* употребляется в финальном (целевом) значении и служит для обозначения некоторой цели обозначаемого в высказывании действия («*zur Bez. des Zweckes, des Ziels; ist durch als ersetzbar*») (Dwds). Целенаправленное действие предложного девербатива *zum Schreiben, zum Lesen, zum Backen, zum Kochen, zum Schalfen, zum Sehen, zum Gehen, zum Laufen* и др. является при этом предпосылкой, целью и мотивацией для некоторого действия глагольного предиката («*ein absichtsvolles, willentlich vorgenommenes Geschehen ist die Voraussetzung für das im Finaladverb Ausgedrückte, das bezweckt und zugleich Motivation für die verbale Handlung ist*») [Schröder, 1986, S. 235]. Например:

Das einfachste war schon, sie gab ihn Lena *zum Lesen* (Dwds).

Zum Schreiben brauche ich Ruhe (Dwds).

Das Einweichwasser wird selbstverständlich mit *zum Kochen* verwendet (Dwds).

Meine Mutter hat ihm *zum Schlafen* das Sofa in der Stube gerichtet ... (Dwds).

Zum Backen des Clafoutis nimmt man eine große Auflaufform (ersatzweise auch mehrere kleine) (Dwds).

Sie braucht Krücken *zum Gehen*, weil das auf die Hände geht, trägt sie Fahrradhandschuhe (Dwds).

Sie starb in dem Augenblick, an dem ich die Augen *zum Sehen* öffnete (Dwds).

Wir treffen uns *zum Laufen* in den Harburger Bergen, Trepoll macht das jeden Morgen, seit eineinhalb Jahren, allmählich ist es ihm anzusehen (Dwds).

Немецкий предлог *für* употребляется в финальном (целевом) значении («*bezeichnet das Ziel, den Zweck*») (Dwds) (см. также: «*bezeichnet das Ziel, den Zweck / er spart f. ein Auto; die Arbeiter streiken f. höhere Löhne; f. den Frieden eintreten; f. eine Idee kämpfen; er sorgt f. Ordnung; er kandidiert f. das Amt des Präsidenten; er tut viel f. die Erziehung seiner Kinder; der Schauspieler bereitete sich f. seinen Auftritt vor; er lieh ihm f. die Fahrt sein Motorrad; man lernt nicht f. die Prüfung, sondern fürs Leben; das genügt f. die Klärung des Sachverhalts; die Wasserkraft f. die Energiegewinnung ausnutzen; die Bedingungen, Möglichkeiten, Voraussetzungen f. die Erhöhung der Arbeitsproduktivität; ein Kriterium, Merkmal f. die Unterscheidung finden; die finanziellen Mittel f. den Bau von Straßen; der Plan f. die Umgestaltung der Industrie; der richtige Standort f. das Fotografieren des Gebäudes; das Training f. die Olympiade; es hat sich kein Bewerber f. die Stelle gemeldet; dieses Wetter ist günstig f. Erntearbeiten; dieses Gerät ist geeignet, notwendig, wichtig f. wissenschaftliche Untersuchungen; er ist f. den Militärdienst tauglich; das Auto hat nur 70 Minuten f. diese Strecke (um diese Strecke zurückzulegen) gebraucht er benutzte einen Tintenstift f. das Formular (um das Formular auszufüllen)») (WDG). Например:*

Aber *fürs Laufen* gibt es mittlerweile viele nützliche Accessoires (Dwds).

«Hair Port» in der Neuen Kantstraße verlangt *fürs Schneiden* und *Föhnen* seit einer Woche 37 Euro statt 70 Mark, für die Tönung 24 Euro statt 45 Mark, was zusammen rund fünf Mark mehr macht (Dwds).

Fürs Kochen wird viel Strom verbraucht, und wie das ja auch sonst ist: wer mehr kauft, kriegt's billiger! (Dwds).

Fürs Lesen jedoch wird er meist wieder zu Papier gebracht (Dwds).

Wer dieses Programm zwischen zwanzig und dreißig Minuten im geschlossenen Raum oder an der freien Luft durchzieht, ist bestens gewappnet *fürs Gehen, Laufen* oder Fahrrad fahren (Dwds).

Монотаксисные предлоги финальной (целевой, финитивной) семантики маркируют финально-таксисные категориальные ситуации одновременности (см. приведенные выше высказывания с таксисными финальными предлогами *zu* и *für*).

Немецкий предлог *trotz* употребляется в concessivном значении (*Präp. mit Gen., seltener mit Dat. / ungeachtet, ohne Rücksicht auf: t. allen Fleißes, aller Versuche; t. aller Aufregung, heftiger Anstrengungen; t. des schlechten Wetters gingen wir spazieren; / seltener, bes. österr., schweiz. mit Dat. / t. dem schlechten Wetter, gewissen Beobachtungen, allen Erfahrungen, allen Zweifeln; t. dem Verbot des Vaters ging der Junge auf das Eis; / in der festen Verbindung / t. allem, t. alledem*) (WDG).

Предложные девербативы с предлогом *trotz* в обстоятельственной функции номинируют некоторое событие/действие, являющееся основанием или «обстоятельством» (субъективным/объективным) для обозначаемого в высказывании действия- или события-следствия («*In dem trotz-Adverbial wird der objektive oder subjektive Umstand angegeben, der nicht die erwartete Folge/Wirkung zeigt*») [Schröder, 1986, S. 169]. Например:

Trotz Verspätung steigt er gemächlich aus seinem Audi A8 (Dwds).

Trotz des Angriffs auf die parteilose Kandidatin Henriette Reker wählt Köln an diesem Sonntag einen neuen Oberbürgermeister (Dwds).

Die Fahnder drangen gewaltsam in die Wohnung ein, nachdem er *trotz des Klingelns* nicht die Tür geöffnet hatte (Dwds).

Nach einem Bericht der britischen BBC dauern die gewalttätigen Auseinandersetzungen *trotz der Ankunft der Mission in Syrien* an (Dwds).

Trotz des Besuchs griff Israel nach palästinensischen Angaben weiter an (Dwds).

Dazu finden sich im Ehlerding-Puzzle – *trotz des Schweigens wichtiger Zeugen* – verschiedene Teile (Dwds).

Немецкий предлог *ungeachtet* употребляется в concessивном значении («bezeichnet eine Einräumung ohne Rücksicht auf, trotz; Grammatik: mit Genitiv, präpositional, einem Nomen vorgestellt/einem Nomen nachgestellt; ungeachtet wiederholter Mahnungen, Bitten, wiederholter Mahnungen, Bitten ungeachtet wurde nichts geändert, ungeachtet der Schwierigkeiten, ungeachtet dessen hat er doch die Arbeit geschafft; des schlechten Wetters ungeachtet, der späten Stunde ungeachtet gingen wir spazieren») (Dwds). Например:

Ungeachtet der Empörung auf deutscher Seite hält die Türkei an dem Verbot eines Truppenbesuchs durch Verteidigungsstaatssekretär Ralf Brauksiepe fest (Dwds).

Ungeachtet des drohenden Scheiterns des Handelsabkommens Ceta am Widerstand der belgischen Region Wallonie hat Bundeswirtschaftsminister Sigmar Gabriel (SPD) die Beteiligung der Parlamente in den EU-Mitgliedstaaten verteidigt (Dwds)

Ungeachtet aller Mahnungen von Hilfsorganisationen und den Vereinten Nationen zeigt sich Russland weiter nicht kompromissbereit, bei der Länge der Feuerpausen Zugeständnisse zu machen (Dwds).

Ungeachtet ihres Rückschlags in der Stichwahl sind die Freiheitlichen weiterhin ein wichtiger, wahrscheinlich sogar der wesentliche Machtfaktor (Dwds).

Ungeachtet des Anschlags in München ist der Christopher-Street-Day am Samstag in Berlin gefeiert worden (Dwds).

Den russischen Behindertensportlern droht *ungeachtet der Entscheidung des IOC* weiter das Aus für die Paralympics in Rio de Janeiro (7. bis 18. September) (Dwds).

Монотаксисные concessивные предлоги *trotz* и *ungeachtet* маркируют concessивно-таксисные категориальные ситуации одновременности (см. приведенные выше высказывания с таксисными предложениями concessивной семантики *trotz* и *ungeachtet*).

Политаксисные предлоги *in*, *bei*, *mit*, *unter*, *durch* могут употребляться в темпоральном, каузальном, кондициональном, модальном, инструментальном/медиальном значениях. В силу своей гетерогенной семантики (темпоральной, каузальной, кондициональной, модальной, инструментальной/медиальной) они эксплицируют различные варианты таксисных категориальных ситуаций одновременности (примарно-таксисные, каузально-таксисные, кондиционально-таксисные, модально-таксисные, инструментально-таксисные, медиально-таксисные).

Немецкий предлог *in* может употребляться в темпоральном и модальном значениях («zeitl. / 1. / mit Dat.; dient der Angabe einer Zeit, a) *innerhalb derer (irgendwann) etw. vor sich geht, ist* / es geschah im Jahre 1960; im letzten Jahr, Sommer hat es viel geregnet; in den Weihnachtsfeiertagen wird er mich besuchen; mitten in der Nacht wachte ich auf; in der Nacht (*nachts*) ist wenig Verkehr auf den Straßen er las das Buch in 3 Stunden; im Augenblick kann ich darauf keine Antwort geben; er musste in aller Frühe aufstehen; im Anfang war die Tat (GOETHE Faust); schon in seiner Kindheit, in der Jugend, im hohen Alter litt er an Schlaflosigkeit; er wollte im Laufe des Abends anrufen; in Freud und Leid zusammenstehen; im Krieg (*während des Krieges*) gab es Lebensmittelkarten das sagte er mir im Vorübergehen (*als er vorüberging*); b) *nach deren Verlauf etw. vor sich geht, ist; weist von der Gegenwart in die Zukunft* / in drei Jahren wird er zurückkehren; in einer Stunde wollen wir essen; das Vergnügen findet heute in acht Tagen, in ein paar Wochen statt; der Zug wird in ein paar Minuten eintreffen; das Buch soll in Kürze (*bald*)

erscheinen; 2. *mit Akk.* / das reicht (bis) weit in die Vergangenheit, in meine Jugendzeit, in seine frühe Kindheit zurück; das läßt sich (bis) ins vorige Jahrhundert zurück verfolgen; er schrieb bis in die späte Nacht hinein; umg. er blieb bis in alle Ewigkeit (*sehr lange Zeit*)»)(WDG). Например:

Sie zieht *im Gehen* ihren Mantel aus und ihren Kittel an (Dwds).

Der große Mensch hinter dem kleinen hebt *im Fahren* die Hand, das heißt «Halt» (Dwds).

Im Laufen habe ich den Lauf abgeknickt und den Bolzen hineingeschoben (Dwds).

Vor sich auf den gefliesten Boden starrend, stillte er *im Stehen* seinen Hunger (Dwds).

Er salutierte vor lauter Verlegenheit *im Sitzen* und schlug die über den Parkettboden scharrenden Hacken zusammen (Dwds).

Wenn er zur Rechten über die Schulter sah, sah er in den sonnenhellen Himmel hinein, und dann sprangen die Schatten *im Reiten* mit ... (Dwds).

При употреблении в модальном значении предлог *in* указывает на обозначение способа действия («*modal mit Dat.*; bezeichnet *in adv.* Wendungen die Art und Weise / um jmdn. in großem Bogen herumgehen; jmdn. in hohem Bogen hinauswerfen; etw. in deutsch oder in englisch sagen; im Fluge vergehen; etw. in aller Offenheit, im stillen, im geheimen tun; in einer bestimmten Reihenfolge, in Reih und Glied, im Kreis marschieren; in guter Laune sein; etw. in der Übersetzung lesen; in aller Unschuld fragen; in Wirklichkeit, in Wahrheit verhielt sich alles ganz anders; sich in weiß kleiden; er kam in eigener Angelegenheit, Person; papierdt. in seiner Eigenschaft als ...; das interessiert im allgemeinen nicht; er spricht in einem fort (*ständig*) das ist im Grunde genommen, nicht im geringsten, im höchsten Grade verwerflich; umg. etw. im Nu (*sofort*) begreifen etw. in den Tod (*absolut*) nicht leiden können etw. im Vorübergehen (*nur flüchtig*) erledigen / *in + Subst. ist durch ein Adv. auf -weise ersetzbar* / in Haufen, Massen, Mengen, Scharen; in Paketen, Säcken, Bündeln, Eimern; in Stücken; in Abschnitten; in Kompanien, Divisionen; mit: etw. in Demut, Trauer, Wut tun; etw. in allen Einzelheiten, in großen Zügen schildern; er redet in Gleichnissen, in Bildern, spricht in Rätseln; etw. in Gegenbeispielen zeigen; etw. im Scherz, Ernst sagen; in einer hohen Geschwindigkeit an jmdm. vorbeifahren; in barem Gelde, umg. in harter Währung zahlen; in Öl, Wasserfarben malen; in Stiefeln, Hemdsärmeln umherlaufen; er kam in Hut und Mantel, in Uniform; in der Eisenbahn fahren; etw. in einem Zug leeren; in der festen Überzeugung, dass ...») (WDG). Например:

Aber diese Dinge gehen *im Rauschen* unter (Dwds).

Im Besinnen darauf, was den eigentlichen Wert von Weihnachten ausmacht, fand Pastor Heiderstädt die richtigen Worte: Außer einem Fest der menschlichen Wärme und Liebe – ein Fest der Hoffnung» (Dwds).

In der Überzeugung, ja doch bald zurückzukehren, hatten sie anfangs nicht einmal ihre Gärten bestellt (Dwds).

Das alles tritt in den Interviews nicht direkt hervor, aber es zeigt sich, verbogen, *im Schweigen* und *Verlegenheitslachen* (Dwds).

Hier merken wir nur an, dass man *im Nachdenken* und *in Verbindung mehrerer Schlüsse*, zuweilen auf Definitionen verfällt, deren Definita bereits unter gewissen Namen bekannt sind (Dwds).

Немецкий предлог *bei* может употребляться в темпоральном, модальном, кондициональном и каузальном значениях. При употреблении в темпоральном значении данный предлог указывает на обозначение одновременности действий (процессов, состояний) («*bezeichnet die Gleichzeitigkeit eines Zustandes, Vorganges mit einem anderen (sich an gleichen Ort vollziehenden) Zustand, Vorgang* / 1. a) b. dem gestrigen Regen fanden wir unter einem Baum Schutz; b. näherer Betrachtung stellte sich heraus, dass ...; beim Auftritt des Clowns gab es viel Gelächter; beim Abgang des Zuges waren alle Plätze besetzt; beim Herannahen der

Gefahr ertönte das Signal; eine neue Methode beim Schleifen einführen; b. Einbruch der Dunkelheit wurde die Beleuchtung eingeschaltet; b. der Versammlung wurde viel geraucht; ich lernte ihn b. einer Geburtstagsfeier kennen; er ist beim Lesen eingeschlafen; er reiste b. Nacht; das sonderbare Ereignis b. seiner Geburt, seinem Tode; veraltend b. (zu) Lebzeiten seines Vaters veralt. Von da an haben wir alle geglaubt, daß wir noch bei diesen unseren Zeiten ... den Antichrist erwarten müßten (LE FORT Papst); b) / mit Betonung der räumlichen Vorstellung / b. Tisch (beim Essen) sitzen umg. b. Wasser und Brot (in Gefangenschaft) sitzen sie sitzt immer noch b. ihrem Pullover (beim Stricken ihres Pullovers) er war b. Verdun (im Kampf um Verdun) verwundet worden der Ballon wurde b. 1000 Meter (als er 1000 Meter hoch gestiegen war) angehalten») (WDG). Например:

Es gibt *beim Lesen* Wichtigeres als Spannung (Dwds).

Manfred warf *beim Fahren* einen flüchtigen Blick darauf und nickte (Dwds).

Die Arme hängen auch *beim Gehen* seitlich am Körper herab, pendeln aber leicht in der Bewegung mit.

Mit seinem buschigen Schwanz deckt der Husky sein Gesicht *beim Schlafen* zu (Dwds).

Beim Laufen hatte er es nicht bemerkt, doch als er nun stand und nachsann, fiel ihm auf, dass es kalt wurde (Dwds).

Zufrieden höre ich mir *beim Atmen* zu, gleite tiefer unter die Decke und tauche langsam ab (Dwds).

Кроме того, данный предлог может указывать на обозначение некоторого сопутствующего обстоятельства (см. модальное значение предлога *bei*) («*bezeichnet einen Begleitumstand* / der Zug passierte die Grenze b. Regen; er schläft b. geöffnetem Fenster; die Steigerung der Produktion b. gleichzeitiger Verkürzung der Arbeitszeit; das Werk produziert jetzt das Doppelte b. gleichbleibend guter Qualität; b. Verlust der bürgerlichen Ehrenrechte wurde er zu fünf Jahren Zuchthaus verurteilt; das Betreten des Eises ist b. Strafe verboten (*ist verboten, wobei Zuwiderhandlungen bestraft werden*)») (WDG). Например:

Die Amplitude vergrößert sich *bei Verkürzung der Wellenlänge*, bis die Stelle maximaler Auslenkung erreicht wird (Dwds).

При номинации некоторого условия действия предлог *bei* употребляется в кондициональном значении («*bezeichnet außerdem die Bedingung* / b. Regen gehen wir nicht spazieren; b. Gelegenheit werde ich ihn zur Rede stellen; die Notbremse darf nur b. Gefahr gezogen werden; b. Ausnutzung aller Möglichkeiten läßt sich das Ziel erreichen; b. Versammlungen sollte man nicht rauchen; dies Medikament darf nur b. hohem Fieber angewandt werden; b. Frühgeburten ist besondere Sorgfalt erforderlich; Wasser kocht b. 100 Grad; b. Entfernungen über 100 Kilometer beträgt der Zuschlag 3 Mark; b. Licht besehen (*wenn man die Sache genau betrachtet*)») (WDG). Например:

Danach wird bei entsprechender Nachanmeldung gegenüber den Finanzbehörden bis Ende 2003 eine pauschale Gebühr von 25 Prozent auf Kapital und Zinserträge erhoben und *bei Ausnutzung der Frist* bis Ende Juni 2004 in Höhe von 35 Prozent (Dwds).

Kindersitze lassen auch an Isofix-Befestigungen verankern und *bei Benutzung einer Babyschale* vorn lässt sich der Beifahrerairbag abschalten (Dwds).

Beim Ziehen am neu zusammengestellten Gerät sei dieses sofort explodiert (Dwds).

Кроме того, предлог *bei* может употребляться в каузальном значении и обозначать некоторую причину («*bezeichnet außerdem den Grund* / b. dem Regen sind die Wege unpassierbar; b. deinen guten Augen brauchst du keine Brille; b. solcher Ausbildung ist diese Leistung nicht verwunderlich; b. den gewaltigen Bodenschätzen dieses Landes ist seine rasche industrielle Entwicklung sicher») (WDG). Например:

So manchem Professor wurde *beim Anblick des energiegeladenen, jungen Publikums* ein ganz klein wenig bang (Dwds).

Beim Anblick junger, gut aussehender Sängerinnen werden im Journalistenhirn Vergleichshormone ausgeschüttet (Dwds).

Немецкий предлог *mit* может употребляться в инструментальном/медиальном, модальном, темпоральном и каузальном значениях. При употреблении в инструментальном значении данный предлог обозначает некоторое средство, необходимое для осуществления какого-либо действия («bezeichnet das Mittel; Grammatik: ist zum Teil durch die Präposition »durch« ersetzbar, wenn der Vermittler gemeint ist: mit dem Auto, Zug fahren, mit dem Bleistift, Füller schreiben, mit dem Kopf nicken, mit der Zunge schnalzen, mit der Peitsche knallen, Brot mit einem Messer schneiden, etw. mit Geld bezahlen einen Nagel mit der Zange herausziehen, sich mit kaltem Wasser waschen, den Brand mit Wasser löschen, etw. mit Fleckenwasser entfernen, etw. mit der Post, Eisenbahn befördern, der Brief wurde mit einem (= *durch einen*) Boten geschickt das Schiff mit einem (= *durch einen*) Torpedo versenken, etw. mit (= *durch*) Gewalt, Freundlichkeit, Fleiß erreichen, mi etwas Glück, seiner Erlaubnis wird es gehen, sich mit etw. trösten, etw. mit wenigen Worten sagen) (Dwds).

При употреблении в инструментальном значении предлог может обозначать различные инструменты, в частности, намеренно/ненамеренно используемые предметы (орудия труда, материалы (вещества) и др.) («zur Wiedergabe von *intentional oder nicht intentional gebrauchten Gegenständen ...*»; «Das Instrument hat *Werkzeugcharakter*»; «Das Instrument ist ein *Material, das im Prozeß der Tätigkeit in das Produkt eingeht*») [Schröder, 1986, S. 146]. Кроме того, в качестве инструмента может выступать часть тела человека («Das Instrument ist ein *Teil des Körpers*») [Ibid., S. 147]. Например:

Viele Versuche wurden neben Größenschätzungen ... *mit Heben von Gewichten* und *Beurteilen ihres Schweregrades* durchgeführt (Dwds).

Teilweise wurden ältere Bewohner *mit Tragen* aus der Gefahrenzone gebracht (Dwds).

При употреблении в медиальном значении данный предлог указывает на обозначения некоторого средства, являющегося причиной или намерением для осуществления основного действия высказывания («... *wenn ein Adverbialgeschehen als ursächliches oder aber intentionales Mittel charakterisiert werden kann*») [Ibid., S. 148]. Например:

Ein Jahr vor ihrem Tod antwortete Ingeborg Bachmann darauf *mit Schweigen* (Dwds).

Die Kriegserklärung Rumäniens wurde *mit dem Angriff* beantwortet ... (Dwds).

Zur Zeit des Aktienbooms wurden Tagesschwankungen von fünf Prozent *mit Achselzucken* quittiert, jetzt reicht überhaupt Bewegung (Dwds).

При употреблении в темпоральном значении предлог *mit* указывает на обозначение хронологического значения одновременности обозначаемых в высказывании действий (событий, состояний, событий) / *zeitl.; bezeichnet die Gleichzeitigkeit eines Vorganges, Zustandes mit einem bestimmten Zeitpunkt oder einem anderen Geschehen; ist z. T. durch bei ersetzbar* / m. dem (*beim*) Einbruch der Dunkelheit, m. Tagesanbruch machten wir uns auf den Weg m. dem (*beim*) Gongschlag ist es 22 Uhr m. dem (*beim*) Startschuß lösten sich die Sprinter von den Startblöcken m. dem heutigen Tag tritt die Verfügung in Kraft; die Organisation wurde m. Kriegsende verboten; *österr.* m. erstem März (*mit Wirkung vom ersten März*) beginnt der Prozeß ihm wurde m. erstem Mai die Rente aberkannt; m. einem Male, umg. m. eins (*plötzlich*) im Alter von: m. fünf Jahren lernte er lesen; er machte m. 23 sein Examen; wie er wohl m. 60 aussieht?; / *weist auf einen zeitlichen Verlauf hin* / m. zunehmendem Alter wurde er vernünftig; m. der Zeit (*nach und nach*) normalisierte sich alles m. den Jahren wurde er einsilbiger) (WDG). Например:

Seit den Sechzigern, *mit Schließung der Faßabteilung im Eisenwerk*, wo Benno Kröttmann gearbeitet hatte, waren sie bei den zur Lindens als «Hausmeisterpaar» angestellt, eine Bezeichnung, die vor allem Bennos wirkliches Betätigungsfeld ... kaum umfasste (Dwds).

Ein Bundeskanzler oder Ministerpräsident wird *mit dem Antreten* einer Kompanie Soldaten geehrt (Dwds).

Mit dem Eintritt in den I. Weltkrieg gaben alle kriegführenden Staaten ihre bis dahin bevorzugte Edelmetallwährung auf und ersetzten diese durch Papiergeldwährungen (Dwds).

Mit dem Angriff auf die Sowjetunion im Juni 1941 und dem totalen Krieg gegen den «jüdischen Bolschewismus» erfolgte dann der vorbehaltlose Übergang zu einer Politik des direkten Massenmords (Dwds).

При употреблении в модальном значении данный предлог указывает на некоторое сопутствующее обстоятельство, при котором совершается основное действие глагольного предиката («*modal; bezeichnet einen Begleitumstand; mit + Subst. ist z. T. durch ein Adv. ersetzbar* / er starrte ihn m. offenem Mund an; m. Geschrei (*schreiend*) stürzte er sich auf den Feind m. einem Schrei stürzte er hin; er sprach m. leiser Stimme; er fuhr m. hoher Geschwindigkeit, umg. m. Achtzig, salopp m. Volldampf; er kam m. Fieber (*fiebernd*) nach Hause m. vollen, leeren Händen ankommen; die Sportler zogen m. flatternden Fahnen ins Stadion; etw. m. Vergnügen, Begeisterung (*begeistert*) hören, tun So trollte er sich dann mit Mißmut (*mißmutig*) (DODERER Lederbeutelchen) etw. m. Geduld (*geduldig*), Ausdauer (*ausdauernd*) ertragen etw. m. Fassung hinnehmen; er hat das m. Bedacht, Berechnung getan, gesagt; etw. m. Nachdruck (*nachdrücklich*) fordern das hat er m. Leichtigkeit (*leicht*) bewältigt) (WDG). Например:

Zuschauer begleiten ihre Sätze *mit Nicken* und begeistertem Beifall (Dwds).

Mit Lachen fängt man die Masse, mit dem Witz kann man Berlin erobern (Dwds).

Und diesem körperlichen Kalkül, das sich immer wieder *mit Zucken* und *Flimmern* und winzigen Ruderschlägen wie ein Glockentierchen ins Gleichgewicht setzt, entspricht ein geistiges, lieber Freund, das nicht weniger aufregend ist (Dwds).

Der Attentäter Anders Behring Breivik hat nach Überzeugung des norwegischen Geheimdienstes auf eigene Faust und *mit Berechnung* getötet (Dwds).

Die Schlange wendet sich und windet sich *mit Drehn* ... (Dwds).

При употреблении в каузальном значении предлог *mit* указывает на номинацию причины действия (kausal; bezeichnet den Grund, die Ursache / wegen: er lag m. Angina, Diphtherie im Bett; er musste sich m. seinem kranken Bein setzen; er kam m. seinen geringen Kenntnissen nicht voran) (WDG). Ср.:

Wenn er dann auch noch Probleme beim Reden macht und man *mit Sprechen* sein Geld verdient, ist die Belastung extrem (Dwds).

Каузальная семантика может совмещаться с кондициональной семантикой (см. «*mit [+causal 1, +kond ...]*») [Schröder, 1986, S. 152]. Ср.:

Nur *mit Ziehen an Zweigen oder Abstoßen an Baumwurzeln* kommt man voran (Dwds).

Немецкий предлог *unter* может употребляться в модальном, темпоральном, кондициональном и каузальном значениях. При употреблении в модальном значении он указывает на обозначение некоторого сопутствующего действия или состояния («*als begleitender Umstand*» [Ibid., S. 188] (см. также: *modal / mit Dat.; bezeichnet einen Begleitumstand / mit: u. Tränen, Angst, Zittern etw. tun; u. großen Schmerzen zugrunde gehen; u. Protest der Anwesenden betrat er den Saal; die Zeit verging u. Scherzen; etw. u. Eid aussagen; u. Vorspiegelung falscher Tatsachen etw. in seinen Besitz bringen; etw. u. größten Schwierigkeiten, u. Aufbietung aller Kräfte erreichen; die Verhandlung fand u. Ausschluß der Öffentlichkeit statt; papierdt. etw. u. Berufung auf Tatsachen sagen; u. einem Vorwand jmdn. ansprechen; / bezeichnet*

außerdem die Bedingung / u. der Voraussetzung, Bedingung, dass ...; u. diesen, anderen Verhältnissen könnte er es nicht tun; Math. u. (*in*) einem bestimmten Winkel: die Geraden schneiden, kreuzen sich u. einem Winkel von 40 Grad die Linie neigt sich u. einem Winkel von 75 Grad; Seemannsspr. das Schiff fährt u. (*mit*) vollen Segeln / *bezeichnet außerdem die Zugehörigkeit* / das Buch ist u. folgendem Namen, Pseudonym, Titel bekannt, veröffentlicht; die Hörfolge läuft u. dem Namen des Autors, u. fremdem, falschem Namen; kann ich Sie u. dieser Rufnummer erreichen?; 2. / *mit Dat. u. Akk.*; *bezeichnet einen Zustand* / a) /*mit Dat.*; *bezeichnet den Zustand, in dem sich etw. Befindet* / der Kessel steht u. Dampf, Druck; die Leitung steht u. Strom; den Hochofen u. Feuer (*in Betrieb*) halten u. Vakuum arbeiten; u. Quarantäne stehen; u. Naturschutz, Denkmalschutz stehen; die Stadt lag u. Beschuß (*wurde fortwährend beschossen*) u. Zwang, Zeitdruck stehen; u. Alkohol stehen (*unter der Wirkung von Alkohol stehen, berauscht sein*), b) /*mit Akk.*; *bezeichnet das Versetzen in einen Zustand* / unter den Einfluß von etw.: den Kessel u. Dampf setzen; die Stadt wurde u. Beschuß genommen; jmdn. u. Druck setzen (*jmdn. mit Forderungen bedrängen, mit Drohungen einschüchtern*) (WDG). Например:

Ist das Netz mal wieder überlastet, macht sich das beim Surfen als lästige Wartezeit bemerkbar, eine Internet-Telefonverbindung aber verschwindet *unter Rauschen* und *Knacken* im Nirwana des Cyberspace (Dwds).

Unter dem Sprechen wurde er wärmer und wärmer, und als wir schieden, war er herzlich wie ein alter Freund (Dwds).

Einer sagte *unter dem Kopfnicken der anderen* ... (Dwds).

Unter dem Schweigen der Welt haben die indonesischen Besatzer in den vergangenen Jahren über 200000 Osttimorer ermordet (Dwds).

Kim stellte sich *unter dem Schmunzeln des Kanzlers* als Mercedes-Fahrer vor (Dwds).

При употреблении в кондициональном значении предлог *unter* указывает на обозначение условия основного действия и употребляется, как правило, с именами, эксплицитно выражающими данное условие («die selbst das Merkmal der Konditionalität tragen können, Bedingungen wiedergeben») (*unter der Voraussetzung, unter den Bedingungen* и др.) [Schröder, 1986, S. 189].

Der Heubacher schlug vor, *unter Einbeziehung des alten Masten*, einen Aussichtsturm zu erstellen (LC).

Der Bulle wurde *unter Berücksichtigung aller Vorsichtsmaßnahmen* durch die Polizei erschossen (LC).

При употреблении в каузальном значении данный предлог указывает на номинацию причины основного действия глагола (*kausal; bezeichnet den Grund; in fester Abhängigkeit von einigen Verben; mit Dat.* / u. Kälte leiden; u. Qualen der Krankheit seufzen) (WDG). Например:

Unter dem Lachen, das den Raum ausfüllte bei den Worten, die schon so oft gesprochen worden waren, wich das Kind zurück (Dwds).

Wir winden uns im Dunkeln durch enge Gassen, Esel und Cameele schreiten neben uns vorüber, wir schwitzen *unter dem Tragen der Mäntel und des Gepäcks* (Dwds).

При употреблении в темпоральном значении данный предлог указывает на обозначение одновременности действий (*zeitl.; bezeichnet die Gleichzeitigkeit; mit Dat. / süddt.* während: das Nebenzimmer ist *unter der Woche* immer frei (WALSER Eiche); Die Schmerzbekämpfung *unter der Geburt* (Urania 1961) (WDG). Например:

«Er weiß nicht mal, woher seine nächste Mahlzeit kommt!», ruft David Cameron *unter dem Lachen seiner Parteifreunde* (Dwds).

Немецкий предлог *durch* употребляется в модальном, инструментальном и каузальном значениях. При употреблении в модальном значении данный предлог указывает на

посредника, причины (*Urhebe, Ursache*) [Helbig, 1990, S. 172] или деятеля (агенса) («Agens») в высказываниях с пассивными конструкциями (*modal / steht in passivischen Sätzen statt von, wenn das logische Subjekt nicht unmittelbarer Ausgangspunkt des Geschehens ist / Deutschland wurde d. den Dreißigjährigen Krieg verwüstet; er ist d. mich zugrunde gerichtet worden; er wurde d. einen Schuß getötet; er wurde d. den Präsidenten ausgezeichnet; / wenn das logische Subjekt ein Naturereignis bezeichnet / die Stadt wurde d. ein Erdbeben fast völlig zerstört; die Fabrik wurde d. einen Brand vernichtet; / steht bei der Substantivierung eines passivischen Satzes / die Entdeckung Amerikas d. Kolumbus; die Ermordung Cäsars d. Brutus; die Erfindung der Buchdruckerkunst d. Gutenberg*) (WDG). Например:

Durch das tiefere Inhalieren und das häufigere Ziehen an solchen Zigaretten nehmen Raucher laut DKFZ unbemerkt zum Teil sogar größere Mengen an Nikotin und Teer auf als beim Rauchen herkömmlicher Produkte (Dwds).

Durch das Ziehen an der Zigarette entsteht der Verdampfungsprozess, der nach einem einmaligen Zug schon wieder unterbrochen automatisch werden kann (Dwds).

При употреблении данного предлога в инструментальном значении он фиксирует инструмент, средство или посредника (см. синонимичный предлог *mit*) («*Modal. Instrument, Mittel, Vermittler*») [Helbig, 1990, S. 172]. Например:

Im Fall der Fälle ließe sich die Finanzkraft noch *durch das Heben stiller Reserven* in der Flugzeugflotte sowie durch den Verkauf nicht betriebsnotwendiger Sparten wie Catering, Frachtgeschäft oder Terminals weiter erhöhen (LC).

Durch Drücken von W schießt man kleine Kügelchen ab, um anderen eventuell zu helfen (LC).

Der Schlepperfahrer sah jedoch nicht, wie stark das Seil spannte und ob sich das Gewicht *durch sein Ziehen* schon bewegt hatte (Dwds).

Sie mischen Rohstoffe wie Sand, Soda und Kalk, schmelzen das Gemenge in Glaswannen oder Schmelzöfen und formen es anschließend *durch Pressen, Blasen, Spinnen* oder *Walzen* zum gewünschten Produkt (LC).

При употреблении в каузальном значении данный предлог указывает на обозначение причины основного действия высказывания (*kausal; bezeichnet den Grund; ist eng mit der modalen Verwendung verbunden, vgl. / auf Grund: d. angestrengte Arbeit ist er krank geworden*) (WDG). При этом обозначаемая причина «выступает как некий посредник между причиной и следствием, способствующий совершению действия» [Съедин, 1963, с. 107]. Например:

Senkwehen machen sich *durch leichtes Ziehen im Rücken* und in den Beinen bemerkbar (Dwds).

Spindeln, so komplex, dass das Gebilde nicht mehr zusammengesetzt werden kann, wenn es – *durch Ziehen an einem bestimmten Teil* – auseinanderfällt (Dwds).

Durch das viele Heben und Tragen hat die 27-Jährige Rückenprobleme bekommen (LC).

Итак, немецкие таксисные предлоги *vor, aus, wegen, aufgrund, dank, trotz, ungeachtet, mittels, per, zu, für, bei, in, mit, durch, unter* характеризуются достаточно разнообразным семантическим потенциалом. Они являются маркерами или экспликаторами различных таксисных категориальных ситуаций одновременности.

Моногенные предлоги обстоятельственной семантики (каузальной, инструментальной, концессивной, консеквтивной, финальной) *aus, vor, wegen, aufgrund, dank, per, mittels, trotz, ungeachtet, infolge, zu, für* являются монотаксисными, а предлоги гетерогенной семантики *in, bei, mit, unter, durch* являются политаксисными.

Заключение

Монотаксисные предлоги каузальной, инструментальной, concessивной, консеквтивной, финальной семантики эксплицируют одну разновидность таксисной категориальной ситуации одновременности: каузально-таксисную (предлоги *aus, wegen, vor, aufgrund, dank*), инструментально-таксисную (предлоги *per, mittels*), concessивно-таксисную (*trotz, ungeachtet*), консеквтивно-таксисную (*infolge*), финально-таксисную (*zu, für*). Политаксисные предлоги *in, bei, mit, unter, durch* в силу своей гетерогенной семантики (темпоральной, каузальной, кондициональной, модальной, инструментальной/медиальной) эксплицируют несколько вариантов таксисных категориальных ситуаций одновременности (примарно-таксисные, каузально-таксисные, кондиционально-таксисные, модально-таксисные, инструментально-таксисные, медиально-таксисные).

Список литературы

- Архипова И. В. Синкретизм в сфере актуализации таксисных значений одновременности // Современная наука: Актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2019. № 12 (2). С. 149–154.
- Архипова И. В. Предложные девербативы в инструментально-таксисной и каузально-таксисной категориальных ситуациях // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2020. № 02. С. 127–131.
- Архипова И. В. Таксисообразующий потенциал полисемичных предлогов // Гуманитарный научный вестник. 2020а. № 4. С. 84–89.
- Архипова И. В. Монотаксисные предлоги в секундарно-таксисной среде одновременности (на материале разноструктурных языков) // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2020б. № 11-2(5). С. 62–64.
- Архипова И. В. Прототипическая семантика политаксисных предлогов // Актуальные вопросы современной науки: теория, методология, практика, инноватика // Сборник научных статей по материалам II Международной научно-практической конференции. Уфа: Изд-во «Башкирский государственный университет», 2020в. С. 141–144.
- Архипова И. В. Политаксисные предложные коннекторы в разноструктурных языках // Евразийский гуманитарный журнал. 2020г. № 3. С. 29–36.
- Бирюкова Е. В., Шведова И. В. Функционирование предлога *aus* в немецком языке и способы его передачи на русский язык // Ярославский педагогический вестник. Т. 1. Гуманитарные науки. 2012. № 3. С. 136–139.
- Газизов Р. А., Мурясов Р. З. Система предлогов в контрастивно-типологическом аспекте // Вестник Башкирского университета. 2017. Т. 22. № 2. С. 424–432.
- Гареева Л. М. Синонимия и вариативность предлогов финитивной семантики в современном русском языке // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Лингвистика. 2012. № 2(261). С. 101–104.
- Гзгян Д. М. Функция предлога в составе семантической структуры высказывания. Автореф. к. филол. н. Москва, 1989. 15 с.
- Старкова Л. И. Проблема становления функционально-семантических свойств предлога // Вестник Нижневартковского государственного гуманитарного университета. 2011. № 4. С. 77–82.
- Старкова Л. И. Структурирование значений предлогов (на примере немецкого предлога *aus*) // Культура, наука, образование: проблемы и перспективы. Материалы II Всероссийской научно-практической конференции. Отв. ред А. В. Коричко. Нижневартовск: Изд-во «Нижневартковский государственный университет», 2013. С. 132–133.
- Съедин В. Н. Предлоги немецкого языка. Москва: Высшая школа, 1963. 287 с.
- Хоружая Ю. Н. Семантические функции пространственных и временных предлогов в немецком и русском языках. Автореф. к. филол. н. Краснодар, 2007. 29 с.

Шустова С. В., Хорошева Н. В. Функциональный потенциал предлогов и их классификационные основания // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. 2020. Т. 6. № 3. С. 48–57.

Юнг В. Грамматика немецкого языка. Санкт-Петербург: Лань, 1996. 517 с.

Языковая картина мира и системная лексикография / В. Ю. Апресян [и др.]; отв. ред. Ю. Д. Апресян. Москва: Языки славянских культур, 2006. 910 с.

Blühdorn H. Verknüpfungseigenschaften von Satzkonnectoren im Deutschen. Am Beispiel der Kausal- und Konsekutivkonnectoren // Deutsche Sprache 40. 2012. S. 193–220.

Helbig G. Kurze deutsche Grammatik für Ausländer / Gerhard Helbig; Joachim Buscha. 6., unveränd. Aufl. Leipzig: Verlag Enzyklopädie, 1990. 294 S.

Schröder J. Lexikon deutscher Präpositionen. Leipzig. 1. Auflage, 1986. 268 S.

Dwds – Немецкий корпус. URL: <http://www.dwds.de> (дата обращения: 15.01.2021).

WDG – Wörterbuch der deutschen Gegenwartssprache. URL: <http://www.dwds.de/d/wb-wdg> (дата обращения: 15.01. 2021).

LC – Лаборатория корпусной лингвистики Лейпцигского университета. URL: <http://www.wortschatz.uni-leipzig.de> (дата обращения: 15.02. 2021).

Arkhipova I. V.

Ph. D. (Philology), Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russia

Shustova S. V.

Grand Ph. D. (Philology), Perm State University, Perm, Russia

SEMANTIC POTENTIAL OF TAXIS PREPOSITIONS IN GERMAN

This article is devoted to the description of the semantic potential of taxis (mono- and polytaxis) German prepositions vor, aus, wegen, aufgrund, dank, trotz, ungeachtet, mittels, per, zu, für, bei, in, mit, durch, unter. The article describes German taxis-forming prepositions in terms of their semantic potential. In this regard, the authors distinguish monotaxis prepositions characterized by monogenic adverbial semantics (causal, instrumental, concessive, consecutive, final) (see the prepositions aus, vor, wegen, aufgrund, dank, per, mittels, trotz, ungeachtet, infolge, zu, für) and politaxis prepositions of heterogeneous (adverbial) semantics (see prepositions in, bei, mit, unter, durch). Monotaxis prepositions of causal semantics, instrumental, concessive, consecutive, final semantics explicate one kind of taxis categorical situation of simultaneity: causal-taxis (prepositions aus, wegen, vor, aufgrund, dank), instrumental-taxis (prepositions per, mittels), trotz, ungeachtet, consecutive taxis (infolge), final taxis (zu, für). The polytaxis prepositions in, bei, mit, unter, durch can explicate several variants of taxis categorical situations of simultaneity: primary-taxis, causal-taxis, conditional-taxis, modal-taxis, instrumental-taxis and medial-taxis.

Keywords: prepositions, taxis-forming prepositions, monotaxis prepositions, political taxis prepositions, monotaxis prepositions, taxis categorical situations.

УДК 81'42

Путина Ольга Николаевна

Старший преподаватель кафедры английского языка профессиональной коммуникации,
Пермский государственный национальный исследовательский университет,
614990, г. Пермь, ул. Букирева, д. 15, тел.: +7(342) 2396833, e-mail: onputina@mail.ru

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ДИСКУРСИВНОГО МАРКЕРА *ВООБЩЕ* В ДИАЛОГИЧЕСКОМ ЕДИНСТВЕ *ВОПРОС-ОТВЕТ*

Дискурсивные маркеры диалогического дискурса повседневности обладают большим функциональным потенциалом. Данные единицы организуют дискурс, актуализируют прагматические функции, осуществляют маркирование определённых смыслов, передают дополнительную информацию интенциональной «направленности». Включаясь в систему многоступенчатого прагматического варьирования, дискурсивные маркеры способны выполнять как основную, так и вспомогательную прагматические функции, а также модифицировать инвариантную интенциональную структуру. Дискурсивные маркеры охватывают то, что традиционно называется: описанием, диалогом, повествованием, внутренним монологом, косвенной речью. Эти единицы считаются эталоном текстового потока и актуализируются с точки зрения изменения их взаимоотношений между собой и с источником высказывания как точкой отчёта. Дискурсивные маркеры в рамках диалогического единства вопрос-ответ функционируют в обеих его составляющих – в вопросе и в ответе. Исследование функционирования дискурсивного маркера вообще в диалогическом единстве вопрос-ответ осуществляется с применением функционально-прагматического подхода, позволяющего конкретизировать значение дискурсивного маркера в его соотносительности с другими единицами. Дискурсивный маркер вообще исследуется с точки зрения функционального потенциала, а именно структурных, семантических и прагматических характеристик. Возможные прагматические значения маркера актуализируются в контексте. При работе с материалом используется корпусный анализ (Национальный корпус русского языка, база данных корпусной лаборатории Лейпцигского университета), контекстуальный анализ, а также приёмы классификации и систематизации языкового материала. Дискурсивный маркер вообще в русском языке демонстрирует изоморфичные функции в аспекте актуализации функционально-прагматического потенциала. Многообразие прагматических функций маркера вообще свидетельствует о полифункциональной природе дискурсивного маркера, диалогического единства и диалогического дискурса в целом.

Ключевые слова: дискурсивный маркер, диалогический дискурс, диалогическое единство вопрос-ответ, прагматическая функция, функциональный потенциал, контекст.

Введение

В современной лингвистике дискурсивные маркеры изучаются как класс единиц с уникальными формальными и прагматическими возможностями, высокой частотностью употребления и транскатегориальным характером. Единственный критерий их выделения – функционально-прагматический. Существует особая сложная вспомогательная система дискурса, состоящая из взаимодействующих функциональных подсистем, которые, в свою

очередь, формируют функционально синкретичное единство. Средствами этой вспомогательной системы дискурса и являются дискурсивные маркеры, организующие дискурс и речевой контакт – взаимодействие адресанта с адресатом [Викторова, 2014, с. 14–21]. Мы исследуем дискурсивные маркеры с точки зрения их функционального потенциала, под которым понимаем комплекс потенциалов, реализуемых данной языковой единицей в речи. Дискурсивные маркеры выражают различные оттенки значений, выступают в свободном соединении друг с другом, занимают различные позиции в предложении, присоединяются к предложениям разной синтаксической структуры. В нашем исследовании мы обращаемся к выявлению и описанию структурных, семантических и прагматических функций дискурсивных маркеров в диалогическом единстве *вопрос-ответ*.

Основная часть

В данной статье представлены результаты корпусного исследования дискурсивного маркера *вообще* в диалогическом единстве *вопрос-ответ*. Во-первых, были отобраны контексты, содержащие маркер *вообще* в диалогическом единстве *вопрос-ответ* в рамках дискурса повседневности; при этом были исключены примеры, где данный маркер употребляется в монологических дискурсах, в строго регламентированных типах дискурса, в связи с чем количественный анализ единиц производился нами самостоятельно. Во-вторых, была зафиксирована частотность функционирования дискурсивного маркера, его частеречная принадлежность; исследованы семантические характеристики путём анализа лексикографических источников. В-третьих, на основании контекстуального анализа примеров нами были выделены и описаны прагматические функции дискурсивного маркера.

Частотность использования маркера *вообще* составляет 21384 документов, 102080 вхождений в Национальный корпус русского языка, 41536 результатов в Reverso Context Dictionary, 364314 – в Leipzig Corpora Collection. Частота (ipm) леммы *вообще* – 2989.8 SE Ipм (общая частота, которая характеризует число употреблений на миллион слов корпуса, или ipm (instances per million words) [ЧС].

В русском языке слово *вообще* известно с XI–XVII вв. [ЭС-Ш]. *Вообще* – *вообще, вопче* (стар.) *нераздельно, совокупно, вместе, собица; оптом, огулом, повально, не частно, без изъятий; всюду, всегда* [ТСЖВЯ]. Элемент *вообще* наряду с такими словами, как *в общем, в целом, в принципе* относится к группе единиц, связанных с семантикой «обобщения». *Вообще* образовано от прилагательного *общий*, сохраняет в себе значение противопоставления общего и частного, при этом общее предполагает ещё и лишение индивидуальных свойств [ПДС, с. 105]. *Общее* рассматривается как принцип бытия всех единичных вещей, явлений, процессов, а также как закономерная форма их взаимосвязи в составе целого.

Разные словари причисляют дискурсивный маркер *вообще* к следующим разрядам: 1) наречию [БТС-К; ТСЖВЯ; ТС-ОШ; ТС-У; ВС; ССРГ-О; СТСРусЯз; ЭС-Ш]; 2) союзу [БТС-К]; 3) частице [ТС-ОШ]; 4) вводному слову [УФС-В; ТС-ОШ; ВС; СРусЯз-Е]; 5) обобщающему слову [БТС-К; СРусЯз-Е]; 6) междометию [ССРГ-О].

В лексикографических источниках содержатся следующие значения маркера *вообще*:

1. *Не вдаваясь (или не входя) в подробности, не выделяя частных, не касаясь частных, в основном, в общих чертах, в целом, взяв в целом, обобщая, говоря обобщённо, в общем (и целом), по большому счету, во всех отношениях, по отношению ко всему, по отношению к большей части случаев, в большей части случаев*[СС-А; БТС-К; СТСРусЯз; ТС-У; ТС-ОШ; ВС; СРусЯз-Е; ЭС-Ш].

2. *Вообще говоря, вообще-то, в общем-то* [СС-А].

3. *По идее, в принципе* [ССРГ-О], [СС-А].

4. *Абстрактно, отвлеченно* [СТСРусЯз].
5. *При любых условиях и обстоятельствах, при всяких условиях, в любое время* [СТСРусЯз; ТС-ОШ; ВС; БТС-К; СРусЯз-Е; ЭС-Ш].
6. *Всегда, постоянно, во всем* [ТС-У; ТС-ОШ; ВС; БТС-К].
7. *Как правило, обычно* [СТСРусЯз; ВС; БТС-К].
8. *Приблизительно, примерно* [ВС; ТС-У].
9. *Совсем, абсолютно, совершенно* [БТС-К; ВС].
10. *По сути* [ВС].
11. *Совсем не..., вовсе не...* [ЭС-Ш].
12. *Это так, хотя....*
13. *Без уточнений.*
14. *В той или иной степени.*
15. *Нет и быть не может.*
16. *Сейчас – не то, что всегда.*
17. *Это так, но...* [ПДС].
18. Употребляется при противопоставлении чего-нибудь одного, более существенного и бесспорного, другому, сопутствующему [ТС-ОШ].
19. Указание на возможное перечисление (и так далее) [ССРГ-О].
20. Употребляется перед итогом, заключением [СРусЯз-Е].
21. Употребляется для усиления [ВС].

Семантический потенциал маркера *вообще* включает значение переоценки некоторого заданного элемента ситуации, которая предполагает переход от изолированного рассмотрения элемента к рассмотрению его в связи с другими элементами – с другими носителями некоторого свойства. Прагматические функции дискурсивного маркера *вообще* были выделены на основании анализа контекстов с данным элементом из диалогов русскоязычных корпусов и форумов. Всего было отобрано и проанализировано 600 контекстов с маркером *вообще* и установлено, что дискурсивный маркер *вообще* реализует 14 прагматических функций, представленных следующими контекстами и интерпретациями.

1. Акцентирование. Адресант реализует функцию выделения с целью акцентирования внимания адресата на тех или иных свойствах объекта. Адресант создаёт некий образ, выделяет некую деталь или часть целого и актуализирует доминирующую нагрузку:

– *Что думаешь про фильм «Поймай меня, если сможешь»? – Одни люди используют ложь во благо, другие в плохих, а то и вообще опасных целях. Такому же наркотику поддался 16-летний Фрэнк Эбегнейл* [НКРЯ].

2. Выбор. Адресант реализует значение выбора, разрешая неопределённость в своей деятельности или деятельности адресата в условиях множественности альтернатив:

– *А не послушать ли мне лучше музыку или вообще побыть наедине со своими мыслями?* [LCC]

3. Дополнение. Адресант актуализирует значение дополнения, добавляя свойств, возможностей объекту или явлению:

– *Ты где сейчас? – Я направляюсь домой, и вообще была мысль побегать* [RC].

4. Заключение, завершение, вывод, итог, резюмирование. Адресант реализует значение утверждения, сделанного на основе вывода. В процессе мыслительной деятельности выводится новое суждение относительно положения дел, обстоятельств:

– *Как это происходит? – Вообще... закончив 1-й курс понимаешь, что ты уже повзрослела... поумнела и школьники начинают казаться просто маленькими детишками, которые ещё мало что понимают...* [НКРЯ].

5. Закономерность, регулярность. Адресант демонстрирует существенную повторяющуюся взаимосвязь явлений действительности:

– *И есть ли вообще в школах настоящие женщины? Уверен, что да, есть* [НКРЯ].

6. Критика, осуждение. Адресант реализует значение критики, анализируя, оценивая и осуждая положение дел, событий, явлений; адресант выявляет противоречия, ошибки, ошибочные представления адресата:

– *Кто знает, как она вообще получила лицензию адвоката?* [RC]

7. Обобщение, генерализация. Адресант реализует указание на то, что свойства адресата присущи не ему одному, а некоторой совокупности объектов. Обобщение является прототипической функцией для дискурсивных маркеров. Обобщение предполагает переход от вариантной смысловой компоненты к инвариантной, то есть получение общих суждений.

– *А ты полон позитива, смотрю?* – *Да, я вообще веселый парень – и на работе, и на отдыхе* [RC].

8. Отрицание, отказ, несогласие. Адресант демонстрирует функционирование механизма психологической защиты, отказываясь признавать существование нежелательного факта или отрицая существование такого факта. Адресант выражает несогласие относительно событий и информации, которые не может или не готов принять:

– *Михаил Борисович, почему вы галстук не носите, вы же олигарх?! – Действительно... Да мне он не идёт, шею трёт и вообще не нравится* [НКРЯ].

9. Оценка, скептическая оценка. Адресант находится с адресатом в иерархически соподчиненных отношениях и информирует о статусе значимости объекта для познающего адресата. Адресант устанавливает релевантность чего-либо для адресата, при этом актуализируется эмоциональная, положительная или отрицательная модификация:

– *Зачем ты туда пошел?* – *Это вообще... не выглядело опасным* [RC].

10. Перечисление. Адресант актуализирует значение перечисления, используя гиперогипонимический ряд:

– *Как вы понимаете слова Эйнштейна "Бог не играет в кости"? Может, играет, ловчит и вообще, жульничает?* – *Эйнштейн имел в виду, что вселенная лишена случайностей, природа детерминирована, и если что-то кажется нам случайным, это значит лишь то, что мы пока не видим закономерности, которая за этим стоит. Доведенное до предела, это выражение означает принципиальную познаваемость мира, его стабильность. Так что, выходит, бог играет в кости и, скорее всего, жульничает* [ФЯЗ].

11. Присоединение, приобщение, включение. Адресант демонстрирует значение генерализации путём реализации функции присоединения в контекстах, объединяя элементы в одну систему:

– *Что Вы думаете об этой музыкальной программе?* – *Мне она определенно понравилась. И вообще, британские детские песенки здесь весьма уместны* [RC].

12. Противопоставление. Адресант реализует значение противопоставления, используя элементы сопоставления и сравнения объектов с целью указания на их несходство и противоположность; наблюдается выдвижение объекта, равного другому, замещающего или превосходящего по своим свойствам, характеристикам, признакам, критериям, качествам:

– *Летом 2016-го я посмотрела фильм «Капитан Фантастик», вы, наверное, о нем не слышали. – Как тебе фильм?* – *Вообще, большинство представителей некоммерческого кино очень отличаются от дорогих блокбастеров. Тебе не четко разжевывают наскучившую мораль, а лишь подталкивают на какие-то мысли. И тогда уже конкретно твоя голова размышляет над этим и делает свои выводы* [Блог WoMo].

13. Усиление. Адресант / адресат реализует значение усиления путем выдвижения более ярких, сильных, действенных качественных и количественных признаков, свойств, характеристик объекта; фиксируется степень проявления интенсивности тех или иных признаков:

– *Хочешь услышать? Даже меня эти прыжки с высоты в то время продирали до мурашек... а уж про первый виденный мною буллет-тайм в кино – это вообще полный ... вынос мозга...* [НКРЯ]

14. Уточнение. Адресант / адресат реализует значение уточнения, модифицируя объект в более конкретный, точный:

– *Эту ситуацию с приватизацией **ВООБЩЕ** как-то реально разрешить, без участия матери?*[LCC].

Заключение

Дискурсивный маркер *вообще* исследуется с точки зрения структурного, семантического и прагматического потенциала. Для анализа были использованы этимологические, толковые, объяснительные, фразеологические, контекстные, частотные словари, словари синонимов и служебных слов. В результате были выявлены новые прагматические функции, а также уточнены ранее зафиксированные значения. Как показало исследование, дискурсивный маркер *вообще* включается в систему многоступенчатого прагматического варьирования и модифицирует инвариантную интенциональную структуру в диалогическом единстве *вопрос-ответ*. При дальнейшем изучении дискурсивных маркеров интерес могут представлять следующие аспекты: интегральное исследование функционирования дискурсивных маркеров на основе комплекса методов (включая методы корпусной лингвистики), изучение маркеров в аспекте лингвоконфликтности, лингвотолерантности, языковой экономии, а также функционирование дискурсивных маркеров в различных типах дискурса и в разноструктурных языках.

Список литературы

- Александрова З. Е. Словарь синонимов русского языка: практический справочник: около 11 000 синонимических рядов. 17-е изд., стер. Москва: Дрофа: Рус. яз. Медиа, 2010. 564 с. СС–А
- Баранов А. Н., Плунгян В. А., Рахилина Е. В. Путеводитель по дискурсивным словам русского языка. Москва: Помовский и партнёры, 1993. 205 с. ПДС
- Блог WoMo // URL: <https://womo.ua/> (дата обращения: 2021).
- Большой толковый словарь русского языка: А–Я / РАН. Ин-т лингв. исслед.; Сост., гл. ред. С. А. Кузнецов. Санкт-Петербург: Норинт, 1998. 1534 с. БТС–К
- Викисловарь URL: <https://ru.wiktionary.org/wiki/%D0%BD%D1%83> (дата обращения: 2021).
- Викторова Е. Ю. Синкретизм дискурсивных слов // Известия Саратовского университета. Сер. Филология. Журналистика. 2014б. Т. 14. Вып. 3. С. 14–21.
- Ляшевская О. Н., Шаров С. А., Частотный словарь современного русского языка (на материалах Национального корпуса русского языка). Москва: Азбуковник, 2009. URL: http://dict.ruslang.ru/freq.php?act=show&dic=freq_spoken&title=%D7%E0%F1%F2%EE%F2%ED%FB%E9%20%F1%EB%EE%E2%E0%F0%FC%20%E6%E8%E2%EE%E9%20%F3%F1%F2%ED%EE%E9%20%F0%E5%F7%E8 (дата обращения: 2020). ЧС
- Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru/> (дата обращения: 2019–2021). НКРЯ
- Словарь современного русского города: ок. 11 000 слов, ок. 1000 идиоматических выражений / Под ред. д-ра филол. наук, проф. Б. И. Осипова. Москва: ООО «Издательство «Русские словари»: ООО «Издательство Астрель»: ООО «Издательство АСТ»: ООО «Транзиткнига», 2003. 565 с. ССРГ–О

Современный толковый словарь русского языка Т. В. Ефремовой. URL: <https://gufo.me/dict/efremova/%D0%B2%D0%BE%D0%BE%D0%B1%D1%89%D0%B5>(дата обращения: 2019–2021). СТСРус–Яз

Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. / В. Даль. Репр. воспроизв. изд. 1912–1914. Москва: Цитадель, 1998. в Т. 2: И–О. Москва: Цитадель. 2030 с. ТСЖВЯ

Толковый словарь русского языка под ред. Д. Н. Ушакова. URL: <https://ushakovdictionary.ru/word.php?wordid=36540>(дата обращения: 2019–2021). ТС–У

Толковый словарь русского языка: 72500 слов и 7500 фразеологических выражений / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова; Российская АН, Ин-т рус. яз., Российский фонд культуры. 2-е изд., испр. и доп. Москва: Азъ, 1994. 907 с. ТС–ОШ

Универсальный фразеологический словарь русского языка / Под ред. Т. Волковой. Москва: Вече, 2000. 463 с. УФС–В

Форум. Яндекс Знатоки. URL: <https://yandex.ru/znatoki> (дата обращения 2021). ФЯЗ

Шапошников А. К. Этимологический словарь современного русского языка / Сост. А. К. Шапошников: в 2 т. Т. 1. Москва: Флинта: Наука, 2010. 584 с. ЭС–Ш

Leipzig Corpora Collection / Deutscher Wortschatz. URL: <http://wortschatz.uni-leipzig.de/en> (дата обращения: 2018–2021). LCC

Reverso Context. Контекстный словарь. URL: <https://context.reverso.net> (дата обращения: 2018–2021). RC

Putina O. N.

Senior Lecturer, Department of Professional English Communication,
Perm State University, Perm, Russia

FUNCTIONING OF THE DISCOURSE MARKER *вообще* IN THE DIALOGIC UNIT QUESTION-ANSWER

*Discourse markers of everyday dialogic discourse have a great functional potential. These units organize discourse, actualize pragmatic functions, mark certain meanings and transmit additional information of intentional orientation. Being included in the system of multistage pragmatic variation, discourse markers can perform both basic and auxiliary pragmatic functions and modify the invariant intentional structure. Discourse markers cover what is traditionally called: description, dialogue, narration, internal monologue, indirect speech. These units are considered to be the benchmark of textual flow and are actualized in terms of their changing relationships with each other and in relation to the source of the utterance as the point of reference. Discourse markers within the dialogic unit question-answer function in both its components – question and answer. The study of the functioning of the discourse marker *вообще* in the dialogic unit question-answer is carried out using the functional-pragmatic approach, which allows specifying the meaning of the discourse marker in relation to other units. The discourse marker *вообще* is studied in terms of functional potential, namely structural, semantic and pragmatic characteristics. Possible pragmatic meanings of the marker are actualized in context. Corpus analysis (National Corpus of the Russian Language, Leipzig University Corpus Database), contextual analysis as well as methods of classification and systematization of linguistic material are used to work with the material. The discourse marker *вообще* in the Russian language demonstrates isomorphic functions in the aspect of the actualization of the functional and pragmatic potential. The diversity of pragmatic functions of the marker *вообще* indicates the multifunctional nature of the discourse marker, dialogic unit and dialogic discourse in general.*

Keywords: discourse marker, dialogic discourse, dialogic unit question-answer, pragmatic function, functional potential, context.

УДК 81'42

Гладкова Катерина Юрьевна

Старший преподаватель кафедры лингвистики и перевода,
Пермский государственный национальный исследовательский университет,
614990 Пермь, ул. Букирева, 15, тел.: +7(342)2396238, e-mail: Katerina_G_L@mail.ru

**СВЯЗНОСТЬ ИНТЕРРОГАТИВНЫХ ВЫСКАЗЫВАНИЙ РОМАНА Г. СВИФТА
«WATERLAND» НА МАКРОУРОВНЕ**

Настоящая статья посвящена исследованию проблемы взаимодействия двух фундаментальных категорий лингвистики, интеррогативности и связности, в художественном тексте. Изучается малоисследованный в лингвистике вопрос о роли интеррогативного высказывания в формировании связности художественного текста, которая является фундаментальным свойством в единстве с цельностью. Данная проблематика восходит к изучению текстообразующей функции интеррогативности, принципов межкатегориального взаимодействия, проблемы соотношения языка и мышления, что в комплексе обуславливает актуальность данного исследования. Целью статьи является, в частности, изучение связности интеррогативных высказываний на макроуровне текста. В качестве материала выбран роман Г. Свифта "Waterland", в котором интеррогативные высказывания являются одним из средств репрезентации глубинного вопрошания, являющегося ключевым компонентом идейно-эмотивного уровня текста. Методом направленной выборки была сформирована база данных, включающая 932 интеррогативных высказывания. При анализе материала были использованы методы компонентного, контекстуального, стилистического, синтаксического анализа. В результате анализа было установлено, что связности интеррогативных высказываний как на микро-, так и на макроуровне текста способствуют лексические и грамматические средства. В качестве лексических средств связности на макроуровне были выявлены полный и частичный лексический повтор, синонимический и антонимический повтор, повтор вопросительных местоимений и наречий. Было установлено, что лексический повтор способствует тематическому и образному повтору на макроуровне, а также обеспечивает единство хронотопа и сюжета. Повтор вопросительных местоимений и наречий служит формированию сквозных для романа линий вопрошания. Антонимический повтор способствует актуализации ключевых для романа антитез, тем самым поддерживает единство на смысловом уровне художественного текста. В качестве грамматических средств связности на макроуровне были выявлены следующие: согласование видо-временных форм глаголов, полный и частичный повтор интеррогативного высказывания, анафорический повтор, синтаксический параллелизм. В целом, перечисленные средства способствуют не только формированию связности на макроуровне, но и поддержанию единства на тематическом, образном и идейно-смысловом уровне художественного текста.

Ключевые слова: интеррогативность, интеррогативное высказывание, связность, художественный текст, макроуровень текста, Г. Свифт.

Введение

Изучение интеррогативности имеет длительную историю, начиная со времен Античности, и находит отражение в разных научных дисциплинах. Прежде всего, она плодотворно изучена в философии, где осмысливается как средство познания мира и

самопознания [Аристотель, 1952; Гадамер, 1988; Декарт, 1989; Хайдеггер, 1998], в логике, в особенности в формальной логике, анализирующей различия между вопросом и суждением, и интеррогативной логике, то есть логике построения поисковых компьютерных систем [Белнап, Стил, 1981; Hintikka, Harris, 1988; Mutanen 2011]. Логико-философские традиции изучения интеррогативности развиваются и в лингвистике, в частности в семантике [Арутюнова, 1976; Кобозева, 2000; Логинов, 2015; Путина, 2021], стилистике [Арнольд, 2006; Скребнев, 1975; Кожина, Дускаева, Салимовский, 2008], грамматике [Виноградов, 1975; Пешковский, 2001; Шведова, 1980], теории речевых актов [Волошина, Миронова, 2017; Остин, 1986; Серль, 1986].

В настоящей статье категория интеррогативности рассматривается в соотношении с категорией связности, изучается малоисследованный в лингвистике вопрос о роли интеррогативного высказывания в формировании связности художественного текста. Под связностью в лингвистике понимается одно из фундаментальных свойств текста, характеризующееся синтагматичностью. Исследователями изучается роль связности в аспекте проблемы текстопорождения и текстовосприятия [Белянин, 2013; Леонтьев, 2008; Мурзин, 1974; Мурзин, Штерн, 1991], стилистики текста [Гальперин, 2006; Солганик, 2018], в теории функциональных стилей, где она, в частности, рассматривается как функционально-стилистическая семантическая категория [Котюрова, 2009, 2011], а также в теории художественного текста [Лотман, 2015; Бабенко, Казарин, 2006].

В качестве материала исследования выбран роман Г. Свифта “Waterland”, характеризующийся усиленным вопрошанием, которое репрезентировано на поверхностном уровне 932 интеррогативными высказываниями. Интеррогативное высказывание мы трактуем как структурообразующий и функционально-значимый компонент категории интеррогативности, выражающий потребность в информации о чем-либо [Логинов, 2015, с. 3–4]. В рамках данной статьи представлены результаты анализа связности интеррогативных высказываний на макроуровне текста.

Основная часть

В пределах макропространства романа связность интеррогативных высказываний реализуется посредством различных языковых средств. Среди лексических средств связности, как и на микроуровне, на макроуровне наиболее широко представлен повтор. Например, повтор ключевых слов, входящих в определенные тематические поля, способствует реализации тематического и образного повторов, что в целом формирует единство на глубинном уровне текста. Лексический повтор как средство связности интеррогативных высказываний на макроуровне служит формированию тематических полей «история», «время», «память», «любовь», «семья», «развитие», «цикличность», «жизнь», «смерть», «мироустройство» и других, которые репрезентируют единый тематический комплекс романа. В качестве примера обратимся к анализу ключевой для произведения темы истории в аспекте ее актуализации в интеррогативных высказываниях романа. Тема истории представлена в целом ряде интеррогативных высказываний, которые репрезентируют разнообразие проблем в рамках этой темы, в том числе проблемы конца истории; причинности, закономерности и хаотичности исторического процесса; развития и стагнации; места человека в мире; истории как школьного предмета; возможности/невозможности будущего; роли прошлого в истории и жизни человека и др. Связь между интеррогативными высказываниями поддерживается посредством повтора (полного и частичного, синонимического и антонимического) лексики тематического поля «история» (*History/history, historical, Histrionics, events, mud of Flanders, twentieth century, The Grand*

Narrative, past, present, Here and Now, historical process, revolution, French Revolution, history teacher, war, bombers, thousands corpses, die, death, bloodpath, Holocaust, Armageddon, battlefields of Europe и др.) Интеррогативные высказывания демонстрируют связь данной темы с темами семьи, развития, сюжетной линией, посвященной формированию Фенов, и позволяют проследить динамику темы истории в романе. Так, история появления и развития Фенов начинается с наивного, образно-ассоциативного осмысления этой местности как сказочной страны, представленного в вопросе ребенка своему отцу *Why are the Fens flat?* [Swift, 2008, p. 21], однако далее в поиске ответа на этот вопрос рассказчик привлекает научные знания из области географии, биологии, инженерного дела. Тема истории, связанная в романе с историей Фенов, развивается через описание и осмысление как конкретных семейных или исторических событий, так и абстрактных, философских вопросов, например *Now who says history doesn't go in circles?* [Ibid., p. 182] о проблеме цикличности истории, или *How many of the events of history have occurred, ask yourselves, for this and for that reason, but for no other reason, fundamentally, than the desire to make things happen?* [Ibid., p. 46] о причинности и спонтанности исторического процесса.

Интеррогативные высказывания связаны друг с другом также посредством образного повтора, который в целом способствует поддержанию единства образности романа. Так, например, тема истории подвергается образному осмыслению, что актуализировано в целом ряде интеррогативных высказываний. История осмысляется через категорию времени (*past, here and now, twentieth century, 1914, 1940* и т. д.) и пространства (*mud of Flanders*), как объект (*precious bag of clues, mountain of baggage*), как функцию (*the filler of vacuums, the dispeller of fears of the dark, seeking for explanation*). Интерес вызывает осмысление истории как текста (*the Grand Narrative, reality-obscuring drama*) и во взаимосвязи с образом воды (*watershed of history, red herring*). Образное осмысление абстрактной категории истории, таким образом, способствует приданию ей коннотации субъективности, эмоциональности, оценочного характера, а также позволяет проследить связь с другими образами романа.

В качестве другого примера можно привести образное осмысление Фенов, которое репрезентировано в интеррогативных высказываниях романа. Так, прослеживается повтор характерной для этой местности черты, как плоскость, невыразительность, что представлено рядом эпитетов (*flat Fens, empty Fens, featureless Fens, level country*). Осмысление Фенов как чего-то незначительного, малозначимого (*mud hump with a wattle chapel*) способствует идее развития в романе в целом, а в частности стимулирует тематическую линию истории развития Фенов. С другой стороны, образу Фенов приписываются коннотации сказочности и религиозности (*fairy-tale land, miraculous land, devil-ridden land*), которые вписываются в общее смысловое пространство романа.

Немаловажную роль в поддержании связности на макроуровне является повтор имен собственных, в частности имен героев романа (*Mary, Tom, Price, Dick, Freddie, Atkinson, Atkinsons, Sarah, Henry, Cricks* и т. д.), имен исторических личностей (*Napoleon, Hitler, Louis XVI, Linnaeus* и др.); названий, в том числе топонимов (*Fens, Flanders, Ouse, Gildsey, Newhithe, Wetherfield* и др.); дат (*1874, 1940, 1922, 1917* и др.), что в целом способствует формированию единства хронотопа и системы образов романа. Кроме того, единство системы образов поддерживается контекстуально синонимическими заменами, например, *Freddie Parr – drowned boy, Mary – little Madonna, Dick – savior of the world, Tom – old Cricky – your history teacher* и др. С точки зрения временной организации, на поверхностном уровне идея взаимосвязи прошлого и настоящего репрезентирована посредством грамматической категории времени глагола, а также выбором наречий, существительных и прилагательных, объективирующих семантику времени и длительности. Важно отметить

метафоричность осмысления времени, которое понимается как пространство, как процесс, как остановка, конкретизируется в отдельных событиях и обобщается до масштабов исторического развития и до более глобального, вневременного, философского осмысления. Таким образом, в интеррогативных высказываниях представлена пространственно-временная организация, основанная на диалектике настоящего и прошлого, внешнего и внутреннего, объективного и субъективного, локального и глобального.

Связности между интеррогативными высказываниями на макроуровне способствует повтор личного местоимения *you*, существительного *children*, имен собственных, а также местоименная замена «существительное / имя собственное – *you*» (*Mary – you, children – you*) в функции обращения. Например:

How do you surmount reality, children? How do you acquire, in a flat country, the tonic of elevated feelings? [Ibid., p. 24]

What do you do when reality is an empty space? [Ibid., p. 67]

So you want drama? You want action? You want the apocalyptic note? Then let me tell you [Ibid., p. 172]

And – I put it to you, children – were Ernest and all the beer-producing Atkinsons doing anything more, if on a grander scale, than what Freddie Parr's father did when he took to drink? [Ibid., p. 179]

CHILDREN, do you believe in education? Do you believe that the world grows up and learns? Do you believe in all this stuff about wise old men and young foolish ones? In elders and betters, in following your leader, in the lessons of experience ...? [Ibid., p. 235]

Представленные в выборке выше интеррогативные контексты репрезентируют разные темы, однако все они связаны обращением, выраженным в виде личного местоимения *you* или существительным *children*. Использование одних и тех же средств обращения не только способствует связи между интеррогативными высказываниями, но и формирует единые коммуникативные модели, представленные в романе. Так, уже упомянутое выше обращение *you* и *children* формирует коммуникативную модель «рассказчик (герой романа Томас Крик) – ученики», которая в контексте повествования может трактоваться более обобщенно как «рассказчик – читатель». Учитывая философский характер ряда вопросов, их сложное содержание, актуализацию в них вечных ценностей, данную модель можно интерпретировать еще более обобщенно как «рассказчик – надресат». В целом, повтор обращения, объективированного в тексте разными способами, способствует не только выстраиванию сквозных связей между интеррогативными высказываниями на макроуровне, но и репрезентации свойства диалогичности художественного текста.

Повтор вопросительных местоимений и наречий также является одним из средств связности на макроуровне текста, поскольку он формирует сквозные для романа линии вопрошания. Так, вопросительные наречия и местоимения, используемые в интеррогативных высказываниях, актуализируют семантику причинности (*why*), образа действия, способа (*how*), времени (*when*), направления (*where*), сущностных характеристик (*what, which*), лица (*who*). Важно отметить, что в силу общего философского настроения повествования вопросительные наречия частотно актуализируют более абстрактное значение вместо конкретного значения. Например, вопросительные наречия *when* и *where* не во всех случаях репрезентируют семантику запроса информации о конкретном месте и времени, а выражают также обобщенное представление автора о движении и развитии. Анализ показал наибольшее количество повторов вопросительных наречий *why* и *how*, местоимения *what*. Семантика причинности представлена в романе не только посредством вопросительного наречия *why*, но и другими лексическими единицами (*accident, coincidence, accidental, happen* и др). Она

усилена тем, что в романе представлены главы *About the Question Why* и *About Accidental Death*, расположенные последовательно. Повтор вопросительного местоимения *what* заостряет проблематику вопрошания о сути вещей, происходящих и произошедших событий, придает вопрошанию романа онтологический характер, что соотносится со смысловой линией познания, антитезой «знание – незнание», реализующейся на разных уровнях романа. Повтор вопросительного наречия *how* актуализирует семантику способа действия, а частотность его использования в сочетании с глаголом *know* в ряде интеррогативных высказываний поддерживает идею познания, поиска истины, которая является одним из ключевых компонентов идейно-эмотивного уровня романа.

Антонимический повтор, реализующийся в широком употреблении контекстуальных антонимов в интеррогативных высказываниях, служит не только связности между ними на макроуровне, но и формированию антитез «прошлое – настоящее», «реальное – сказочное», «жизнь – смерть», «замкнутость – открытость», «случайность – закономерность», «возможность – невозможность», «знание – незнание», «развитие – цикличность», «внешнее – внутреннее», «наполненность – пустота», которые вместе создают единство на глубинном уровне текста и служат реализации индивидуально-авторской эстетической концепции. Например, антитеза «развитие – цикличность» реализуется в следующей выборке:

Yet why, you may ask, did the Cricks rise no further? Why were they content to be, at best, pump-operators, lock-keepers, humble servants of their masters? Why did they never produce a renowned engineer, or turn to farming that rich soil they themselves had helped to form? [Ibid., p. 24]

When can we fix the zenith of the Atkinsons? When can we date the high summer of their success? [Ibid., p. 96]

Is there no end to the advance of commerce? But should we speak only of the advance of commerce, and not of the advance of Ideas – those Ideas which Atkinsons cannot help conceiving? [Ibid., p. 97]

Mary, wherever you are – now you're gone, still here but gone, somewhere inside yourself, now you've stopped and all that is left for anyone else is your story – do you remember (can you still remember?) how once we lay in the shell of the old windmill by the Hockwell Lode and how the flat empty Fens all around us became, too, a miraculous land, became an expectant stage on which magical things could happen? [Ibid., p. 121]

Now who says history doesn't go in circles? [Ibid., p. 209]

Данная выборка демонстрирует лишь небольшую часть интеррогативных контекстов, связанных антитезой «развитие – цикличность». Формально эта связь объективирована, помимо прочих средств, использованием контекстуальных синонимов и антонимов, которые формируют компоненты этой антитезы. Так, семантика развития актуализирована существительными *masters, zenith, high summer, success, advance, commerce, ideas*; глаголами *rise, produce, form, conceive*; прилагательных *renowned, rich*. Семантика остановки, зацикленности выражена посредством существительных *servants, end, circles*; прилагательных *humble, content*, глаголов *fix, stopped, date*; причастия *gone*; наречия *at best*, наречия с отрицательной частицей *no further*.

Как показал анализ, связности интеррогативных высказываний на макроуровне способствуют различные синтаксические средства, в частности, анафора, синтаксический параллелизм, частичный и полный повтор интеррогативного высказывания. Например, анафоры *How do you know, Who says*, использованные в ряде интеррогативных высказываний, актуализируют семантику неизвестности, полемичности, сомнения и, в целом, формируют линию «знание – незнание», которая является одной из центральных в романе. Полный и частичный повтор интеррогативного высказывания служит связи между событиями, что

поддерживает единство сюжета и хронотопа. В частности полный тождественный повтор интеррогативного высказывания *Now who says history doesn't go in circles?* [Ibid., p.182, 209], представленный в двух разных главах романа (24 *A Child's Play*, 28 *And Artificial History*), актуализирует тему истории, проблематику цикличности исторического процесса, ставит под сомнение возможность развития в целом, а также сопоставляет рассуждения рассказчика о событиях мировой истории и частной истории своей жизни. Использование повтора в данном случае выражает идею возврата к одному и тому же моменту в жизни рассказчика, потребность к его переосмыслению, заикленность на нем.

Связность художественного текста на макроуровне достигается посредством повтора не только вопроса, но и ответа. Например, повтор *Sarah's work perhaps* [Ibid., p. 92] – (*Sarah's work?*) [Ibid., p. 94] – *It's her work* [Ibid., p. 219] актуализирует семантику образа Сары Аткинсон, которая осмысливается в романе символически как провидица и хранительница рода Аткинсонов. В семантику ее образа входят компоненты значения как с положительной (успех, развитие, жизнь), так и с отрицательной (безумие, страдание, смерть) коннотацией. В первых двух интеррогативных контекстах повтор *Sarah's work* транслирует семантику успеха, которая поддерживается ближайшим микроконтекстом, например, глаголами с семантикой движения и достижения (*fetch, pass through, regain*), существительными с семантикой деятельности и достижения, которая усиливается использованием эпитетов положительной коннотации (*handsome profit, trade, railway, traffic, goods*). В последнем случае повтор *Sarah's work – it's her work* актуализирует негативные коннотации, связанные с образом Сары Аткинсон, что поддерживается глаголами и существительными с семантикой безумия, смерти, колдовства (*jinx, drive everyone crazy, burn down, stir, floods, coffin*). Таким образом, анализируемый повтор способствует созданию связи между событиями, представленными в главах 9 и 30, между временными планами, а также между образами Сары и Хелен Аткинсон, которые со- и противопоставляются в романе.

Заключение

В целом, на макроуровне текста связность между интеррогативными высказываниями реализуется посредством целого комплекса лексических средств, среди которых повторы ключевых слов, образующих тематические поля; имен, топонимов, дат; вопросительных наречий и местоимений; синонимические и антонимические повторы. Кроме того, на макроуровне использованы грамматические средства связности, например, согласование видо-временных форм глаголов, а также анафора, полный и частичный повтор интеррогативного высказывания. Перечисленные средства способствуют не только формированию связности на макроуровне, но и поддержанию единства на тематическом, образном и идейно-смысловом уровне текста.

Список литературы

- Аристотель. Аналитики. Ленинград: Государственное издательство политической литературы, 1952. URL: <http://bookre.org/reader?file=639912&pg=437> (дата обращения: 10.03.2021).
- Арнольд И. В. Стилистика. Современный английский язык. Москва: Флинта: Наука, 2006. 384 с.
- Арутюнова Н. Д. Предложение и его смысл. Логико-семантические проблемы. Москва: «Наука», 1976. 380 с.
- Белнап Н., Стил Т. Логика вопросов и ответов. Москва: «Прогресс», 1981 URL: <https://scicenter.online/logika-uchebnik-scicenter/logika-voprosov-otvetov-moskva-progress.html> (дата обращения: 05.04.2021).
- Бабенко Л. Г., Казарин Ю. В. Лингвистический анализ художественного текста. Теория и практика: учебник, практикум. Москва: «Наука», 2006. 496 с.

- Белянин В. П. Основы психолингвистики. Москва: Флинта, 2013. 416 с.
- Виноградов В. В. Исследования по русской грамматике. Москва: «Наука», 1975. 562 с.
- Волошина Т. Г., Миронова Г. В. Семантика и прагматика косвенных речевых актов вопросительных конструкций (на материале англоязычных сценарных текстов) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: «Грамота», 2017. № 3. С. 72–74.
- Гадамер Г. Г. Истина и метод. Москва: «Прогресс», 1988. 704 с.
- Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. Москва: КомКнига, 2006. 144 с.
- Декарт Р. Правила для руководства ума // Рене Декарт. Сочинения в 2-х т. Т. 1. Москва: «Мысль», 1989 URL: <https://gtmarket.ru/laboratory/basis/3958> (дата обращения: 15.03.2021).
- Кобозева И. М. Лингвистическая семантика. Москва: «Эдиториал УРСС», 2000. 352 с.
- Кожина М. Н., Дускаева Л. Р., Салимовский В. А. Стилистика русского языка. Москва: «Наука», 2008. 463 с.
- Котюрова М. П. Стилистика научной речи: учеб. пособие. Пермь: Изд-во «Пермский университет», 2009. 363 с.
- Котюрова М. П. Связность речи (как текстовая категория) // СЭС русского языка: под ред. М. Н. Кожинной. Москва: «Флинта», 2011. С. 376–380.
- Леонтьев А. А. Основы психолингвистики. Москва: Смысл, 1997. 287 с.
- Логинов, А. В. Категория интеррогативности в современном русском языке. Автореф.... д. филол. н. Тамбов, 2015. 40 с.
- Лотман Ю. М. Структура художественного текста. Санкт-Петербург: Азбука, 2015. 374 с.
- Мурзин Л. Н. Синтаксическая деривация. Пермь: Изд-во «Пермский университет», 1974. 169 с.
- Мурзин Л. Н., Штерн А. С. Текст и его восприятие. Свердловск: Изд-во «Уральский государственный университет», 1991. 172 с.
- Остин Дж. Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. М.: Прогресс, 1986. URL: <https://classes.ru/grammar/159.new-in-linguistics-17/source/worddocuments/xvii.htm> (дата обращения: 10.07.2020).
- Пешковский, А. М. Русский синтаксис в научном освещении. Москва: Языки славянской культуры, 2001. 544 с.
- Путина О. Н. Функционирование дискурсивных маркеров в диалогическом единстве вопрос-ответ (на материале русского и английского языков). Автореф. ...к. филол. н. Пермь, 2021. 24 с.
- Серль Дж. Р. Косвенные речевые акты // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. Москва: «Прогресс», 1986 URL: <https://classes.ru/grammar/159.new-in-linguistics-17/source/worddocuments/xvii.htm> (дата обращения: 20.02.2021).
- Скребнев Ю. М. Очерк теории стилистики. Горький: Изд-во «Горьковский государственный педагогический институт иностранных языков», 1975. 175 с.
- Солганик Г. Я. Синтаксическая стилистика. Москва: Издательство ЛКИ, 2018. 232 с.
- Хайдеггер М. Прологомены к истории понятия времени. Томск, 1998 URL: http://www.odinblago.ru/haideger_prolegomeni/ (дата обращения: 12.03.2021).
- Шведова Н. Ю. Русская грамматика. Т. 2. Синтаксис. Москва: Наука, 1980 URL: <https://scicenter.online/russkiy-yazyik-scicenter/funktsionalnosemanticheskie-tipyi-voprositelnyi-96649.html> (дата обращения: 15.03.202).
- Шутёмова Н. В. Рефракционная теория художественного перевода. Пермь: Изд-во «Пермский государственный национальный исследовательский университет», 2019. 200 с.
- Шутёмова Н. В. Сопоставительный анализ исходного и переводного текстов в соотношении с понятием поэтичности // Язык и культура, 2020. № 50. С. 129–151.
- Hintikka J., Harris, S. On the Logic of Interrogative Inquiry // Proceedings of the Biennial Meeting of the Philosophy of Science Association. Vol. 1. 1988. P. 233–240.
- Mutanen A. The Interrogative Model of Inquiry as a Logic of Scientific Reasoning // Вестник РУДН. Философия. 2011. № 3. С. 22–30.
- Swift G. Waterland. Picador, 2010. 355 p.

Gladkova K. Iu.

Senior Lecturer, Department of Linguistics and Translation,
Perm State University, Perm, Russia

**COHERENCE OF INTERROGATIVE UTTERNCES IN “WATERLAND” BY G. SWIFT
(ANALYSIS OF MACROLEVEL)**

The article is focused on the problem of relation of two linguistic categories, interrogativity and text cohesion, in a literary text. In particular, the role of interrogative utterance in forming a coherent text is under investigation. The topicality of the problem is motivated by the fact of insufficient research in this field, as well as by the principles of inter-categorical relations, employed in the study, and the fundamental character of the categories under consideration. The aim of the article is to study the problem of coherence of interrogative utterances at the macrolevel of a literary text. The novel “Waterland” by G. Swift was chosen to provide material for investigation. The database, including 932 interrogative utterances, was formed based on the text of the novel. The methods of component, contextual, syntactical, stylistic analysis were employed during the research. The author assumes that a variety of lexical and grammatical means provide coherence of interrogative utterances at both micro and macrolevel of a literary text. Among lexical means of coherence there were discovered such as a full and partial lexical repetition, repetition of synonyms and antonyms, repetition of interrogative pronouns and adverbs. Among grammatical means of coherence there were discovered a full and partial repetition of an interrogative utterance, anaphora, syntactical parallelism. In all, the discovered means of coherence serve not only to form a syntactical, but also a semantical unity of a literary text.

Keywords: interrogativity, coherence, interrogative utterance, literary text, macrolevel, G. Swift



УДК 81'37

Химинец Елена Михайловна

Старший преподаватель кафедры лингвистики и перевода,
Пермский государственный национальный исследовательский университет,
614990, г. Пермь, ул. Букирева, д. 15, тел.: +7 (342) 2396306, e-mail: ellen.lm@mail.ru

ИССЛЕДОВАНИЕ СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИХ МОДЕЛЕЙ ЛЕКСЕМЫ «OPÉRATION» ВО ФРАНЦУЗСКОЙ ПРЕССЕ

В январе 2013 г. началась французская операция «Сервал» на территории Мали. Данное событие получило широкое освещение в СМИ Франции. В рамках данной статьи рассматривается репрезентация данного события на материале ежедневной крупнейшей национальной французской газеты «Libération», изучается функционирование лексемы operation, как номинирующей военное событие. Для определения семантического ядра лексической единицы (ЛЕ) operation применён компонентный анализ. Под компонентным анализом принято понимать метод исследования содержательной стороны значимых единиц языка, имеющих целью разложение значения на минимальные семантические составляющие. Для анализа функционирования лексической единицы во французской прессе был составлен корпус, проведён отбор материала по датам военного события в период с 11.01.2013 г. по 14.07.2014 г. Проведен контент-анализ и отбор статей, посвященных операции «Сервал» на территории Мали. Работа с корпусом проводилась с применением программы SketchEngine. С помощью различных инструментов изучены и проанализированы единицы, расположенные в непосредственной близости от ЛЕ opération, изучены контексты. Полученные данные, включают показатели: совместная встречаемость словосочетаний «соосcurrences», общее количество словосочетаний в корпусе «candidates». Для вычисления степени связности частей коллокации была применена статистическая мера MI Score. На основании данного исследования составлены модели, репрезентирующие военное событие «Сервал» во французской прессе; построена результирующая структурно-семантическая модель ЛЕ opération. Она включает в себя достаточно большой набор ЛЕ, которые можно систематизировать, распределить на ядерные и периферийные.

Ключевые слова: операция, компонентный анализ, сема, корпусный анализ, французские газеты, Мали.

Введение

В январе 2013 г. началась французская операция «Сервал» на территории Мали. Одной из причин проведения данной операции была нестабильная обстановка в Мали, вызванная активизацией деятельности террористических группировок, имеющих тесные связи с Аль-Каидой Исламского Магриба. В результате действия данных группировок и туарегов, выступающих за независимость части Мали, север страны стал неподконтрольным официальной власти, столице Бамако. 11 января 2013 г. началось наступление на столицу Мали, и Франция начала операцию «Сервал». Данное событие получило широкое освещение в средствах массовой информации Франции. В рамках данной статьи предлагается рассмотреть, как репрезентировано военное событие на материале ежедневной французской газеты «Libération».

Для начала был проведён анализ этимологических и исторических словарей французского языка. Как выяснилось, лексема *opération* происходит от латинских слов *operari, operare* в значении *travailler* (работать), *faire* (делать), *opérer* (производить). Впервые эта ЛЕ была зафиксирована в письменных источниках в конце XIII в.; с XIV в. ЛЕ начинает использоваться в значении ‘хирургическое вмешательство’. Далее она применялась в различных значениях в философии, теологии, математике, химии, а также в финансовой сфере. С начала XVIII в. лексема используется в военном дискурсе при описании организованных военных действий и действий во время конфликтов.

В целях нашего исследования необходимым представляется использование метода компонентного анализа с целью определения основных семантических элементов ЛЕ *opération*. Под компонентным анализом слова принято понимать метод исследования содержательной стороны значимых единиц языка – разложение значения на минимальные семантические составляющие [ЛЭС, 1990]. Метод компонентного анализа непосредственно связан со структурой лексического значения и основан на том, что все значения состоят из отдельных компонентов, то есть содержат более простые элементы, связанные в целостную структуру значения [Никитин, 2007, с. 110]. Значение каждой единицы языка состоит из семантических компонентов и словарный состав языка может быть описан с помощью ограниченного и относительно небольшого числа семантических признаков. Иными словами: метод заключается в анализе дефиниций лексем в толковых словарях, выделении компонентов этих словарных дефиниций и интерпретации их как отдельных дифференциальных признаков значения слова – сем [Попова, Стернин, 2007, с. 125]. Компонентный анализ наиболее эффективен в выявлении семантического ядра ЛЕ при исследовании словарных значений.

Основная часть

Автром статьи были проанализированы словарные дефиниции в 30 французских толковых словарях и построена таблица семного состава ЛЕ *opération*. Целесообразно представить основные компоненты значения, которые удалось выявить: *intervention chirurgicale* (хирургическое вмешательство) (18), *calcul arithmétique* (арифметическое вычисление) (16), *action d'une puissance* (действие государства) (14), *obtenir un résultat* (получить результат) (12), *armée* (армия) (10), *affaire commerciale* (коммерческая деятельность) (10), *atteindre un objectif donné* (достижение поставленной цели) (9). Данные результаты позволяют определить наиболее частотную сему ЛЕ *opération* – медицинскую, на втором месте можно отметить сему относящуюся к разделу математики и только потом мы видим военное значение.

Обратимся к изучению функционирования ЛЕ *operation* во французской прессе. Для проведения данного исследования вручную составлялся корпус. Под лингвистическим корпусом понимается информационно-справочная система, основанная на собрании текстов на каком-либо языке в электронной форме [Национальный корпус русского языка]. Источником для создания корпуса послужила электронная версия газеты «Liberation». Был проведён отбор материала по датам военного события в период с 11.01.2013 г. по 14.07.2014 г. и по ключевому слову «Сервал». Затем проводился контент-анализ и отбор статей, посвящённых операции «Сервал» на территории Мали. Сформированный корпус включает более 172 000 знаков.

Для проведения анализа применялась программа SketchEngine (это проект британского лексикографа, корпусного лингвиста и чешского программиста, представляющий собой набор программных инструментов для обработки языковых корпусов). Лексема *opération*

встречается в корпусе 566 раз. С помощью инструмента Concordance (a list of all examples of the search word or phrase found in a corpus) было определено окружение леммы *opération* (lemma is a positional attribute, it is the basic form of a word, typically the form found in dictionaries) [Sketch Engine]. Затем был применён инструмент Collocations (a collocation is a sequence or combination of words that occur together more often than would be expected by chance), для определения комбинации слов [Sketch Engine]. После чего с помощью инструмента KWIC (KeyWordinContext) были определены контексты. Полученные данные, включают такие показатели как совместная встречаемость словосочетаний «соосценции» (the total number of occurrences of the collocate within the selected left and/or right range) и общее количество словосочетаний в корпусе «candidates» (the total number of occurrences of the collocate in the whole corpus) [Sketch Engine]. Для вычисления степени связности частей коллокации была применена статистическая мера MI Score (the Mutual Information score expresses the extent to which words co-occur compared to the number of times they appear separately) [Sketch Engine]. Данный показатель высчитывается автоматически по следующей формуле¹:

$$\log_2 \frac{f_{AB}N}{f_A f_B}$$

В рамках данной статьи предлагается рассмотреть пять наиболее частотных ЛЕ окружающих лемму *opération*.

Таблица 1

Окружение леммы *opération*

Rank	Word	Cooccurrences	Candidates	MI
1	Serval	279	397	8.46
2	Mali	64	1,055	4.93
3	militaire	44	535	5.37
4	français	42	1,168	4.17
5	début	38	155	6.94

С помощью программы SketchEngine были получены контексты с исследуемыми ЛЕ. После проведённого анализа были составлены структурно-семантические модели, рассмотрим их подробнее. Наиболее частотное сочетание **opération+Serval** (261): «Au troisième jour de l'opération «Serval», les avions de l'armée française ont multiplié, hier, leurs raids dans le centre, mais aussi dans le nord du Mali contre les groupes islamistes» [Libération]. Интересно отметить, что далее наблюдается большой разрыв по частотности употребления. В следующей модели встречаем уточнение на принадлежность данной операции **opération+française+Serval** (9): «Samedi, à la veille de l'élection présidentielle, le chef d'état-major de l'armée malienne, accompagné par le patron de l'opération française Serval et celui de la Minusma, s'est discrètement rendu à Kidal, Tessalit et Aguelhok» [Libération].

Менее частотной оказывается модель, указывающая на военную составляющую операции **opération+militaire+Serval** (4): «Fin juillet, les autorités françaises ont reçu une preuve de vie des quatre hommes, dont on était sans nouvelle depuis le lancement de l'opération militaire Serval au Mali» [Libération].

¹N – corpus size, fA – number of occurrences of the keyword in the whole corpus (the size of the concordance), fB – number of occurrences of the collocate in the whole corpus, fAB – number of occurrences of the collocate in the concordance (number of co-occurrences).

Отметим, что сочетание, где встречаются обе лексемы *militaire* и *française* обнаружено лишь два раза, **opération+militaire+française+Serval** (2): «La mort de ce légionnaire porte à huit le nombre des soldats français tués au Mali depuis le lancement le 11 janvier 2013 de *l'opération militaire française Serval*» [Libération].

Перейдём к рассмотрению следующей лексемы Mali (Мали). Наиболее частотной моделью является **opération+Serval+Mali** (37), которая указывает на название операции и место ее проведения: «Il a rappelé les objectifs de *l'opération Serval au Mali*» [Libération]. Далее мы вновь наблюдаем большой разрыв по частотности употребления, тем не менее определяем две модели **Mali+opération** (11) и **opération+Mali** (8): «L'armée française a engagé vendredi au Mali *l'opération «Serval»* pour contrer l'avancée des islamistes qui contrôlent depuis neuf mois le nord du pays» [Libération].

Интересно отметить, что указание на то, что операция военная (**opération+militaire+Mali** (3)) или французская (**opération+française+Mali** (2)) встречается с ЛЕ Mali крайне редко: «Berlin, qui a déjà annoncé l'envoi de deux avions de transports, a réagi dimanche en promettant une aide financière supplémentaire aux pays africains engagés dans *l'opération militaire au Mali*, lors de la réunion des donateurs prévue le 29 janvier à Addis Abeba» [Libération].

Далее отметим, что с лексемой *militaire* (военный) построено только две модели. Наиболее частотное сочетание это **opération+militaire** (32): «François Hollande a indiqué que, conformément à l'article 35 de la Constitution, un vote du Parlement interviendrait si *l'opération militaire* de la France au Mali «devait se prolonger au-delà de quatre mois» [Libération]. Менее частотное сочетание это **militaire+opération** (6): «Cette élection consacre le retour du Mali à l'ordre constitutionnel, après la victoire obtenue sur les terroristes et la libération du territoire», a déclaré de son côté François Hollande, qui entend réduire au plus vite les effectifs *militaires de l'opération Serval* [Libération].

Обратимся к ЛЕ français (французский). Сочетание **opération+française** встречается в тексте лишь 15 раз, а модель **français+opération** лишь 11 раз: «Cinq mois après le début de *l'opération française Serval*, la communauté internationale se retrouve à Bruxelles aujourd'hui, dans le but de réunir près de 2 milliards d'euros pour relancer démocratiquement et économiquement le Mali» [Libération].

Указание, что это французская военная операция (**opération+militaire+française**) упоминается в корпусе лишь 7 раз: «Ce sont les incidents les plus graves depuis le lancement de *l'opération militaire française Serval* contre les groupes jihadistes installés dans le Nord-Mali» [Libération].

Отметим отдельно, что сочетание операция французской армии встречается лишь 2 раза, **opération+armée+française**: «Depuis son lancement, *l'opération de l'armée française* au Mali est un succès: fin janvier, elle avait repris en quelques jours le contrôle des principales villes du Nord, sous les vivats d'une population terrorisée durant de longs mois par les islamistes» [Libération].

К пяти наиболее частотным лексемам можно отнести ЛЕ début (начало). Данная лексема встречается в двух сочетаниях. Первая модель **début+opération** (31): «Depuis le début de *l'opération*, Paris a largement sollicité ses troupes prépositionnées sur le continent africain» [Libération]. Ко второй модели можно отнести **opération+début** (5): «Avant le lancement de *l'opération*, début janvier, les jihadistes ont disposé de longs mois pour se préparer, aménageant des postes de combat à l'aide d'engins de BTP pillés dans les localités tombées sous leur contrôle» [Libération].

Заключение

Как итог представим структурно-семантическую модель ЛЕ *opération*.

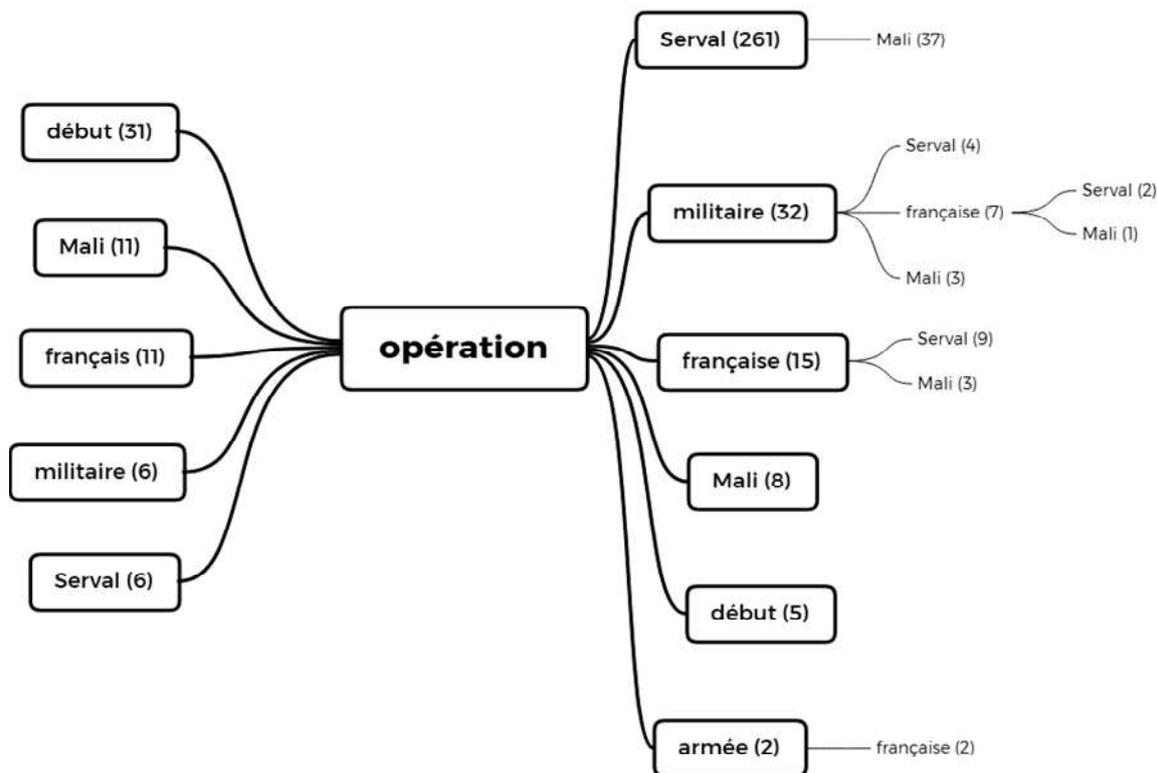


Рис.1. Структурно-семантическая модель ЛЕ *opération*

Данная модель включает в себя достаточно большой набор ЛЕ, которые можно систематизировать, а также распределить как ядерные и периферийные. Отметим, что дистанция между ядерными и периферийными моделями достаточно четко и ясно представлена, так как наблюдается большой разрыв в частотности употребления данных моделей в статьях посвященных военному событию «Сервал».

Список литературы

Никитин М. В. Курс лингвистической семантики. Санкт-Петербург: Изд-во «Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена», 2007. 819 с.

Попова Д. С., Стернин И. А. Общее языкознание. Москва: АСТ: «Восток-Запад», 2007. 408 с.

Список словарей и источников

ЛЭС – Лингвистический энциклопедический словарь. URL.: <http://tapemark.narod.ru/les/233d.html> (дата обращения 18.03.2021).

Национальный корпус русского языка. URL:<http://www.ruscorpora.ru/new/> (дата обращения 18.03.2021).

Libération. URL: https://www.liberation.fr/planete/2013/01/13/mali-paris-appuie-ses-frappes_873769 (дата обращения 18.03.2021).

Libération. URL: https://www.liberation.fr/planete/2013/07/28/l-armee-de-bamako-de-retour-a-aguelhok-et-tessalit_921362 (дата обращения 18.03.2021).

Libération. URL: https://www.liberation.fr/planete/2013/09/15/otages-du-sahel-trois-ans-d-un-interminable-calvaire_931800 (дата обращения 18.03.2021).

Libération. URL: https://www.liberation.fr/planete/2014/05/08/un-sous-officier-francais-tue-en-operation-au-nord-du-mali-dans-la-nuit-elysee_1013008 (дата обращения 18.03.2021).

Libération. URL: https://www.liberation.fr/planete/2013/01/21/mali-les-forces-maliennes-et-francaises-en-route-vers-diabali_875500 (дата обращения 18.03.2021).

Libération. URL: https://www.liberation.fr/planete/2013/01/14/mali-la-france-frappe-les-jihadistes-dans-leurs-bastions_873847 (дата обращения 18.03.2021).

Libération. URL: https://www.liberation.fr/planete/2013/01/20/mali-les-troupes-francaises-progressent-vers-le-nord_875340 (дата обращения 18.03.2021).

Libération. URL: https://www.liberation.fr/planete/2013/01/16/les-francais-se-deploient_874594 (дата обращения 18.03.2021).

Libération. URL: https://www.liberation.fr/planete/2013/07/29/les-maliens-a-nouveau-maitres-a-bord_921631 (дата обращения 18.03.2021).

Libération. URL: https://www.liberation.fr/planete/2013/05/14/des-fonds-et-une-election-pour-relancer-le-mali_902900 (дата обращения 18.03.2021).

Libération. URL: https://www.liberation.fr/planete/2014/05/18/mali-heurts-sanglants-entre-soldats-et-touaregs_1020463 (дата обращения 18.03.2021).

Libération. URL: https://www.liberation.fr/planete/2013/02/17/la-defense-tenue-au-secret_882513 (дата обращения 18.03.2021).

Libération. URL: https://www.liberation.fr/planete/2013/03/01/paris-prudent-sur-la-mort-d-abou-zeid_885754 (дата обращения 18.03.2021).

SketchEngine. URL: <https://www.sketchengine.eu> (дата обращения 18.03.2021).

Khiminets E. M.

*Senior Lecturer, Department of Linguistics and Translation,
Perm State University, Perm, Russia*

STUDY OF STRUCTURAL-SEMANTIC MODELS OF THE LEXEME "OPÉRATION" IN THE FRENCH PRESS NAME

In January 2013, the French operation "Serval" began in Mali. This event was widely discussed in French media. The article considers in detail the representation of this event in the largest daily national French newspaper "Libération". We study the functioning of the lexeme "opération" as a denomination of the military event. The component analysis is applied for the determination of the semantic core of the lexical unit "opération". The component analysis is commonly defined as a method for studying the content side of significant units of a language. This method is aimed at decomposing the meaning into minimal semantic components. To analyze the functioning of the lexical unit in French press, we compiled a corpus and selected the material according to the dates of the military event in the period from 01.11.2013 to 07.14.2014. The content analysis and selection of articles on operation "Serval" in Mali were carried out. We used the Sketch Engine program to work with the corpus. With help of various tools the units located in the immediate vicinity of the lexical unit "opération" were analyzed. The contexts were studied. The obtained data includes such indicators as the joint occurrence of word combinations "cooccurrences", the total number of word combinations in the corpus "candidates". To calculate the degree of connectivity of the parts of the collocation, the statistical measure MI Score was applied. On the basis of this study, we compiled the models that represent the Serval military event in the French press. As the result, the structural-semantic model of the lexical unit "opération" is created. It includes a large set of lexical units that can be systematized and divided into nuclear and peripheral ones.

Keywords: operation, component analysis, seme, corpus analysis, French newspapers, Mali.

УДК 81'42

Хорошева Наталья Владимировна

Кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой лингвистики и перевода, Пермский государственный национальный исследовательский университет, 614990, Россия, Пермь, ул. Букирева, 15, тел. +7(342)2396306, e-mail: romanphyl@gmail.ru

Бабич Екатерина Николаевна

Студентка, факультет современных иностранных языков и литератур, Пермский государственный национальный исследовательский университет, 614990, Россия, Пермь, ул. Букирева, 15, тел. +7(342)2396306, e-mail: babichek18071998@gmail.com

РИТМ КАК ЭКСПРЕССИВНЫЙ ТЕКСТОБРАЗУЮЩИЙ ЭЛЕМЕНТ ТЕЛЕОБРАЩЕНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО ЛИДЕРА

Статья посвящена изучению ритмических особенностей текстов новогодних обращений президентов Франции Н. Саркози, Ф. Олланда, Э. Макрона. Ритм – важная составляющая текста, образующая его целостность. При помощи ритмических средств автор реализует подтекстовое содержание, оказывая таким образом невербальное влияние на восприятие текста. Проводится анализ отрывков из текстов речей, описываются средства ритмизации на различных уровнях, а также проводится количественное сравнение показателей ритмичности текста. Для этого проведено сравнение трёх текстов на основании параметров их ритмизации, выявленных с помощью программы Prose Rhythm Detector. Количественное сравнение случаев ритмизации в текстах на синтаксическом, лексическом и фонетическом уровнях позволило рассчитать индивидуальный индекс ритмизации новогодней речи французских президентов и тем самым параметризовать идиостиль каждого из них в ритмическом аспекте. Наиболее явно ритмизация речи французских президентов обнаруживается на фонетическом уровне, а значит относится к скрытым, возможно даже суггестивным средствам воздействия на реципиента. При этом эксплицитно речь может проявлять признаки ритмизации на лексическом и синтаксическом уровне, в целом формируя узнаваемый идиостиль конкретного политического лидера.

Ключевые слова: ритм текста, ритм прозы, анализ ритма, новогоднее обращение, политический дискурс

Введение

Ритм – важная составляющая текста, образующая его целостность. При помощи ритмических средств автор реализует подтекстовое содержание, оказывая таким образом невербальное влияние на восприятие текста.

Проблема ритма прозы начала интересовать исследователей в к. XIX – нач. XX вв., с некоторым оживлением внимания к данной проблеме в 1920-е гг. С 1960-х гг. активно изучается в отечественной лингвистике ритм художественной прозы.

В нашем исследовании мы исходим из определения ритма прозы, данного Е. И. Бойчук, которая понимает под ним «периодическое проявление фонетических, лексических, грамматических средств выразительности речи в рамках определенной ритмической единицы, а также периодическую последовательность сегментов, частей текста и упорядоченную смену элементов сюжетно-образной системы художественного произведения на структурно-композиционном уровне реализации ритма» [Бойчук, 2015, с. 13].

Среди важнейших функций ритма в прозаическом тексте – структурирующая. М. М. Гиршман объясняет это тем, что ритм и целостность текста неразрывно связаны, так как при взаимосвязи ритма со всеми уровнями организации текста образуется особая глубина текста [Гиршман, 1982, с. 62]. Это мнение также разделяет и Г. Н. Иванова-Лукьянова, уточняя, что ритмизация не всегда может быть явной, но она пронизывает текст на всех его уровнях, именно ритм объединяет их в одно целое и способствует созданию неповторимого текста [Иванова-Лукьянова, 2017, с. 43].

Также к функциям ритма прозы относят эстетическую (благозвучие, цельность ритмической структуры), художественную (реализация эмоциональной составляющей текста, создание гармоничности, раскрытие авторского замысла) и стилеобразующую (проявление индивидуального стиля автора текста) функции [Гиршман, 1982, с. 39].

О связи идиостиля и ритма текста также пишут Е. И. Бойчук, И. А. Воронцова, Е. В. Шляхтина, О. В. Беляева, указывая на то, что многие значимые вещи могут быть скрыты за словесным воплощением. Обычно авторы как будто управляют нашим сознанием, акцентируя внимание на той или иной информации, но делают это различными способами, на различных языковых уровнях. Стилeобразующая функция в этом случае проявляется в том числе через употребление определенных средств выражения ритмизации [Бойчук, Воронцова, Шляхтина, Беляева, 2019, с. 10].

Как утверждают современные исследователи, ритмичность присуща любым текстам, а значит средства ритмизации могут использоваться не только в художественных произведениях – разница лишь в качественных и количественных характеристиках ее проявления [Кишалова, 2016, с.142], [Любимова, Дещенко, 2020, с.57]. Обратимся к теоретическим аспектам функционирования прозаического ритма в политических текстах.

Основная цель политического дискурса – «убедить, пробудив в адресате намерения, дать почву для убеждения и побудить к действию» [Демьянков, 2002], то есть оказать воздействие на реципиента. Данная цель свойственна и такому традиционному жанру телевизионного медиадискурса, как новогоднее обращение президента к нации.

Основная часть

В новогоднем обращении речь первого лица нацелена не только на убеждение, но и стремится вызвать эмоциональную реакцию у воспринимающих, выразить стремление объединить народ и сохранить традиции [Безменова, Ананьева, 2019, с. 22]. Поздравляя соотечественников с Новым годом, президент выделяет общенациональные достижения, победы, указывает на существующие проблемы и пути их совместного решения. Однако при этом уровень информативности таких текстов сведен к минимуму, что объясняет, в частности, отсутствие статистических данных [Зайцева, Гурьянова, 2019, с. 54].

Одной из особенностей новогоднего обращения президента является то, что оно относится к ритуальным жанрам политического дискурса. Объясняется это несколькими причинами: привязка к торжественному событию; стандартизированная структура выступления; временная локализованность – телевизионное выступление выходит в эфир накануне праздника [Кондратенко, 2007, с. 304]. Ритуальность новогоднего обращения выражается и в использовании во время выступления определенных атрибутов, например, таких, как новогодние украшения, новогодняя ель, определенные вербальные и невербальные компоненты коммуникации [Шакшина, Баскакова, 2016, с. 170].

В связи с этим исследователи отмечают, что наибольшее значение в новогоднем обращении имеет форма, содержательная сторона текста уступает место фатической стороне,

так как обычно данный вид обращения воспринимается как нечто традиционное, а воспринимающие такую речь относятся к ней к традиционному атрибуту праздника.

Таким образом, фатический характер коммуникации, подчеркнутая эмоциональность и внимание к форме сообщения дают основания выдвинуть гипотезу о том, что текст новогоднего обращения может быть ритмически организован, так как именно посредством использования средств ритмизации возможно достичь необходимого эффекта, воздействия на аудиторию.

Для изучения вопроса мы проанализировали три новогодние обращения к нации трёх президентов Франции – Н. Саркози [Sarkozy 2008], Ф. Олланда [Hollande 2014] и Э. Макрона [Macron 2021]. Цель исследования – параметризация ритмической организации текстов новогодних обращений первых лиц государства в сравнительно-сопоставительном аспекте. Основным методом исследования являлся лингвостилистический анализ, а также сравнительно-сопоставительный метод и описание. Кроме того, в качестве инструмента параметризации ритма в работе мы использовали метод компьютерной лингвистики – программу Prose Rhythm Detector.

Рассмотрим примеры, которые демонстрируют характерные особенности каждого из новогодних обращений.

Одной из особенностей речи Н. Саркози является частотное употребление различных повторов: лексических, синтаксических, которые образуют множество анафор и других параллельных конструкций.

1) *A chacun de vous / je veux adresser un message d'espérance, / un message de foi dans la vie / et dans l'avenir.* 5-11-8-4

В данном предложении, кроме повторов также мы наблюдаем ритм на фонетическом уровне, который выражается через рифму на звук [ɛ̃]: *chacun – un* (x2). На синтаксическом уровне наблюдаются параллельные конструкции: <...> *un message d'espérance, un message de foi* <...>. Повтор использован с целью выделения объекта и акцентирования внимания именно на нем. Также мы видим повтор конструкции: <...> *dans la vie et dans l'avenir* <...>.

2) *Au milieu des joies / et des peines que l'existence / réserve à chacun d'entre nous, / nous pouvons, / par l'effort de tous, / bâtir une société / où la vie sera plus facile, / où l'avenir pourra être regardé / avec davantage de confiance.* 5-7-7-3-5-6-7-9-7

В этом отрывке на фонетическом уровне проявляется точная бедная рифма на звук [e]: *société – regardé*; и бедная рифма на звук [ɔ̃]: *pouvons – confiance*. Также повтор конструкции: *où + подлежащее + сказуемое*; <...> *où la vie sera plus facile, où l'avenir pourra* <...>, который имеет усилительно-выделительную и композиционную функции.

3) *Je sais les craintes / que beaucoup d'entre vous éprouvent / pour l'avenir de leurs enfants.* 4-7-8

В этом предложении проявляется бедная рифма на звуки [ɛ̃]: *craintes – entre – enfants*; [u]: *beaucoup – vous – éprouvent – pour*

Je sais l'angoisse / qui vous étreint / quand vous avez peur de perdre votre emploi / ou quand vous craignez / que l'augmentation du coût de la vie / ne vous permette plus, / même en travaillant dur, / de faire vivre décemment votre famille. 4-4-10-5-10-5-6-7

В данном предложении ритмизация происходит на фонетическом уровне, наблюдается бедная рифма на звуки [y]: *plus – dur*; [e]: *avez – craignez*; [ã]: *quand – en – travaillant – décemment*. На лексическом уровне мы видим повторы местоимений *vous / votre*, с целью непосредственного обращения к воспринимающим текст, а также вновь прием олицетворения: *l'angoisse qui vous étreint*.

Je sais votre exaspération / quand vous voulez entreprendre ou / quand vous voulez travailler davantage / et que vous avez le sentiment / que tout est fait pour vous en empêcher. 8-9-10-9-10

Что касается фонетического аспекта, то в данном примере мы видим конечную бедную рифму на звуки [e]: *voulez – travailler – avez – empêcher*; [ɛ̃]: *sentiment – en*. На грамматическом

уровне – синтаксический параллелизм: *quand vous voulez*, а также конструкция *que + подлежащее + сказуемое*: <...> *que vous avez le sentiment que tout est fait* <...>. На протяжении всего абзаца повторяется начальный оборот: *Je sais*. Такой повтор личного субъектного местоимения 1-го лица, как нам кажется, подчеркивает значимость личности президента, его личную включенность в проблемы нации, стремление вызвать доверие.

Теперь рассмотрим некоторые особенности речи Ф. Олланда. Для его речи характерно более частотное использование лексических средств ритмизации, таких, как эпитеты, сравнительные конструкции.

1) *Je pense à cette magnifique prouesse / qu'a été la mise au point / d'un cœur artificiel, / première fois / que cette technique est mise au point / dans le monde. / Je pense aussi aux transports, / avec les véhicules électriques / à l'agriculture, / avec la chimie verte / au numérique, / où nous sommes également les meilleurs / à la culture, / où nous avons l'excellence. / 9-6-6-3-8-3-7-9-5-5-4-10-4-7*

На фонетическом уровне – недостаточная рифма на звуки [ik]: *magnifique – technique*; богатая рифма на звуки [rik]: – *électriques – numérique*; а также созвучие [kyltyr]: *agriculture – culture*. На грамматическом уровне мы отмечаем использование повторяющихся конструкций: *mise au point*, а также анафору: *Je pense*. Обе конструкции используются с целью акцентуации. На лексическом уровне выразительность речи придают также эпитеты, выраженные прилагательным: *magnifique prouesse*, а также существительным: *nous avons l'excellence*.

2) *En 2014, / nous aurons besoin / de la mobilisation / de tous pour gagner cette bataille. / 5-5-7-8*

В данном случае ритм проявляется через бедную рифму на звук [õ]: *aurons – mobilisation*.

На лексическом уровне – употребление эмоционально окрашенного словосочетания: *gagner cette bataille*.

3) *La France, / ce n'est pas seulement une grande histoire / et nous aurons / à la célébrer en 2014 / pour le centenaire de la Grande Guerre. / La France, / c'est une promesse, / c'est un avenir, / c'est une chance. / Oui, / c'est une chance / d'être français / dans le monde d'aujourd'hui. / 2-8-4-10-9-2-4-4-3-1-3-3-6*

В этом предложении мы наблюдаем неточную недостаточную рифму на звуки [εr]: *centenaire – Guerre*; бедная рифма на звук [s]: *promesse – chance*. Ритмизация происходит и на лексическом уровне, посредством повторов: *La France; c'est une chance*, а также используется сравнение: *La France – une grande histoire <...> La France, c'est une promesse, c'est un avenir, c'est une chance. <...>* На грамматическом уровне – параллельные конструкции: <...> *c'est une promesse, c'est un avenir, c'est une chance*.

Далее проанализируем особенности новогодней речи Э. Макрона. Его речь отличается употреблением большого количества однородных членов предложения, параллельных конструкций, анафор.

1) *Mes chers compatriotes de l'hexagone, / d'outre-mer / et de l'étranger, / ce soir, / nous ne vivons pas un 31 décembre / comme les autres. / 0-2-5-2-10-3*

На фонетическом уровне этого предложения ритм проявляется посредством образования недостаточной рифмы на звук [ε:r]: *chers – outre-mer – étranger*. Также ритм проявляется и на грамматическом уровне через употребление однородных дополнений, которые образуют интонацию перечисления: <...> *de l'hexagone, d'outre-mer et de l'étranger <...>*.

2) *En votre nom, / j'ai ce soir une pensée / pour les 64 000 victimes / de ce virus, / leurs familles / et leurs proches. / Des parents, / des amis, / des pans entiers / de l'imaginaire français / nous ont quitté / ces derniers mois. / 4-6-7-4-3-3-3-3-4-7-4-4*

На фонетическом уровне этого отрывке мы видим проявление бедных рифм на звуки: [ã]: *parents – pans*; [e]: *quitté – derniers*. На грамматическом уровне в первой части отрывка ритмизации способствует употребление однородных членов предложения: <...> *les 64 000 victimes de ce virus, leurs familles et leurs proches* <...>, так как возникает перечислительная интонация, а также ритм образует и лексический повтор местоимения *leurs*.

Во второй части отрывка мы также наблюдаем употребление однородных членов предложения, которые представляют собой однородные подлежащие: *Des parents, des amis, des pans* <...>.

3) *Notre pays est l'un de ceux / qui est le plus intervenu / pour protéger / et accompagner les jeunes, / les travailleurs, / les entrepreneurs. / Ce « quoi qu'il en coûte », / je l'assume / car il a permis de préserver des vies / et de protéger des emplois. / Il nous faudra bâtir ensemble les réponses / qui permettront / de ne pas en faire un fardeau / pour les générations futures. / 6-8-4-7-4-5-5-3-11-8-11-3-8-8*

В данном отрывке на фонетическом уровне ритмизация происходит посредством образования рифм, а именно наблюдается бедная точная рифма на звук [e]: *protéger – accompagner – préserver – protéger*; бедная рифма на звук [i]: *vies – permis*, а также недостаточная точная рифма на звук [œ:r]: *travailleurs – entrepreneurs*. На грамматическом уровне – однородные дополнения, способствующие образованию перечислительной интонации: <...> *les jeunes, les travailleurs, les entrepreneurs* <...>. На лексическом уровне мы также наблюдаем проявление ритмизации в употреблении фразеологизма «*quoi qu'il en coûte*».

Следующим этапом нашего исследования было сравнение трёх данных текстов на основании параметров их ритмизации. Для этого мы воспользовались программой *Prose Rhythm Detector*, которая автоматически находит случаи употребления анафоры, эпифоры, анадиплосиса, симплоки, а также простых повторов, то есть работает с синтаксическим и лексическим аспектами текста [Бойчук, Воронцова, Шляхтина, Беляева, 2019, с. 37]. Что касается случаев однородных членов предложения, фразеологизмов и восклицательных предложений, а также обобщение данных по каждому виду рифмы, то их подсчет осуществлялся вручную. Сводные данные приведены в Таблице 1.

Таблица 1

Количественное сравнение употребления средств ритмизации

Параметр сравнения	Н. Саркози	Ф. Олланд	Э. Макрон
Синтаксический и лексический уровни			
Анафора	8	8	8
Эпифора	1	2	2
Анадиплосис	0	0	1
Симплока	0	1	0
Параллельные конструкции	7	5	6
Однородные члены предложения	1	3	27
Восклицательные предложения	7	2	0
Фразеологизмы	0	0	1
Фонетический уровень			
Бедная рифма	68	49	57
Недостаточная рифма	15	14	11
Богатая рифма	6	10	6
Аллитерация	1	0	0

Данная таблица представляет количественное сравнение проявлений случаев ритмизации в текстах на синтаксическом, лексическом и фонетическом уровнях. Так, мы можем наблюдать, что параллельные конструкции частотны в употреблении в исследуемом жанре текста, при этом в речи, произнесенной Н. Саркози, это значение достигает семи. В отдельный параметр мы выделили случаи употребления структур с однородными членами предложения, и здесь мы можем явно наблюдать индивидуальные особенности ритмизации. Так, если в речи Н. Саркози мы лишь один раз встретили такую конструкцию, в речи Ф. Олланда – 3 раза, то в речи Э. Макрона этот показатель на порядок выше – 27 случаев. В этом же тексте мы наблюдаем использование фразеологизма, тогда как в других двух они не используются совсем. Восклицательные предложения наиболее частотны для Н. Саркози. Что касается фонетического аспекта, то мы видим, что здесь показатели также различаются. Чаще всего таким образом ритмичность проявляется в бедной рифме: в речи Н. Саркози – 68 раз; немного реже в речи Э. Макрона – 57 раз; у Ф. Олланда мы обнаружили 49 случаев бедной рифмы. Далее мы рассчитали индекс представленности каждого параметра в речи трех президентов по формуле:

$$x = \frac{y * 100}{z},$$

где y – это количество употреблений одного параметра; z – сумма употребления всех средств ритмизации в одном тексте. Получившиеся значения мы приводим в Таблице 2.

Таблица 2

Индекс ритмизации в речи трех президентов по отдельным параметрам

Параметр сравнения	Н. Саркози	Ф. Олланд	Э. Макрон
Синтаксический и лексический уровни			
Анафора	7 %	8,5 %	6,7 %
Эпифора	0,9 %	2,1 %	1,7 %
Анадиплосис	0 %	0 %	0,8 %
Симплока	0 %	1,1 %	0 %
Параллельные конструкции	6 %	5,3 %	5 %
Однородные члены предложения	0,9 %	3,2 %	22,7 %
Восклицательные предложения	6 %	2,1 %	0 %
Фразеологизмы	0 %	0 %	0,8 %
Фонетический уровень			
Бедная рифма	60 %	52 %	47,9 %
Недостаточная рифма	13 %	15 %	9,2 %
Богатая рифма	5,3 %	10,6 %	5 %
Аллитерация	0,9 %	0 %	0 %

В первую очередь мы замечаем, что в большей степени ритм формируется на фонетическом уровне, в процентном соотношении эти параметры имеют самый высокий вес. Совокупный индекс ритмизации на фонетическом уровне составил в речи Н. Саркози – 79,2 %, Ф. Олланда – 77,6 %, Э. Макрона – 62,1 %. Также мы можем определить индекс ритмизации на синтаксическом и лексическом уровнях: Н. Саркози – 20,8 %, Ф. Олланд – 22,3 %, Э. Макрон – 37,7 %, что также доказывает доминирующую ритмизацию именно на фонетическом уровне.

Заключение

Подводя итог сопоставлению, мы можем точно сказать, какие средства ритмизации чаще используются в новогоднем обращении того или иного политика. А также, благодаря нашим подсчетам, мы можем наглядно продемонстрировать индивидуальные особенности проявления ритмизации в каждом из текстов. Что касается особенностей речи Ф. Олланда, то, хотя проявления ритмизации присутствуют, однако, как нам кажется, они не являются ярко выраженными, и, судя по параметрам, его речь относительно менее ритмична. За исключением некоторых случаев мы видим, что ритмизация в большей степени происходит на фонетическом уровне. Также президент в своей речи употребляет сравнительные обороты и эпитеты, что почти не наблюдается в других речах.

Новогоднюю речь Н. Саркози отличает экспрессивность, которая выражается посредством восклицательных предложений, которые в свою очередь влияют на ритмичность текста. Также ритм проявляется и на фонетическом уровне, однако он не так ярко выражен. На лексическом уровне в речи употребляются эпитеты и олицетворения, что делает ее не только выразительной и эмоциональной, но и образной.

В речи Э. Макрона ритмизация проявляется ярко, его речь отличается частотным использованием однородных членов предложения, это создает интонацию перечисления, а как следствие формирует ритмичность текста. Также только в речи данного президента мы наблюдаем употребление анадиплосиса, образных выражений и фразеологизма, что способствуют усилению экспрессивности и эмоциональности речи. На фонетическом уровне мы также отмечаем частотное проявление ритма.

В целом новогоднее обращение президента проявляет признаки ритуализованного жанра медиадискурса, фатическая функция которого обуславливает его ритмическую структуру. Наиболее явно ритмизация речи французских президентов обнаруживается на фонетическом уровне, а значит относится к скрытым, возможно даже суггестивным средствам воздействия на реципиента. При этом эксплицитно речь может проявлять признаки ритмизации на лексическом и синтаксическом уровне, в целом формируя узнаваемый идиостиль конкретного политического лидера.

Список литературы

Безменова Л. Э., Ананьева М. Г. Поздравление с рождеством как ритуальный жанр (на материале англоязычного политического дискурса) // Вопросы современной филологии в контексте взаимодействия языков и культур. Оренбург: Изд-во «Оренбургский государственный педагогический университет», 2019. С. 20–24.

Бойчук Е. И. Фонетический, лексико-грамматический и структурно-композиционный аспекты анализа ритма прозы (на материале романов Стендаля, О. Де Бальзака, Г. Флобера, Г. Де Мопассана). Автореф. ... к. филол. н. Москва, 2015. 22 с.

Бойчук Е. И., Воронцова И. А., Шляхтина Е. В., Беляева О. В. Идиостиль и ритм текста. Коллективная монография. Ярославль: РИО «Ярославский государственный педагогический университет», 2019. 184 с.

Гиршман М. М. Ритм художественной прозы. Москва: Советский писатель, 1982. 272 с.

Демьянков В. З. Политический дискурс как предмет политологической филологии // Политическая наука. Политический дискурс: история и современные исследования. Москва: ИНИОН РАН, 2002. № 3. С. 32–43.

Зайцева Е. Л., Гурьянова Т. Ю. Репрезентация политического дискурса в новогоднем обращении президента // Вестник Чебоксарского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева. 2019. № 4(104). С. 53–59.

Иванова-Лукиянова Г. Н. Ритм прозы от Карамзина до Чехова. Москва: Изд-во «Московский государственный лингвистический университет», 2017. 336 с.

Кишалова Л. В. Экспериментальное исследование роли ритма прозаического текста в процессе его восприятия // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2016. № 2 (106). С. 142–149.

Кондратенко Н. В. Новогоднее обращение как ритуальный жанр политического дискурса: макроструктурные компоненты и средства их выражения // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: тр. междунар. конф. «Диалог-2007». Москва, 2007. С. 302–306. URL: <http://www.dialog-21.ru/media/1866/45.pdf>. (дата обращения: 20.03.2021).

Любимова Н. А., Дещенко О. И. Три ритмические характеристики научно-популярного текста // Русский язык как иностранный и методика его преподавания. Санкт-Петербург: Некоммерческое партнерство "Общество преподавателей русского языка и литературы", 2020. № 31. С. 56–61.

Шакшина Е. В., Баскакова Е. С. Новогоднее обращение как ритуальный жанр политического дискурса // Лингвистическое образование на современном этапе: российский и зарубежный опыт. Сургут: Изд-во «Сургутский государственный университет», 2017. С. 168–173.

Список источников материала

Hollande F. Vœux aux Français pour la nouvelle année, 2014. URL: <https://www.elysee.fr/front/pdf/elysee-module-13242-fr.pdf> (дата обращения: 10.12.2020).

Macron E. Vœux aux Français pour la nouvelle année, 2021. URL: <https://www.elysee.fr/front/pdf/elysee-module-16959-fr.pdf> (дата обращения: 13.01.2021).

Sarkozy N. Vœux aux Français pour la nouvelle année, 2008. URL: <https://www.elysee.fr/front/pdf/elysee-module-11435-fr.pdf> (дата обращения: 10.12.2020).

Khorosheva N. V.

*PhD (Philology), Head of the Department of Linguistics and Translation,
Perm State University, Perm, Russia*

Babich E. N.

*Student, Faculty of Modern Foreign Languages and Literatures,
Perm State University, Perm, Russia*

RHYTHM AS AN EXPRESSIVE TEXT FORMING ELEMENT OF A POLITICAL LEADER'S TELEVISED ADDRESS

The article examines the rhythmic features of the texts of New Year's addresses of N. Sarkozy, F. Hollande, E. Macron. Rhythm is an important component of the text that forms its integrity. With the help of rhythmic means, the author realizes the subtext content, thus exerting a non-verbal influence on the perception of the text. The paper analyzes the texts of speeches, describes the means of rhythmization at different language levels, and also presents a quantitative comparison of the indicators of the rhythm of the text. This involved comparing the three texts based on the parameters of their rhythmization, identified using the Prose Rhythm Detector application. The quantitative comparison of the cases of rhythmization in texts at the syntactic, lexical and phonetic levels made it possible to calculate the individual index of rhythmization of New Year's addresses of French presidents and thereby parameterize the idiosyncrasy of each of them in a rhythmic aspect. The rhythmization of the speech of French presidents is most clearly found at the phonetic level, which means it belongs to hidden, perhaps even suggestive means of influencing the recipient. At the same time, speech can explicitly show signs of rhythmization at the lexical and syntactic level, generally forming a recognizable idiosyncrasy of a particular political leader.

Keywords: text rhythm, prose rhythm, rhythm analysis, New Year's address, political discourse

УДК 81'42

Яцкова София Сергеевна

Магистрант, кафедра лингвистики и перевода, Пермский государственный национальный исследовательский университет, 614990, г. Пермь, ул. Букирева, д. 15, тел.: +7 (342) 2396238, e-mail: jatskova2012@yandex.ru

Меньшакова Надежда Николаевна

Кандидат филологических наук, доцент кафедры лингвистики и перевода, Пермский государственный национальный исследовательский университет, 614990, г. Пермь, ул. Букирева, д. 15, тел.: +7 (342) 2396238, e-mail: mnesperanza@mail.ru

СОВРЕМЕННЫЙ БРИТАНСКИЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС: АФОРИСТИКА В РИТОРИКЕ ТЕРЕЗЫ МЭЙ

Изучение политической риторики и языковых особенностей речи политиков в современном мире, характеризующемся напряженными межгосударственными отношениями, является чрезвычайно актуальным. Особый интерес представляют различные лингвистические средства воздействия политиков на аудиторию, способы манипуляции и убеждения людей. В статье рассматриваются некоторые особенности англоязычного политического дискурса, связанные с реализацией стратегии воздействия на адресата. Политический дискурс понимается в широком смысле как коммуникативная сфера, связанная непосредственно с политикой, в которую включены любые речевые образования с соответствующим содержанием, а также субъект и адресат. В качестве материала исследования берётся речь британского политика Т. Мэй, тематически связанная с выходом Великобритании из Европейского Союза. Цель речи состоит в воздействии на аудиторию таким образом, чтобы высказываемые идеи были расценены как необходимые, лучшие по сравнению с другими, чтобы аудитория поверила, приняла и положительно оценила их. В данной работе рассматривается такая специфическая черта политического дискурса как афористичность. Под афористичностью политического дискурса понимается употребление широко используемых и узнаваемых риторических средств и приёмов, устойчивых выражений, афоризмов, пословиц и поговорок. На примере речи Т. Мэй показано использование афористики в политическом дискурсе и отмечается их воздействующая функция.

Ключевые слова: политический дискурс, язык политики, манипулятивность, афористика, пословицы.

Введение

Связь между языком и политикой проявляется в том, что ни один политический режим не может существовать без коммуникации. Язык необходим политикам для того, чтобы информировать, давать указания, проводить законодательные акты, убеждать и т. д. Язык политических речей – это во многом язык обещаний. Отметим, что политический язык используется всеми членами языкового сообщества, а не только профессиональными политиками или государственными чиновниками. Язык связан со специфическим использованием как средством убеждения и контроля, то есть в манипулятивных целях.

Политический дискурс характеризуется манипулятивностью, что является необходимым условием для достижения его целей и задач. Обычно язык политиков является средством воздействия. Для достижения поставленной политиком цели, его речь должна затронуть нужную

«струну» в массовом сознании. Этого можно добиться, прибегнув к различным средствам, в том числе и языковым, одним из которых является афористичность речи. Политическая риторика, с нашей точки зрения, это – искусство убеждения аудитории для успешного достижения необходимых политических целей. Убеждение, как представляется, осуществляется прежде всего с помощью вербальных средств, которые помогают сформировать отношение или побудить к действию. Дж. Кэмпбелл считает, что «риторика – искусство или талант выстраивать речь в соответствии с её целями», которых он выделял четыре: «облегчить понимание, поразить воображение, взволновать и воздействовать на волю» [Кэмпбелл, 1873, с. 23].

Основная часть

Политический дискурс представляет собой совокупность всех речевых актов, которые используются в политических дискуссиях, а также в правилах публичной политики, традиций и проверенных опытом [Баранов, Казакевич, 1991, с. 6]. В лингвистике термин «политический дискурс» употребляется в двух смыслах – широком и узком. Мы политический дискурс понимаем в широком смысле как коммуникативную сферу, связанную непосредственно с политикой, в которую включены любые речевые образования с соответствующим содержанием, а также субъект и адресат, непосредственно относящиеся к данной ситуации. С. Б. Верещагин предлагает узкое понимание политического дискурса, как жанра, цель которого – обсуждение поставленной темы посредством аргументированных высказываний, ограниченных рамками определенного контекста. В свою очередь, Ю. А. Сорокин определяет политический дискурс через его соотношение с идеологическим дискурсом, что политический дискурс – это разновидность идеологического дискурса [Сорокин, 1997, с. 57].

Различия политического и идеологического дискурсов в том, что первый эксплицитно прагматичен, а второй имплицитно прагматичен. Первый вид дискурса – субдискурс, а второй вид дискурса – метадискурс [Сорокин, 1997, с. 57]. С точки зрения В. З. Демьянкова, само предназначение политического дискурса – внушение прогнозируемых действий или мыслей адресату. Он считает, что понимание невозможно без логических переходов и скрытых мотивов, сюжетных схем, фона аудиторий и автора, знаний ожидания, которые присутствуют в конкретную эпоху [Демьянков, 2002, с. 34]. Особый предмет нашего научного интереса лежит в области применения исключительного, на наш взгляд, языкового (и риторического) средства – паремий.

Мы считаем, что за речью (дискурсом) стоит личность как совокупность когнитивных установок, которая избирает стратегии, в том числе и вербальные, для передачи необходимого содержания. От данной личности зависит результат выступления. К ключевым характеристикам дискурса политической коммуникации относятся оценочность, агрессивность, эффективность отстаивания своей позиции в дискурсе.

Рассмотрим, какие языковые средства используются политиками с целью эффективного воздействия на аудиторию. Е. М. Верещагин и В. Г. Костомаров (2005) относят к ним пословицы и поговорки, афоризмы и крылатые слова, призывы и девизы, общественно-научные формулы и естественнонаучные формулировки. В данной работе воспользуемся термином «афористика», в котором отображаются языковые особенности политического дискурса и который является достаточно широким, чтобы включать в себя все перечисленные языковые средства. Понятие «афористика» занимает значительное место в политическом дискурсе [Шейгал, 2004, с. 203]. По мнению Е. И. Шейгал, к афористике относятся изречения политиков, ставшие популярными и узнаваемыми в обществе, те фразы и выражения, которые вошли в состав прецедентных высказываний определенной лингвокультуры. Наиболее яркими

примерами афористики являются пословицы в широком понимании. В целом, в политическом дискурсе пословицы можно разделить на две категории: общеязыковые и политические [Шейгал 2004: 208]. Характерно, что общеязыковые пословицы по своему содержанию могут относиться как к повседневной реальности, так и к миру политики, однако политическая реальность в них отходит на второй план.

Пословицу мы, вслед за В. Мидером, трактуем широко, как особый вид прецедентного текста: “Proverbs [are] concise traditional statements of apparent truths with currency among folk. More elaborately stated, proverbs are short, generally known sentences of the folk that contain wisdom, truths, morals, and traditional views in a metaphorical, fixed, and memorable form and that are handed down from generation to generation [Mieder, 1996, p. 597]. К пословицам в широкой трактовке, таким образом, можно отнести частотные и узнаваемые людьми афоризмы, собственно пословицы и поговорки, политические и рекламные лозунги, девизы и т. д. По мысли В. Мидера, «пословица это передающаяся из поколения в поколение краткая и всем известная фольклорная сентенция, выражающая мудрость, правду, мораль и традиционные взгляды на жизнь в метафорической, фиксированной и запоминающейся форме» (перевод – наш) [Mieder, 2004, p. 17].

Рассмотрим примеры афористики в англоязычном политическом дискурсе. Для анализа был взят текст выступления британского политика Т. Мэй речи «Сильное лидерство» (*‘Strong leadership’*), в которой политик призывает к голосованию о выходе Великобритании из Европейского Союза. Целью речи является воздействие на аудиторию таким образом, чтобы выдвигаемые положения были расценены как необходимые и лучшие по сравнению с другими вариантами, чтобы аудитория поверила, приняла и положительно оценила выдвинутые политиком идеи. Одним из ярких выражений, которое использует Т. Мэй, в речи, является *“I wear my heart on my sleeve”* («не умею скрывать своих чувств»). Данное выражение призвано подчеркнуть честность, искренность Т. Мэй перед народом, и оно означает следующее: показывать свои чувства, выставлять чувства напоказ, не скрывать своих чувств, не уметь скрывать чувства. Использование данного выражения служит прагматической цели привлечения внимания, влияния на интеллектуальный и эмоциональный центры слушателя.

Далее Т. Мэй использует пословицу *“Christmas had come early”* (дословно: «Рождество наступило раньше»). В данном контексте эту пословицу можно перевести как «Мы достигнем результата быстрее, чем ожидалось». Пословица была использована целенаправленно, и ее функция – максимально отразить возможные желания и установки публики по поводу управления страной. При помощи выражение *“roll up one's sleeves”* («засучить рукава», «приготовиться к серьезной работе») Т. Мэй настраивает своих слушателей на долгую и упорную работу, она предупреждает, что после перемен придется подождать положительных результатов.

Таким образом, Т. Мэй использует афористику для того, чтобы настроить слушателя на нужный лад, повлиять на него определенным образом. Она делится с аудиторией своим представлением о том, что означает идеальное управление страной. Хотя узнать, являются ли данные установки истиной для самого политика, не представляется возможным, можно лишь утверждать, что они носят манипулятивный, а не персуазивный характер. Вся афористика Т. Мэй нацелена на то, чтобы добиться расположения аудитории, убедить ее в том, что страна получит лучшее развитие событий при правлении данного политика и воздействовать на аудиторию таким образом, чтобы она поддержала Т. Мэй. Следовательно, воздействующий потенциал афористики способен повлиять на принятие решений или изменение поведения индивида.

Список литературы

1. Баранов А. Н., Казакевич Е. Г. Парламентские дебаты: традиции и новации. Москва: Знание, 1991. 64 с.
2. Верещагин С. Б. Дискурсивные аспекты политических дебатов (на материале русских и английских текстов). Автореф. ... к. филол. н. Тюмень, 2007. 22 с.
3. Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Язык и культура. Москва: Индрик, 2005. 1040 с.
4. Демьянков В. З. Политический дискурс как предмет политологической филологии // Политическая наука. Политический дискурс: История и современные исследования. № 3. Москва: ИНИОН РАН, 2002. С. 32–43.
5. Кэмпбелл Г. Философия риторики. Нью-Йорк, 1873. Факсимиле изд.: Факсимиле и перепечатки учёных. 1992. 441 с.
6. Сорокин Ю. А. Политический дискурс: попытка истолкования понятия // Политический дискурс в России. Москва: Наука: Флинта, 2007. 618 с.
7. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. Дис. ... д. филол. н, Волгоград, 2000. 434 с.
8. Шейгал Е. И. Категоризация мира политики в жанрах политической афористики // Культурные слои во фразеологизмах и дискурсивных практиках. Москва: Языки славянской культуры. 2004. С. 271–279.
9. Mieder W. Proverbs: a handbook. Greenwood Press, Westport. Connecticut London, 2004. 305 p.
10. Mieder W. Proverbs / American Folklore: An Encyclopedia, ed. by Jan Harold Brunvand. New York: Garland Publishing. P. 597–601.

Yatskova S. S.

*Student, Faculty of Modern Foreign Languages and Literatures,
Perm State University, Perm, Russia*

Menshakova N. N.

PhD (Philology), Department of Linguistics and Translation, Perm State University, Perm, Russia

**MODERN BRITISH POLITICAL DISCOURSE:
APHORISTICS IN THE RHETORIC OF THERESA MAY**

The study of political rhetoric and linguistic features of the speech of politicians in the modern world, characterized by tense interstate relations, is extremely relevant. Various linguistic means of influencing politicians on the audience, methods of manipulating and persuading people are of particular interest. The article examines some of the features of the English-language political discourse associated with the implementation of the strategy of influencing the addressee. Political discourse is understood in a broad sense as a communicative sphere directly related to the policy of the state, and including any speech with appropriate content, as well as the subject and addressee. The material of the study is the speech of the British politician T. May, thematically related Brexit. The purpose of the speech is to influence the audience in such a way that the ideas expressed are regarded as necessary, better in comparison with others, so that the audience believes, accepts and positively evaluates them. In the article such a specific feature of political discourse as aphoristics is examined. The term “aphoristics” in relation with political discourse is connected with the use of widely used and recognizable territorial means and techniques, fixed expressions, aphorisms, proverbs and sayings. On the material of T. May’s speech, the use of aphoristics in political discourse is shown and their influencing function is revealed.

Keywords: political discourse, language of politics, manipulateness, aphorisms, proverbs.

УДК 811.133.1

Шалгина Екатерина Анатольевна

Старший преподаватель кафедры лингвистики и перевода,
Пермский государственный национальный исследовательский университет,
614990, г. Пермь, ул. Букирева, д.15, тел.: +7 (342) 2396283, e-mail: chantal2003@list.ru

Подгаец Анна Марковна

Кандидат филологических наук, доцент кафедры лингвистики и перевода,
Пермский государственный национальный исследовательский университет,
614990, г. Пермь, ул. Букирева, д.15, тел.: +7 (342) 2396283, e-mail: elt@rnc.edu.ru

ПСИХОЛОГИЧЕСКИ АКТУАЛЬНОЕ СОДЕРЖАНИЕ БАЗОВОЙ ЦЕННОСТИ МИЛОСЕРДИЕ/CHARITÉ В РУССКОЙ И ФРАНЦУЗСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ

В статье представлен сопоставительный анализ ассоциативно-вербального поля концепта «Милосердие / Charité», зафиксированного в результате проведенного свободного ассоциативного эксперимента. В качестве объекта исследования выбрана базовая ценность милосердие. Целью предлагаемого исследования является установление психологически актуального содержания базовой ценности милосердие/ charité в русской лингвокультуре и выявление его соответствий во французском языковом сознании, а также установление возможной динамики исследуемой базовой ценности. Русскоязычным и франкоязычным информантам предлагалось написать всевозможные ассоциации на слово-стимул «милосердие/charité». Эксперимент проводился в 2019–2020 гг. в г. Париж, Тур, Марсель, Сен-Бриё (Франция). В нём приняли участие 130 респондентов. Общее количество ассоциаций составило 733 реакции. Количественный анализ материала, полученного в результате свободного ассоциативного эксперимента, позволил сформировать ассоциативно-вербальное поле по аналогии со словарной статьёй ассоциативных словарей. С целью уточнения психолингвистического значения концепта, полученные ассоциации были распределены по семантическим модулям. В ходе эксперимента установлено наличие общей компоненты «помощь», определяющей содержание большинства реакций-представлений и свидетельствующей о единой цели и осознании милосердия как активного бескорыстного действия, что свидетельствуют о большой общности понимания этой ценности русскими и французскими респондентами. Сопоставление данных этимологических, толковых и фразеологических словарей с данными свободного ассоциативного эксперимента, демонстрирует их частичное совпадение, что свидетельствует об устойчивом содержании базовой ценности Милосердие / Charité. Однако, появление в ассоциативном поле концепта нового признака – «коммерциализация» указывает на динамику значения слова милосердие, а значит на процесс изменения базовой ценности.

Ключевые слова: концепт «Милосердие», свободный ассоциативный эксперимент, ассоциативно-вербальное поле, базовые ценности, динамика базовой ценности.

Введение

Понятие ценности становится в XX в. междисциплинарным, и изучается учеными разных областей науки. Ю. Е. Прохоров и И. А. Стернин понимают под ценностями социальные, социально-психологические идеи и взгляды, разделяемые народом и наследуемые каждым новым поколением, «это то, что как бы априори оценивается этническим коллективом как нечто такое, что «хорошо» и «правильно», является образцом для подражания и воспитания, к чему надо стремиться» [Прохоров, Стернин, 2006, с. 20]. Определяя ценностную картину мира, В. И. Карасик выделяет « наиболее существенные для данной культуры смыслы, ценностные доминанты, совокупность которых и образует определенный тип культуры, поддерживаемый и сохраняемый в языке» [Карасик, 2002, эл. ресурс]. Методика изучения культурных доминант в языке представляя собой систему исследовательских процедур, должна быть направлена на освещение различных сторон концептов, особенно смыслового потенциала соответствующих концептов в данной культуре. На наш взгляд, под ценностями стоит понимать совокупность жизненных установок, ориентиров. Это духовные опоры и идеалы, которые воспринимаются членами этноса характерными и важными для своего народа.

Основная часть

В нашем исследовании мы рассматриваем концепт «Милосердие/Charité» как этический концепт. Являясь ментальным образованием с упорядоченной внутренней структурой, этический концепт возникает в результате когнитивной деятельности отдельного человека и общества в целом, в котором хранится энциклопедическая информация об отображаемом социально-психическом явлении, а также интерпретация данной информации общественным сознанием и отношение общественного сознания к данному социально-психическому явлению.

Концептосфера этического концепта характеризуется определенными национально-культурными особенностями, выявляющими национальную специфику концептуализации сходных этических явлений сознанием разных народов, что позволяет рассматривать этические концепты как элементы национальных концептосфер, отражающих моральное сознание представителей различных лингвокультурных сообществ [Полякова, 2013, с. 29].

Для актуализации концепта «Милосердие/Charité» в языковом сознании носителей русского и французского языков необходимо выделить базовые категории настоящего концепта, которые мы рассмотрим в нравственно-этической системе координат:

- 1) социальные агенты (субъект и объект милосердия);
- 2) эмоционально-психологическая ценность милосердия, включающая общечеловеческие и этноспецифические ценности;
- 3) статусно-правовая ценность;
- 4) социально-культурная ценность.

Для установления психологически актуального содержания концепта «Милосердие/Charité» сопоставляются данные этимологических словарей, толковых словарей, фразеологических словарей и данные свободного ассоциативного эксперимента, проведенного в 2019–2020 гг. среди русскоязычных информантов и в 2020–2021 гг. среди франкоязычных информантов в г. Париж, Тур, Марсель, Сен-Бриё (Франция). Под психологически актуальным содержанием мы понимаем базовые ценности, репрезентирующие концепт. Мы разделяем мнение, что «базовые ценности являются жизненными установками и идеалами, которые сами члены этноса считают важными для своего народа и реализуют их в своей деятельности» [Хлопова, 2020, с. 58]. Базовые ценности выполняют в обществе чрезвычайно важную защитную функцию, так как люди

привыкли поступать в соответствии со сложившейся в социуме и одобряемой им системой ценностей, что определяет их социальный комфорт [там же]. Количественный анализ материала, полученного в результате свободного ассоциативного эксперимента, позволяет сформировать ассоциативно-вербальное поле «Милосердие/Charité», что является первым этапом анализа всех полученных реакций. Ассоциативно-вербальное поле формируется по аналогии со словарной статьёй ассоциативных словарей.

Проведённый ассоциативный эксперимент дал возможность сравнить между собой пары «стимул – реакция» по степени их семантической (смысловой) близости, что позволяет выделить центральные и периферические реакции. Т. В. Попова выделяет три вида классификации ассоциаций по типам реакции – логическая, грамматическая, тематическая [Попова, 2011, с. 20–23]. Логические реакции предполагают наличие сильных содержательных связей между стимулами и реакциями. Большинство реакций, полученных на стимул «Милосердие» характеризуется наличием сильных связей по смыслу между стимулами и реакциями.

Все ядерные реакции и часть ближней периферии попадают в центральные реакции, что составляет более 85 %. В периферические реакции согласно данной классификации попадают реакции, которые не связаны жесткими, обязательными причинно-следственными или иными отношениями. Преобладание парадигматических реакций над синтагматическими – более 85 %.

При всём разнообразии ценностей: например, труд, любовь, семья, родина, здоровье, долг, безопасность, деньги, законность, жизнь, справедливость, успех, уважение, доверие, порядочность, гармония [Шварц, 2012; Магун, Руднев, 2008; Bréchon, 2000], включение понятия «милосердие» в список базовых ценностей, нам кажется неоспоримым, прежде всего потому, что оно присутствует в каждом из списков общечеловеческих ценностей.

Цель настоящего исследования – установить психологически актуальное содержание базовой ценности «Милосердие/Charité» в русской и французской лингвокультурах, а также выявление возможной динамики исследуемой базовой ценности. В нашем исследовании под динамикой базовой ценности мы понимаем изменение ее содержания. Несмотря на то, что, по мнению психологов, базовые ценности изменяются медленно и остаются устойчивыми в 2–3 поколениях носителей языка [Магун, Руднев, 2019, с. 651], лингвистический анализ, проводимый нами, показывает, что в настоящее время даже ядерные ценности существенно изменяются гораздо быстрее.

Для достижения цели мы обратились к данным лексикографических источников, которые мы сравниваем с данными свободного ассоциативного эксперимента (далее САЭ – Е.Ш.), который был проведён без количественного ограничения. Информантам предлагалось указать всевозможные ассоциации на слово-стимул «Милосердие». В САЭ приняли участие 65 русскоязычных и франкоязычных информантов в возрасте от 14 до 80 лет. Гендерная, профессиональная специфики не учитывались, так как это не входило в задачи эксперимента. От каждого информанта в среднем были получены от 2 до 10 реакций. Общее количество ассоциаций составило 590 реакций для русскоязычных респондентов и 143 реакции получено от носителей французской лингвокультуры.

К ядру ассоциативно-вербального поля «Милосердие» относятся реакции в диапазоне частоты от 36 до 7 реакций: помощь (36); доброта (35); сочувствие (19); сострадание (19); любовь (12); прощение (12); благотворительность (12); поддержка (9); жалость (9); забота (8); сопереживание (7); добро (7); великодушие (7) – попадают реакции, которые входят в синонимический ряд слова «Милосердие»: сострадание, доброта, жалость. К зоне ближней периферии относятся реакции в диапазоне от 6 до 2 и в зону дальней периферии включаются единичные реакции.

Лексема *милосердие*, определяется как готовность помочь кому-нибудь или простить, проявить снисхождение к кому-нибудь из сострадания, человеколюбия, а также сама помощь, снисхождение, вызванные такими чувствами (СРЯ). Таким образом, ассоциация «помощь» и «прощение» актуализируют значение слова, зафиксированное толковыми словарями (СТСРЯ). Милосердие, являясь одной из базовых ценностей, вызывает определенные эмоции, которые окрашены чувствами – доброта, сочувствие, сострадание, любовь, жалость, сопереживание, великодушие. К основным ценностям русского этноса относят доброту и всепрощение [Прохоров, Стернин, 2006, с. 20]

Следующий этап анализа заключается в распределении всех полученных ассоциаций по семантическим модулям или смысловым блокам. Классификация ассоциаций заключается в формулировании их интегративного содержания, что позволяет определить их роль в общем наборе ассоциаций. Интерпретация ассоциатов, в этом случае, является более аргументированной и целенаправленной на уточнение психолингвистического значения концепта «Милосердие».

Полученные результаты классифицировались следующим образом: близкие по семантике ассоциаты, по-разному называющие фактически один и тот же семантический компонент, объединяются в семантический модуль, а их частотность суммируется. Для наименования семантических модулей выбираются наиболее частотные или стилистически нейтральные реакции. Более крупные модули были подразделены на микромодули. Под определением семантического модуля «понятие» мы понимаем форму отражения мира; мысль, которая выделяет из некоторой предметной области и обобщает объекты, указывая на их общий и отличительный признак (ЭЭиФН).

Под тематическим разделом «представления» понимаются характеристики, признаки предметов, событий, явлений реального мира. Рассмотрим тематическую классификацию ассоциаций:

1. Семантический модуль «Понятие»: добродетель (4), отношение (2), чувство, чувства, эмоции, человеческое качество, моральное качество;

2. Семантический модуль «Представления»:

2.1. Микромодуль «Помощь» (63): помощь (36), поддержка (9), желание помочь (2), взаимовыручка (2), помогающий, оказание помощи, помочь нуждающемуся, помощь ближнему, приходят на помощь, помощь другому человеку, помощь в беде, предложить помощь, помочь родным, помочь больным, помочь чужим, помощь сиротам, помощь страждущим, готовый прийти на помощь;

2.1.2. Микромодуль «Формы помощи»: благотворительность (12), волонтерство, меценатство, филантропия;

2.1.3. Микромодуль «Организации (коллективная форма)»: фонд (4), приют (6), благотворительный центр «Дедморозим», дом престарелых, ночлежка;

2.1.4. Микромодуль «Индивидуальная форма помощи»: благотворительность;

2.1.5. Микромодуль «Характер»: бескорыстность (6), бескорыстие (3), безвозмездная помощь, бескорыстная помощь, безвозмездно, безвозмездный, благотворительная помощь, по-человечески, воля, свободная воля, спокойствие и немногословие.

Гиперонимом к слову «помощь» является *действие*, что позволяет выделить:

2.1.6. Микромодуль «Действие»: добро (7), помогать (2), дело, доброе дело, благо, акт, действие, поступок, жест, сдать донорскую кровь, выполнение желания, проявлять милосердие, обогреть человека, приютить;

2.1.7. Микромодуль «Средства», как способ действия для достижения чего-либо: *финансовые, материальные*: деньги (3), денежные пожертвования, пожертвование,

расплатиться на кассе за продукты старушке, считающей мелочь; *способности, энергия, духовные дары*: слово, поговорить;

2.2. Микромодуль «Спасение»: спасение (2), спасение нуждающихся, спасение бездомных животных;

2.3. Микромодуль «Доброта»: доброта (35), сердце (6), отзывчивость (5), добродушие (4), душа (4), сердечность (4), открытость (4), искренность (3), душевность (2), доброе сердце, добрый, искренний, чуткость, добросердечие, добросердечность, душевная доброта, душевный, творить добро, сердечный, милость, милое сердце, большое сердце, золотое сердце, с открытым сердцем, чувствительность, чувствительный;

2.4. Микромодуль «Сочувствие»: сочувствие (19), сопереживание (7), эмпатия (5), неравнодушие (3), переживание, искреннее сочувствие, войти в положение другого, участливость, соучастие, понимание;

2.5. Микромодуль «Сострадание»: сострадание (19), жалость (9), жалостливое, сожаление, пожалеть от всего сердца, сострадательный;

2.6. Микромодуль «Любовь»: любовь (12), человечность (6), быть любящим, любовь к людям, человек (4), гуманность (4), человеколюбие (2), счастье (2), эйфория, человеколюбивый, проявление любви, альтруизм, привязанность, уважение;

2.7. Микромодуль «Вера»: вера, доверие;

2.8. Микромодуль «Надежда»: надежда;

2.9. Микромодуль «Благодарность»: благодарность (2);

2.10. Микромодуль «Снисхождение»: доброжелательность (3), мягкость (2), толерантность (2), расположенность, снисхождение, снисходительность, терпимость, терпение;

2.11. Микромодуль «Прощение»: прощение (12), пощада (3), прощение недостатков (2), простить долг, способность прощать, всепрощение;

2.12. Микромодуль «Забота»: забота (8), окружать заботой, заботиться, беспокоиться;

2.13. Микромодуль «Великодушие»: великодушие (7);

2.14. Микромодуль «Щедрость»: щедрость (3), дарить;

2.15. Микромодуль «Самопожертвование»: пожертвовать своими интересами ради помощи страждущему; самопожертвование, жертвенность, альтруизм;

2.16. Микромодуль «Благородство»: благородность (3), благородство;

3. Семантический модуль «ЛЮДИ»:

3.1. Микромодуль «Субъект милосердия»: мать, женщина, сестра, человек, сильный, герой, волонтер, филантроп;

3.2. Микромодуль «Объект милосердия»: нуждающиеся, больные, обездоленные, страждущий, нищие, дети, слабый, незащищенный, сироты, старушка, инвалид, бомж, слабый, другой, чужой;

3.3. Микромодуль «Персоналии, общественные деятели»: Чулпан Хаматова; Хабенский

4. Семантический модуль «Религия»: Бог (5), Иисус, Творец, божественность, церковь, папирть, крест, жест, смирение, спасение, прощение, христианство, добродетель, душа, всепрощение, духовность, вера, покаяние, верующий, вечность;

4.1. Микромодуль «Святые»: Дева Мария, чистота, невинность;

5. Семантический модуль «Живые существа»: пеликан, бездомные животные;

6. Семантический модуль «Социально-культурная деятельность»

6.1. Микромодуль «Образование»: школа, обучение, книги, классика, литература, тема сочинения ЕГЭ, «Преступление и наказание», «Герой нашего времени», Сонечка Мармеладова;

6.2. Микромодуль «Медицина»: хоспис (2), больница, боль, больной, больные, красный крест, медсестра, няня, сестра милосердия, эфтаназия;

6.3. Микромодуль «Гражданственность»: выбор (2), становление, совесть, честь, честность, ответственность, истина, быть на стороне слабого, нравственный, миролюбие, солидарность;

6.4. Микромодуль «Природа»: экология, солнышко, голубое небо;

7. Семантический модуль «Культурно-прецедентный»

7.1. Микромодуль «Традиции»: последнюю рубашку отдать, пожертвовать своими интересами ради помощи страждущему;

7.2. Микромодуль «Цвет»: медь (медный), красный (крест);

8. Семантический модуль «Конфликт»: война, герой, героизм, сестра милосердия;

9. Семантический модуль «Государство»: власть, Рим, Император, рассудительность, справедливость (милосердие по Платону);

10. Семантический модуль «Эмоционально-оценочный»:

10.1. Положительные характеристики: изменение к лучшему, музыка, солнышко, голубое небо, свет, улыбка, нерабочее 31 декабря, здорово, всегда бы так;

10.2. Отрицательные характеристики: бедность, горе, грусть, глупость, зарыть и ждать возрождения, коммерция, не всегда, неполноценность, незащищённость, нехорошее слово, не в контексте жизни, печаль, принижающее, раздавливают как клопа, редко, смерть, слёзы, слабость, тоска, тоскливое, уничижительное, умерло.

Ассоциаты первого модуля «понятие» представляют милосердие как психический процесс, явление, проявление или выражение чувств, как позицию или поведение, а так же набор ценностей и убеждений. В православном сознании существуют 7 добродетелей: Вера, Надежда, Любовь, Мудрость, Мужество, Справедливость, Воздержание.

Интересный факт, что в сознании носителей русского языка слово-стимул «Милосердие» ассоциируется с шестью из них: микромодули «Любовь», «Вера», «Надежда», микромодуль «Государство» представлен ассоциацией «справедливость» и «рассудительность» (ИИМ, 1), где «рассудительность» является составляющей добродетели «Мудрость» (разумность). Добродетель Мужество отражена в семантическом модуле «Конфликт» ассоциациями: война, герой, героизм, сестра милосердия. Ассоциат «отношение» требует определения своей позиции и поведения, таким образом, приводит к необходимости «выбора», что отражено в микромодуле «Гражданственность».

Среди реакций-представлений выделяются определённые характеристики, признаки. Цель милосердия представлена реакциями «помощь» (63) и «спасение» (4). Наибольшее количество реакций-представлений содержат компоненту «помощь» и «помогать». Это может свидетельствовать об осознании русскими респондентами деятельного, то есть проявляющегося в действии содержания понятия «Милосердие», от желания, готовности, предложения о помощи до её осуществления. Все реакции микромодуля «действие» указывают на активное действенное проявление милосердия – дело, акт, действие, поступок, жест, включая конкретные примеры – сдать донорскую кровь, обогреть, приютить, выполнить желание. К деятельному проявлению милосердия отнесём реакции микромодуля «забота» – забота (8), окружать заботой, заботиться, беспокоиться. Реакции, описывающие характер помощи, представлены однозначно – помощь *безвозмездная, бескорыстная, благотворительная*, совершаемая добровольно – *воля, свободная воля*. Реакция «по-человечески» подчёркивает отношение свойственное и характерное человеку. Помочь нуждающимся «по-человечески», то есть, от души, от сердца, без ожидания чего-либо взамен. Реакция *счастье* определяет чувства и эмоции, испытываемые при совершении

доброе дела. Важно отметить, что респонденты готовы проявлять милосердие *ко всем*, не только к близким или к отдельным личностям – *помощь другому человеку, родным; больным; помочь чужим; помощь сиротам; помощь страждущим*. Реакции респондентов демонстрируют важность проявления милосердия – *здорово, всегда бы так*, но указывают на непостоянный, эпизодический характер его проявления – *редко, не всегда*.

Основные мотивы совершения милосердных поступков раскрываются реакциями микромодулей «сочувствие» (40) и «сострадание» (31) – сопереживание, эмпатия, неравнодушие, участливость, соучастие, понимание, жалость к человеку, оказавшемуся в трудной ситуации. При этом ассоциаты *жалость, жалостливое* (о сердце), *пожалеть от всего сердца* указывают на одну из основных черт русского человека – сострадание и жалостливость, как отмечает Н. О. Лосский [Лосский, 1957, эл. ресурс], где он ссылается на публицистику М. Ф. Достоевского, произведения Л. Н. Толстого, на многочисленные факты исторического развития России (СРФ). Типичная реакция на сочувствие человека, оказавшегося в беде – положительная. Нередко объект жалости может чувствовать в ответ расположение, благодарность.

Ценности вызывают определенные эмоции, они окрашены чувствами и побуждают людей к определенным действиям [Прохоров, Стернин, 2006, с. 20]. Эмоционально-психологические ценности концепта «Милосердие» актуализированы реакциями микромодулей: «доброта», «любовь», «снисхождение», «прощение», «великодушие», «щедрость», «благородство», «самопожертвование». Большая часть из них представляет ядро ассоциативно-вербального поля. Микромодуль «Формы помощи» представлен 4 ассоциатами: благотворительность, волонтерство, меценатство, филантропия, из которых благотворительность представлена наибольшим количеством реакций (12) – как самое широкое понятие об оказании безвозмездной помощи нуждающимся.

Различие в целях и мотивах: благотворительность связана с состраданием и милосердием, имеет своей целью обеспечение социального благополучия общества – микромодули «Организации», коллективная и индивидуальная форма помощи – *фонд, приют, благотворительный центр «Дедморозим», дом престарелых*; для меценатства целью является поддержка национально-культурного достояния, мотивами – социальная взаимопомощь – реакции на стимул – *музыка, солидарность* (микромодуль «Гражданственность»); для филантропии основным мотивом является человеколюбие (реакции на стимул представлены в микромодуле «любовь» – *любовь* (12), *человечность* (6), *человек* (4), *гуманность* (4), *человеколюбие* (2), *быть любящим, любовь к людям, человеколюбивый, проявление любви, альтруизм* (как крайняя степень филантропии).

Объекты и субъекты милосердия представлены в зоне ближней и дальней периферии семантическим модулем «Люди». Микромодуль «Объект милосердия» представляет безусловных участников милосердия следующими реакциями: зона ближней периферии – *нуждающиеся, больные, обездоленные, инвалид, дети*; зона дальней периферии – *страждущий, нищие, слабый, незащищенный, сироты, старушка, бомж* с характеристиками – *слабый, неполноценность, незащищенность, бедность*. В микромодуль «Субъект милосердия» попадают реакции из ближней периферии – *мать, женщина*, из дальней периферии – *сестра*.

Таким образом, у милосердия «женское лицо» по ассоциациям русских информантов. Каким представляется человек оказывающий милосердие – *сильный*, являет собой *спокойствие и немногословие*, совершающий милосердный поступок может быть приравнен к *герою*, помогающий в свободное от работы время без всякого вознаграждения является *волонтером*, оказывающий помощь или покровительство из любви к людям – *филантроп*. Семантический модуль «Люди» включает микромодуль «Персоналии, общественные деятели», куда попадают известные российские любимые актёры, ведущие большую благотворительную деятельность,

основатели фондов помощи детям, а также студии творческого развития – Чулпан Хаматова и Константин Хабенский. С их именами связаны положительные эмоционально-оценочные реакции – *музыка, солнышко, голубое небо, свет, улыбка*.

Неразрывная связь милосердия с религией, как её основы, представлена ассоциатами семантического модуля «Религия»: *Бог (5), Иисус, Творец* – творец Вселенной; *церковь* – социальный институт, обладающий социальными, этическими, духовными качествами религии; *церковь*, как христианская община – *христианство*; *верующие* бывают милосердны, верующим должно творить дела милосердия; *паперть* – скорее реакция в своём символическом значении – место, где нищие просят милостыню; *крест* – как символ христианства, молитвенный жест; *смирение* как добродетель, основы духовной культуры – *прощение, всепрощение, духовность, вера, покаяние*; *душа* как выражение божественной природы и сущности человека.

Микромодуль «Святые» представлен именем Девы Марии, матери Иисуса Христа, как одной из самых почитаемых фигур, особенно в католицизме и православии, а так же ассоциатами её характеризующими – *чистота, невинность*. Согласно Евангелию Бог требует от людей милосердия даже в отношении к животным (ПэАВ: Ис. 58, 7; Мф. 5:42, 9:13, 23:23; Кол. 3, 12; 1Петр. 3, 8; Притч. 12, 10; Исх. 23, 5, 12; Втор. 22:4, 6, 25:4).

Семантический модуль «Живые существа» представлен ассоциатами – *бездомные животные*, а так же *пеликан*, птица символизирующая Христа, приносящего искупительную жертву, а кроме того самоотверженную родительскую любовь.

К зоне дальней периферии относятся ассоциации, входящие в семантический модуль «Социально-культурная деятельность», представленный микромодулем «Образование», ассоциаты которого указывают на роль школы, литературы в воспитании чувства милосердия – *школа, обучение, книги, классика, литература, тема сочинения ЕГЭ, «Преступление и наказание», «Герой нашего времени», Сонечка Мармеладова*. Микромодуль «Медицина» представлен как перцептивными, так и предметно-логическими ассоциациями – медико-социальные учреждения, оказывающие помощь больным, социальные агенты – медицинский персонал и пациенты – *больница, хоспис, боль, больной, больные, медсестра, няня, сестра милосердия, руки*, а так же *красный крест* как один из символов медицины в России и эмблема международной гуманитарной организации.

Полученный в ходе проведения ассоциат *этаназия*, не рассматривается нами в исследовании, так как является практикой прекращения жизни человека, запрещённой в России и лишённой этики в отношении животных.

Наличие реакций в микромодуле «Природа» – *экология, солнышко, голубое небо*, свидетельствуют о том, что респонденты равнодушны к природе, задумываются о роли человека в её сохранении, бережном и гуманном отношении к живому, осваивают навыки экологической культуры.

Реакции семантического модуля «Культурно-прецедентный» зафиксировали традиции сложившиеся в русской культуре – *последнюю рубашку отдать, пожертвовать своими интересами ради помощи страждущему* – как выражение готовности доброго, щедрого человека помочь в беде, отдать последнее ради спасения или помощи другому. Микромодуль «Цвет» с реакцией *медь* представляет цветовую характеристику концепта «Милосердие», указывая на связь со словом «медный». Во времена СССР «медяк» по цвету металла – мелочь, разменная монета достоинством 1, 2, 3, 5 копеек, обычно жертвуемая нищим.

«Эмоционально-оценочный» семантический модуль представляет оценки положительные – *изменение к лучшему, музыка, солнышко, голубое небо, свет, улыбка, нерабочее 31 декабря, здорово, всегда бы так* и отрицательные оценки – *слабость,*

неполноценность, глупость, незащищённость, печаль, горе, смерть, слёзы, бедность, грусть, тоска, тоскливое, нехорошее слово, унижающее, не в контексте жизни, уничтожительное, раздавливают как клопа, умерло, зарыть и ждать возрождения, коммерция, редко, не всегда со значительным преобладанием последних.

Анализ построенной семантической классификации позволил сделать вывод о том, как представляется концепт «Милосердие» в сознании носителей русской лингвокультуры. Милосердие имеет активное деятельное проявление, которое выражается через оказание помощи и спасение людей, а так же животных, попавших в бедственное положение. Движимые состраданием и сочувствием русские люди проявляют милосердие не только к родным и близким, но, и к чужим, незнакомым, попавшим в трудное положение людям. Однако при высокой морально-этической оценке этого качества носители русской культуры признаются, что редко проявляют его. При этом щедрость и великодушие побуждают поделиться последним – *отдать последнюю рубашку*. Чувство счастья и эйфории может сопровождать милосердные поступки, что свидетельствует об эмоциональном подъёме и осознании ценности происходящего.

Сохраняется тесная семантическая связь концепта с религией. Помощь ближнему – норма для христианина. Относиться с любовью, милосердно, даже к врагу (неприятелю), о чём свидетельствуют корпусные исследования концепта. Реакции русских информантов так же свидетельствуют о готовности помогать независимо от их религиозных убеждений, национальности, социального положения. Тема заботливого, неравнодушного отношения к природе включается в круг значимых вопросов, которые приравниваются к ценностям современного человека.

К ядру ассоциативно-вербального поля «Charité» относятся реакции в диапазоне частоты от 9 до 3 реакций: *Le partage* (9) (сопричастность, сочувствие, поддержка); *Aider* (8) (помогать); *La générosité* (8) (великодушие, благородство, щедрость); *La solidarité* (5) (взаимопомощь, сопричастность, взаимосвязь); *L'empathie* (4) (эмпатия); *L'amour* (4) *L'aide* (3) (помощь); (любовь); *La bonté* (3) (доброта); *la bienveillance* (4) (доброжелательность); к зоне ближней периферии относятся реакции с частотой реакций 2 и в зону дальней периферии включаются единичные реакции. В ядро ассоциативно-вербального поля попадают реакции, которые входят в синонимический ряд слова «charité»: *la bonté et la générosité* (ССл, Ripert, 1994, с. 51). Лексема «charité», определяется как – *Vertu qui porte à faire ou à souhaiter du bien aux autres* (ССл, Larousse, 1966, р. 221) *Добродетель призвана нести или желать добро другим* (перевод Е. Ш.). Слово объясняется французскими толковыми словарями через богословские понятия, такие как *любовь к Богу и к ближнему*, а также с пометой «более употребительно» – *благоденствия по отношению к бедным*. Анализ словарных дефиниций позволяет определить и сравнить основные элементы ядерной зоны лексемы «charité»: *la bonté, l'amour, la bienveillance, bienfait envers les pauvres, l'aumône, l'indulgence* с ядерными реакциями, полученными в результате САЭ. Большинство реакций ядра ассоциативно-вербального поля «Charité» содержат компоненту «помощь» – *aider, aide, solidarité* и «поддержка»

Тематический раздел «Понятие/Notion» не представлен реакциями франкоязычных информантов. Среди ядерных реакций «представлений / images» мы можем выделить следующие признаки: отношение – доброжелательность (5) (*la bienveillance, la gentillesse*), великодушие (12) (*la générosité*), доброта (3) (*la bonté*), отзывчивость (1) (*être serviable*), любезность (1), обходительность (1) (*être aimable*), любовь или благосклонность к другому человеку без ожиданий (1): *sans chercher à être forcément aimée* (не стремясь быть обязательно любимой).

Отмечены две реакции о проявлении великодушного отношения, противоречащие привычному пониманию дефиниции: *la générosité non dénuée d'arrière pensée* (великодушие не лишённое подоплёки (выгоды) (перевод Е. Ш.), что заставляет задуматься о том, чем является

великодушные в современное время – правилом хорошего тона или холодным расчётом. Другая реакция информанта – *donner de l'amour et de la générosité et de l'argent au autre qui on besoin, même s'il faut aussi penser à soi avant* (дать любовь и проявить великодушие по отношению к другому, кто в этом нуждается, хотя прежде надо так же подумать о себе) (перевод Е. Ш.) – подтверждение идеи о благоразумном милосердии, выраженной хорошо известной французской пословицей «*si le proverbe dit, charité bien ordonnée commence par soi-même, [...] la générosité dit au contraire, charité bien ordonnée commence par les autres*». Если пословица гласит, что разумное милосердие начинается с самого себя, [...] великодушие говорит об обратном: разумное милосердие начинается с других (ИИМ, 4).

Отношение внутреннего участия, сопереживания, эмпатии (5) проявлено в том числе фразеологизмом *partager la joie, ensemble peur* (поддерживать в горе и радости); внимания и чуткости (2): *prêter l'attention aux autres; être dans l'écoute attentive de l'autre*. Отношение сопричастности отражает реакция информантов *la solidarité*. Понятие входит в триаду республиканских ценностей: братство, солидарность, гуманизм, воплощая для французской нации идею взаимопомощи, трогательного братского отношения и поддержки любому человеку.

Непременная составляющая милосердия – любовь (4) (*l'amour*), христианский характер безусловной милосердной любви (4), отражён реакциями ближней периферии – *l'amour de Dieu* (любовь к Богу), *l'amour du prochain* (любовь к ближнему); символизация через собирательный образ сердца – *offrir son coeur* (дарить своё сердце); *la possibilité de développer notre ouverture du Coeur* (возможность проявить сердечность / искренность), *intelligence du Coeur* (эмоциональный (душевный) интеллект), фразеологизм *avoir le coeur sur la main* (быть великодушным);

Активный, деятельный характер милосердия представлен ядерными реакциями *le partage, partager* (10) (поддержка, сопричастность, сочувствие, поддерживать), *l'aide, aider* (11) (помощь, помогать), а также реакциями ближней *aider les autres* (9) (помогать другим) и дальней периферии (3) *l'entraide, s'entraider* (взаимопомощь, помогать друг другу), *l'assistance* (помощь, содействие).

В зоне ближней периферии представлены: участники милосердия – субъекты милосердия, две реакции (*agent de charité*) – *l'altruiste* (альтруист), остальные участники попадают в зону дальней периферии – *les personnes* (люди), *les bénévoles* (добровольцы); объекты милосердия, восемь реакций (*patient de charité*) – *les personnes en difficulté; les personnes demunies; son prochain; un autre; ceux qui sont dans le besoin* (люди, попавшие в трудную жизненную ситуацию, обездоленные, ближний, другой, нуждающийся); принципы милосердия – бескорыстная забота о благополучии других; понятие самоотверженности, приношение в жертву своих выгод в пользу блага другого человека или других людей (8) – *l'altruisme, le don, donner de soi; donner un plus de bonheur (aux personnes demunies); donner qchose à qn qui manque*.

Реакция франкоязычного информанта о милосердии как о даре утешения, проявлении милосердного поступка из чувства снисхождения, превосходства – *le don condescendant* вызывает противоречивые мнения. Однако, согласно мнению Д. фон Гильдебранда (1889 – 1977), католического философа феноменолога: «этот момент тесно связан с тем, что милосердный всегда должен иметь «превосходство». Милосердие предполагает возможность как-то помочь, управлять ситуацией «сверху». Милосердным может быть только тот, кто имеет возможность простить долги, кто в состоянии, как здоровый, помочь больному» [Гильдебранд, 2000, эл. ресурс].

Форма проявления помощи, милосердных поступков – большинство реакций информантов (4) свидетельствуют о бескорыстном, безвозмездном характере осуществления

добрых дел: *ne rien attendre en retour*; (не ждать ничего взамен); *de manière désintéressée* (помогать бескорыстно); *les notions de désintéressement* (понятие бескорыстия).

Тесная связь концепта «Charité» с религией представлена важнейшими заповедями Евангелия (4): *amour de Dieu et amour du prochain*.

Зона дальней периферии продолжает религиозную тему ещё семью реакциями – *au sens biblique* (в библейском смысле); *l'église*; (церковь); *la chrétienté, chrétienne*; (христианство, христианский); *l'aumône*; (подавание / милостыня); *la générosité chrétienne* (христианское великодушие); *divine* (божественный).

При сравнении с реакциями французского тезауруса были отмечены прецедентные имена святых: *Saint Paul* (Апостол Павел), *Saint Vincent de Paul* (Святой Викентий де Поль), основал в Париже монастырский орден дочерей милосердия «*les Filles de la Charité*» в XVII в. и госпиталь при нём, братья монастыря *Saint-Jean-de-Dieu* (Сен-Жан-де-Дье) создают многочисленные госпитали для неимущих в разных регионах Франции (ИИМ, 3).

При работе с исследовательским ресурсом Google Books Ngram и корпусом Лейпцигского университета с целью анализа лексико-семантических вариантов слова *Charité* было определено имя Святителя Мартина Турского, одного из самых почитаемых во Франции святых, который будучи военачальником, однажды зимой разорвал свой плащ и отдал его половине совершенно раздетому человеку. Святитель Мартин Турский, также называемый Милостивым (*Saint Martin de Tours, aussi nommé Martin le Miséricordieux*), один из основных образов милосердия, прочно закрепленном в сознании французов, включён в содержательно-смысловое ядро концепта и является этнокультурным феноменом французской культуры.

Инициативный, деятельный характер милосердия представлен в дальней периферии реакциями (5) – *l'hospitalité* (гостеприимство, предоставление убежища); *ouvrir sa porte* (быть готовым принять человека, приютить); *donner un peu de chaleur* (согреть кого-то); *soigner*; (заботиться); *s'inquiétait de savoir si l'autre va bien* (позаботиться о другом); оказанием благотворительной помощи (3): *la bienfaisance*; (благотворительность/ благодеяние); *oeuvre de bienfaisance* – дело, деяние благотворительности, благодеяния; *faire le bien autour de soi* (совершать добрые дела вокруг себя);

Оценочные реакции (преобладание негативных) иронично определяют милосердие как *substitut à l'Etat* (замена, подмена Государству), то есть действия, возмещающие недостаток помощи со стороны государства. Понятие «*la solidarité*» имеет для французов ещё и официальное измерение. «Министерство социальных дел и национальной солидарности», переименованное в 2017 г. в «Министерство солидарностей и здравоохранения» (*Ministère des Solidarités et de la Santé*) создано для решения социальных вопросов, что в России соответствует социальной защите (ИИМ, 5).

Недовольство франкоязычных респондентов деятельностью государственных структур отражает реакция – «*charité – c'est un acte destiné à se donner bonne conscience, face au refus de pratiquer une solidarité sociale nécessaire*». Это действие, направленное на успокоение своей совести, вместо того, чтобы оказывать необходимую, социальную помощь (перевод Е. Ш.). Процесс коммерциализации милосердия со всей очевидностью представляет реакция респондента – «*les grands patrons qui ne paient pas d'impôts, mais qui créent des galas de charité*» (крупные предприниматели не платят налоги, но организуют благотворительные мероприятия, перевод, Е. Ш.). Ассоциативно-вербальное поле «Charité» представлено следующими семантическими модулями:

1. Семантический модуль «Понятие (Notion)»
2. Семантический модуль «Представления (Images)»:

2.1. Микромодуль «Partage»: le partage (9) (сопричастность, сочувствие, поддержка), partager, partager la joie, ensemble peur (поддерживать в горе и радости);

2.2. Микромодуль «Aider»: Aider (8) (помогать), l'aide (3) (помощь), aider les autres (2) (помогать другим), aider les personnes (помогать людям), aider physiquement et moralement les personnes en difficulté (помогать физически и морально людям попавшим в беду), aimer aider (любить оказывать помощь), aider (ceux qui sont dans le besoin), aider les personnes démunies (помогать нуждающимся), aider son prochain (dans le besoin financier ou concrètement) (помогать своему ближнему (финансово или конкретно), aider de manière désintéressée (помогать бескорыстно), l'entraide (взаимопомощь), on s'entraide en donnant ce que l'on veut (помогать друг другу, делясь необходимым), l'assistance; (помощь, содействие, поддержка);

2.2.1. Микромодуль «Forme d'aide»: ne rien attendre en retour (2) (не ждать ничего взамен), de manière désintéressée (помогать бескорыстно), les notions de désintéressement (понятие бескорыстия);

2.3. Микромодуль «Générosité»: générosité (8) (великодушие, благородство, щедрость), l'acte de générosité (2) (великодушный поступок), être généreux (2) (быть великодушным);

2.4. Микромодуль «Amour»: l'amour (4) (любовь), l'amour de Dieu (2) (любовь к Богу), l'amour du prochain (2) (любовь к ближнему), altruisme (2), l'amour de son prochain (любовь к своему ближнему), l'amour de l'autre (любовь друг к другу), sans chercher à être forcément aimée (не стремясь быть обязательно любимой), l'affection, (привязанность), le Bonheur (счастье);

2.4.1. Микромодуль «Grand coeur»: offrir son coeur (дарить своё сердце), la possibilité de développer notre ouverture du Coeur (возможность проявить сердечность, искренность), intelligence du Coeur (Эмоциональный (душевный) интеллект), avoir le coeur sur la main (быть великодушным);

2.5. Микромодуль «Empathie»: l'empathie (4) (эмпатия);

2.6. Микромодуль «Bienveillance»: la bienveillance (4) (доброжелательность), acte de bienveillance (доброжелательный поступок), principe de bienveillance (принципы доброжелательности), être dans l'écoute attentive de l'autre et de part sa bienveillance faire que l'autre se sente bien (быть внимательным и чутким, сделать что-либо, чтобы улучшить жизнь другого), prêter l'attention aux autres (быть внимательным к другим);

2.7. Микромодуль Compréhension»: voir en l'autre ses qualités et grandir (увидеть в другом его достоинства и стать лучше), comprendre les réels besoins des autres (понять насущные нужды других), ne pas juger la difficulté de l'autre (не судить другого, находящегося в трудном положении);

2.8. Микромодуль «Bonté»: la bonté (3) (доброта), bonté d'âme (доброта души);

2.9. Микромодуль «Don»: le don de soi (2) (самопожертвование), le don (дар), donner de soi (жертвовать собой), donner un plus de bonheur (aux personnes dimunies) (дать больше счастья бедным людям); donner qchose à qn qui manque (дать что-либо тому, в чем он нуждается); donner de l'amour et de la générosité et de l'argent au autre qui on besoin, meme s'il faut aussi penser à soi avant (дать любовь, проявить великодушие, пожертвовать денег тому, кто в этом нуждается, *хотя прежде надо подумать о себе*), don condescendant – дар утешения (снисхождение); le don dans tous les sens du terme, en temps, materiel, argent (дар во всех смыслах этого слова, то есть, дар своего времени, материальный, денежный);

2.10 Микромодуль «Présence»: la présence (участие, поддержка), être présent (поддерживать человека, принимать в нём участие), le soutien (поддержка), soutenir (поддерживать), apporter le soutien (оказывать поддержку), tendre la main (протянуть руку помощи), répondre aux besoins la plus juste façon (решить проблему, найдя наиболее верное решение);

2.11. Микромодуль «Gentillesse»: la gentillesse, être gentil, (доброжелательность, быть добрым, доброжелательным), sourire (улыбнуться);

2.12. Микромодуль «Amitié»: l'amitié (дружба), la proximité (близость, близкое взаимодействие);

2.13. Микромодуль «Tolérance» – respecter les choix (уважать выбор человека), les valeurs (уважать ценности другого), et les différences (уважать различия, особенности другого);

2.14. Микромодуль «Noblesse»: la noblesse (благородство, достоинство);

2.15. Микромодуль «Miséricorde»: la miséricorde (сострадание, жалость, пощада), la pitié (жалость);

2.16. Микромодуль «Hospitalité»: l'hospitalité; (гостеприимство, предоставление убежища), ouvrir sa porte (быть готовым принять человека, приютить), donner un peu de chaleur (согреть кого-то);

2.17. Микромодуль «Soin»: soigner (заботиться), s'inquiétait de savoir si l'autre va bien (позаботиться о другом);

3. Семантический модуль «Personnes»

3.1. Микромодуль «Acteur (agent) de charité»: les bénévoles, l'altruiste, les personnes;

3.2. Микромодуль «Acteur (patient) de charité: les personnes en difficulté, les personnes démunies, son prochain, un autre, ceux qui sont dans le besoin;

4. Семантический модуль «Région»: au sens biblique (в библейском смысле), l'église (церковь), la chrétienté, chrétienne (христианство, христианский), l'aumône (подаяние, милостыня), la générosité chrétienne (христианское великодушие), divine (божественный);

4.1. Микромодуль «Saints»: Dieu (Бог), Saint Martin de Tours, aussi nommé Martin le Miséricordieux (Святитель Мартин Турский, также называемый Милостивым);

5. Семантический модуль «Les pouvoirs»

5.1. Микромодуль «Solidarité»: la solidarité (5) (взаимопомощь, сопричастность, взаимосвязь), c'est un acte destiné à se donner bonne conscience, face au refus de pratiquer une solidarité sociale nécessaire (действие направленное на успокоение своей совести, вместо того, чтобы оказывать необходимую, социальную помощь);

5.2. Микромодуль «Bienfaisance»: la bienfaisance (благотворительность, благотворительная помощь, благодеяние), oeuvre de bienfaisance (дело, деяние благотворительности, благодеяния), faire le bien autour de soi (совершать добрые дела вокруг себя).

Заключение

Комплексное исследование материала, полученного в результате свободного ассоциативного эксперимента позволяет представить и сравнить психологическое содержание базовой ценности *милосердие*, актуализированное в сознании носителей русского и французского языков. Реакции на слово стимул «Милосердие/Charité» полученные в ходе эксперимента, свидетельствуют о большой общности понимания этой ценности русскими и французскими респондентами.

Наибольшее количество реакций-представлений содержат компоненту *помощь*, что представлено реакциями ядра ассоциативного поля «милосердие» – *помощь, поддержка, забота* и соответственно для АП «charité» – *aider, aide, solidarité, partage*, что позволяет сделать вывод о единой цели и об осознании русскими и французскими респондентами понимания милосердия как активного действия, поступка, жеста. При этом в основе помощи лежит понятие бескорыстия, и её осуществление не предполагает ожидания взаимной благодарности, компенсации или какой-то выгоды от совершаемого: реакции – безвозмездная, бескорыстная, благотворительная, воля, свободная воля; *ne rien attendre en retour, de manière désintéressée, les notions de désintéressement.*

Объект и субъект милосердия представлены зоной ближней и дальней периферии. Безусловные участники, объекты милосердия представлены русскими респондентами более конкретно. Среди указанных реакций определяются *социально слабые и уязвимые группы населения* – дети, сироты, старушка, инвалид, бомж. Реакции французских респондентов более общие – *les personnes en difficulté, les personnes demunies, son prochain, un autre, ceux qui sont dans le besoin*. В характеристиках субъекта милосердия в реакциях русскоязычных информантов отмечена связь с войной, подвигом врачей и медицинского персонала.

Сема «война» объективирует последующие реакции – «герой», «героизм», «сестра милосердия»; гендерное отличие – «мать», «женщина», «сестра», с явным преобладанием реакций женского пола; наличие противопоставления объекту милосердия «сильный – слабый», включение эмоционально-образной характеристики «спокойствие и не многословие», наличие этноспецифического компонента, выраженного фразеологизмом о готовности «последнюю рубашку отдать» позволяют увидеть многоплановость объекта милосердия. Французские респонденты подчеркивают альтруистическую направленность и гуманистическую составляющую субъектов милосердия – «*les bénévoles*», «*l'altruiste*», «*les personnes*».

Основные мотивы совершения милосердных поступков представлены реакциями русских респондентов в микромодулях «сочувствие» и «сострадание». Идеи и поступки, связанные с состраданием, сочувствием, оказанием помощи в разных видах основаны на евангельских идеях любви к ближнему и помощи ему, бескорыстной отдачи просящему больше, чем он просит, «самоотверженной готовности положить жизнь за други своя» [ИИМ, 2 : Ин.15:13]. Сострадание, как совместно переживаемая боль, где сострадающий как бы уравнивает себя со страдающим человеком [Гильдебранд, 2000, эл. ресурс] стало не только системой взглядов, но и чертой русского национального характера. Сострадание – способ поддержки, характерный для женской культуры [Козлов, 2014, с. 51], что очевидно при анализе субъекта милосердия – *мать, женщина, сестра, няня*. Наиболее частые реакции французских респондентов, характеризующие мотивы милосердия, отражены в микромодулях «эмпатия», «сочувствие», «понимание».

Добродушие и нерасчетливость русского человека демонстрирует реакция «*последнюю рубашку отдать*», в отличие от рассудительности и разумности французского милосердия «*charité bien ordonnée commence par soi-même*» (поговорка), *donner de l'amour et de la générosité et de l'argent au autre qui on besoin, même s'il faut aussi penser à soi avant* (реакция респондента). При описании объекта милосердия, реакции включают не только людей, но и всех живых созданий, в том числе, бездомных животных, что полностью отсутствует в реакциях франкоязычных информантов.

Проникновение и закрепление в русском и французском языках слов и выражений из Ветхого и Нового Завета было связано с глубокой религиозностью населения и сильной ролью Церкви в государстве. На «удельный вес» религиозных выражений, их распространённость влияют не только внутррелигиозные причины, но и социальные обстоятельства. Для России – это Октябрьская революция и последующий советский период [Жуковская, 2006, с. 5–6]. Несмотря на это, в реакциях русскоязычных информантов отмечено значительное количество реакций, актуализирующих тематическую группу «Религия»: церковь как социальный институт, представление о верующих как субъектах милосердия, о добродетелях, как основе духовной культуры. Можно сделать предположение о возрождении религиозной традиции и религиозного мировоззрения в обществе. Значение слова «Charité» представлено французскими толковыми словарями через богословские понятия, такие как *любовь к Богу и к ближнему*. АП «Charité» представлено небольшим количеством реакций, актуализирующих вышеназванную тематическую группу. Однако,

неоднократное упоминание святых: Святитель Мартин Турский, называемый «Милостивый» (по результатам анализа словарных дефиниций и СП концепта «Charité»), Святой Викентий де Поль, Сен-Жан-де-Дье» (ССл, DdMC) обусловлено национальной значимостью имён, а так же особым отношением к ним, сформировавшимся под влиянием национальной культуры и истории французского народа.

Православное милосердие в религиозных представлениях русского народа связано с именем Бога, прежде всего, о чём свидетельствуют реакции АП «Милосердие» и паремиологический фонд: *Велик Бог русский и милосерд до нас; Милость творить – с Богом говорить* (БСПП); *Милостивому человеку и Бог подаёт; Кто добро творит, тому Бог отплатит* (Сб. В. Даля). В целом, по реакциям информантов обеих лингвокультур можно сделать вывод, что милосердие рассматривается гораздо шире, чем христианская добродетель, исполняемая посредством телесных и духовных дел, но как основа жизни и сотрудничества людей.

Таким образом, признаки, установленные в этимологии, в семантическом поле, во фразеологии и в ассоциативном поле Милосердие/Charité частично совпадают, что свидетельствует об устойчивом содержании базовой ценности Милосердие/Charité. Динамика базовой ценности проявляется в появлении в семантическом поле и ассоциативном поле нового признака – «коммерциализация».

Список литературы

Базовые ценности россиян: Социальные установки, жизненные стратегии, символы, мифы: По материалам проекта «Томская инициатива». Монография / [Л. М. Смирнов, И. Г. Дубов, Е. Ш. Курбангалеева и др.]; Ин-т комплекс. соц. исслед. РАН [и др.]. Москва: Дом интеллектуальной книги, 2003. 445 с.

Гильдебранд Д. фон. Метафизика коммуникации: исследование сущности и ценности общественных отношений / пер. с нем. А. И. Смирнова. Санкт-Петербург: Алетейя: Ступени, 2000. 372, [2] с. URL: <http://istina.nrav.org/милосердие/> (дата обращения: 12.03.2021).

Елишев С. О. Изучение понятий ценность, ценностные ориентации в междисциплинарном аспекте // Ценности и смыслы. 2011. № 2 (11). С. 82–96.

Карасик В. И. Культурные доминанты в языке // Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. С. 166–205. URL: <http://philologos.narod.ru/ling/karasik.htm> (дата обращения: 12.03.2021).

Кумахова Л. М. Условия осмысления сущностного понятия милосердия как общечеловеческой ценности // Психология и педагогика: методика и проблемы практического применения. Нальчик: Изд-во «Кабардино-Балкарский государственный университет». 2015. № 47. С. 75–80.

Лосский Н. О. «Характер русского народа», 1957. URL: https://vtoraya-literatura.com/pdf/lossky_kharakter_russkogo_naroda_1957__ocr.pdf (дата обращения: 12.03.2021).

Магун В. С., Руднев М. Г. Базовые ценности россиян и других европейцев по материалам опросов 2008 года). URL: <http://www.isras.ru/> URL: http://www.civisbook.ru/files/File/Magun_Rudnev_Vazovye.pdf (дата обращения: 12.03.2021).

Магун В. С., Руднев М. Г. Динамика базовых ценностей Российского населения: 2006–2018 // Сборник материалов. Будущее социологического знания и вызовы социальных трансформаций (К 90-летию со дня рождения В. А. Ядова). Москва: Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук, 2019. С. 651–653.

Полякова Е. В. Универсальность социально-психологической компоненты в этических концептах // Вестник Таганрогского государственного педагогического университета. № 2, 2013. С. 028–033.

Попова Т. В. Ассоциативный эксперимент в психологии: учеб. пособие. 2-е изд., стереотип. Москва: Флинта: НОУ ВПО «МПСИ», 2011. 72 с. URL: <https://docplayer.ru/60940001-Associativnyuy-eksperiment-v-psihologii.html> (дата обращения: 12.02.2021).

Прохоров Ю. Е., Стернин И. А. Русские: коммуникативное поведение. Изд. 2, испр. и доп., Москва: Флинта: Наука, 2006. 238 с.

Хлопова А. И. Содержание базовой ценности GLÜCK / СЧАСТЬЕ в немецкой лингвокультуре // Современные лингвистические и методико-дидактические исследования. № 2 (46). 2020. С. 58–67.

Шалгина Е. А. Фрейм-анализ концепта «Милосердие» // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2020. Т. 6. № 1. С. 186–199.

Шварц Ш., Бутенко Т. П., Седова Д. С. Уточнённая теория базовых индивидуальных ценностей: применение в России // Психология. Журнал Высшей школы экономики, 2012. Т. 9. № 1. С. 43–70.

Япп Н., Сиретт М. Эти странные французы; Пер. с англ. Ирины Тогоевой. Москва: Эгмонт Россия, 1999. 71 с.

Bréchon Pierre. Les valeurs des Français. Evolutions de 1981 à 2000. Editeur Armand Colin, 2000. 280 p.

Источники иллюстративного материала (ИИМ)

Диалоги Платона. Государство. Книга IV. Четыре добродетели государства. URL: <http://psylib.org.ua/books/plato01/26gos04.htm> (дата обращения: 12.02.2021).

Новый Завет. Евангелие по Иоанну: Ин:15:13. URL: <https://azbyka.ru/biblia/?Jn.15&c~r~h>

<https://www.fondation-saintjeandedieu.fr/pages/histoire--2> (дата обращения: 12.02.2021).

Charité bien ordonnée commence par soi-même: de la théologie à la raison d'État. In: (a cura di): Fouligny M. N.; Roig Miranda M., Les proverbes dans l'Europe des XVIe et XVIIe siècles: réalités et représentations. EUROPE XVI–XVII, p. 268–279, Nancy: Europe XVI–XVII.

Агентство социальной информации: Солидарность по-французски: URL: <https://www.asi.org.ru/2020/11/13/chto-my-nazyvaem-solidarnostyu-vo-franczii/> (дата обращения: 12.02.2021).

Словари (ССл)

Большой словарь русских пословиц. В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина, Е. К. Николаева. Международная ассоциация преподавателей русского языка и литературы. Санкт-Петербургский государственный университет. Межкафедральный словарный кабинет им. Профессора Б. А. Ларина. Москва: ОЛМА медиа групп, 2010. 1024 с.

Даль В. И. Пословицы русского народа. URL: <https://dic.academic.ru> (дата обращения: 2021).

Жуковская Н. П. Библизмы французского языка. Заимствования, фразеологизмы, цитаты, персонажи, аллюзии. Опыт франко-русского комментированного словаря терминов и выражений, имеющих библейский источник. Москва: Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, 2006. 384 с.

Козлов Н. И. Психологос. Энциклопедия практической психологии. Москва: «ЭКСМО», 2014. 752 с. URL: <https://iknigi.net/avtor-nikolay-kozlov/123046-psihologos-enciklopediya-prakticheskoy-psihologii-nikolay-kozlov/read/page-51.html> (дата обращения: 12.02.2021).

Пословицы русского народа. Сборник В. Даля. В 2-х т. Т. 1 / Вступ. слово М. Шолохова. Худож. Г. Клодт. Москва: Художественная литература, 1989. 431 с., ил. (Сб. В. Даля)

Православная энциклопедия Азбука Веры. URL: <https://azbyka.ru/about-all> (дата обращения: 12.02.2021).

Словарь Русской Философии / Составитель Апрышко П. П. Общая редакция Маслина М. А. Гипертекстовая версия книги. Издательство «Республика», 1995 URL: <https://www.pseudology.org/Psychology/RussianPhilosophyDictionary/07.htm> (дата обращения: 12.01.2021).

Энциклопедия эпистемологии и философии науки. Москва: «Канон+», РООИ «Реабилитация», 2009. 1248 с. (определение слова Понятие)

Ripert P. Dictionnaire des synonymes de la langue française. Booking International, Paris. 1994. P. 325.

Le dictionnaire de mots-clés. URL: <https://www.rimessolides.com/motsclés.aspx?m=Charite> (дата обращения: 12.02.2021).

Dictionnaire du Français contemporain, Librairie Larousse, Paris, 1966.

Список принятых обозначений и сокращений

ПРН – Даль В. И. Пословицы русского народа.

БСРП – Большой словарь русских пословиц. В. М. Мокиенко, В. М., Никитина, Т. Г., Николаева Е. К.

БФЯ – Жуковская Н. П. Библизмы французского языка.

ЭПП – Козлов Н. И. Психологос. Энциклопедия практической психологии.

СРФ – Словарь Русской Философии.

НКРЯ – Национальный корпус русского языка.

ПЭАВ – Православная энциклопедия Азбука Веры.

СЦА – Займовский С. Г. Справочник цитаты и афоризма.

ЭЭиФН – Энциклопедия эпистемологии и философии науки.

Corpora – corpora.uni-leipzig.de.

DdMC – Le dictionnaire de mots-clés.

Shalgina E. A.

Senior Lecturer, Perm State University, Perm, Russia

Podgaetz A. M.

Ph.D. (Philology), Perm State University, Perm, Russia

PSYCHOLOGICALLY RELEVANT CONTENT OF THE BASIC VALUE OF CHARITY / CHARITÉ IN RUSSIAN AND FRENCH LINGUOCULTURES

The article presents a comparative analysis of the associative-verbal field of the concept "Charity", recorded as a result of a free associative experiment. The basic value of charity is chosen as the object of research. The aim of the proposed research is to establish the psychologically relevant content of the basic value of charity in the Russian linguistic culture and to identify its correspondences in the French language consciousness, as well as to establish the possible dynamics of the studied basic value. Russian-speaking and French-speaking informants were asked to write all sorts of associations for the word-incentive "charity/charité". The experiment was conducted in 2019–2020 in Paris, Tours, Marseille, Saint-Brieuc (France). It was attended by 130 respondents. The total number of associations was 733 reactions. The quantitative analysis of the material obtained as a result of the free associative experiment made it possible to form an associative-verbal field by analogy with the dictionary entry of associative dictionaries. In order to clarify the psycholinguistic meaning of the concept, the resulting associations were divided into semantic modules. The experiment revealed the presence of a common component "help", which determines the content of most reactions-ideas and testifies to a common goal and awareness of charity as an active selfless action, which indicates a great common understanding of this value by Russian and French respondents. The comparison of the data of etymological, explanatory and phraseological dictionaries with the data of the free associative experiment demonstrates their partial coincidence, which indicates the stable content of the basic value of Charity. However, the appearance in the associative field of the concept of a new feature – "commercialization" indicates the dynamics of the meaning of the word mercy, and therefore the process of changing the basic value.

Keywords: the concept of "Charity", free associative experiment, associative-verbal field, basic values, dynamics of the basic value.

УДК 821.111: 140

Исаева Наталья Николаевна

Магистрант, факультет современных иностранных языков и литератур,
Пермский государственный национальный исследовательский университет,
614990, Россия, Пермь, ул. Букирева, 15, тел.: +7 (342) 2396290, e-mail: nata.is2014@mail.ru

Проскурнин Борис Михайлович

Доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой мировой литературы
и культуры, Пермский государственный национальный исследовательский университет,
614990, г. Пермь, ул. Букирева, д. 15, тел.: +7 (342) 2396290, e-mail: bproskurnin@yandex.ru

НЕОВИКТОРИАНСТВО И/ИЛИ АНТИВИКТОРИАНСТВО? ВИКТОРИАНСКАЯ ЭПОХА В РОМАНЕ САРЫ УОТЕРС «НИТЬ, СОТКАННАЯ ИЗ ТЬМЫ»

В статье с точки зрения проблем метаисторичности и историографичности современной прозы, особого для английской литературы конца XX – начала XXI вв. интереса к истории в целом и викторианскому веку в частности анализируется роман английской писательницы Сары Уотерс «Нить, сотканная из тьмы». При анализе романа акцент делается на особенностях художественной демифологизации викторианской эпохи и на оригинальности авторской модели викторианского века. Выявляются ключевые особенности жанрового, сюжетного и повествовательного своеобразия романа. Особое внимание при этом обращается на сюжетный и повествовательный диалог дневников двух героинь романа как его идейно-художественную основу. Большое внимание уделяется своеобразию обращения Уотерс к женскому вопросу в аспекте социальных и гендерных отношений, какими они видятся писательнице; при этом показывается, как Уотерс, обнажая нравственное лицемерие и ханжество викторианцев, обращается к маргинальным для той эпохи гендерным отношениям и трактует проблему «новой» («другой») женщины. В связи с этим в статье особо исследуется динамика женского характера в тесной связи с социокультурными обстоятельствами эпохи, как их понимает и реконструирует Уотерс. Выявляются переклички анализируемого социально-психологического романа с традициями викторианских сенсационных и готических романов, рассматриваются связанные с ними мотивы заточения, безумия, псевдо-таинственности и псевдо-мистики и спиритизма, криминального мира, социального дна. Демонстрируется значительный и оригинальный вклад С. Уотерс в становление и развитие такого важного звена современного английского литературного процесса, как неовикторианский роман.

Ключевые слова: викторианство, неовикторианский роман, социально-психологический роман, женский вопрос, образ женщины, сенсационный роман, готический роман.

Введение

Широко известна вошедшая во все исследования современной литературы рубежа XX–XXI вв. «одержимость историей» английских романистов эпохи постмодернизма (см. об этом [Киреева, 2004, с. 56–60]). Пожалуй, особый интерес у романистов этого времени

вызывает викторианская эпоха как время складывания английского национального характера, множества социокультурных традиций и примет, составляющих ядро современной «английскости» (см. об этом подробнее [Проскурнин, 2004]).

Согласимся с Ф. Джеймисоном: подобный интерес писателей нашего времени к истории – это попытка современной культуры восстановить потерянные идеалы, компенсировать за счет реконструкции прошлого, то, что он называет «утратой историчности» [Джеймисон, 2019, с. 345], то есть преемственности, непрерывности развития общества.

Однако права Ю. С. Скороходько, исследующая феномен так называемого «неовикторианского романа», когда утверждает, что в любом случае подобная реконструкция – это взгляд «со стороны», с позиций «Иного», «Другого» [Скороходько, 2017, с. 28]. Более того, в ряде «неовикторианских романов» подобная «инаковость» усиливается еще и тем, что их авторы критико-аналитически воспроизводят выбывавшиеся в викторианские времена из социокультурного мейнстрима явления и течения и сохраняющие свою известную маргинальность в наше время.

Такой взгляд на прошлое позволяет, с одной стороны, придать реконструкции некую сенсационность, оригинальность, неожиданность, а с другой – все же дать более объемное в силу своей многосторонности представление об ушедшем времени. Сара Уотерс (*Sarah Waters*; род. 1966) – как раз из тех авторов, которые, стремясь дать более живое и нестереотипное представление о викторианской эпохе, а также по-своему акцентировать непрерывность истории страны, прибегают к «сложным аллюзивным кодам», к «провокационному содержанию произведений» [Тупахина, 2013, с. 228].

Викторианская литература, по утверждению крупнейшего специалиста по английской литературе А. П. Саруханян, нередко писалась как злая сатира в адрес «викторианского ханжества», лицемерия и догматизма; вот почему многие писатели той эпохи были по сути «антивикторианцами»: вспомним Ч. Диккенса, У. М. Теккерея, Дж. Элиот, Дж. Мередита, Т. Гарди и др. [Саруханян, 2009, с.13].

Поэтому и реконструкция викторианства Сарой Уотерс при помощи обращения к дну викторианского общества, к миру преступников и разного рода «асоциальным» сторонам жизни – это любопытное и своеобразное антивикторианство, претендующее на то, чтобы заставить читателя осознать, насколько клишированное и мифологизированное восприятие эпохи сложилось в национальной исторической памяти, и деконструировать, сломать, преодолеть его.

Основная часть

Роман Сары Уотерс «Нить, сотканная из тьмы» (*Affinity*; 1999) состоит из двух сменяющих друг друга дневников. Первый – это дневник главной героини Маргарет Приор, принадлежащей к интеллектуальным слоям викторианского общества, которая отдает себя двум весьма далеким друг от друга родам деятельности – посещение тюрьмы и увлечение поэзией. Маргарет отмечает в дневнике: «Мне двадцать девять. Через три месяца исполнится тридцать. <...> Я высохну, истончусь и поблекну, точно лист, забытый меж страниц, скучной, унылой книги» [Уотерс, 2009]¹.

Неустроенность личной жизни, отсутствие в ней ярких событий, рутинная и монотонность, недостаток впечатляющих эмоций, тоска по чему-то яркому и необычному толкают ее в руки спиритуалистки и трансмедиума Селины Дауэс – автора второго дневника. Селина в стенах тюрьмы Миллбанк (основного места действия романа) отбывает наказание

¹ Роман цитируется по электронной версии перевода произведения: Уотерс С. Нить, сотканная из тьмы / пер. с англ. А. Сафроновой. Москва: Эксмо; Санкт-Петербург: Домино, 2009. 448 с.

за мошенничество и воровство. Любопытна ее характеристика в дневнике Маргарет: *«В глаза не глядит, вся в себе <...> Слывет самой покладистой заключенной <...> Тишайшая девица. Темна <...> Аки вода во облацех <...> Глаза [ее] были по-кошачьи зелеными, а волосы были тяжелые и шероховатые, точно змеи, которые говорят <...> Коса [казалась] взаправдашней змеей, точно гадиной, которая пробудилась и ощерилась клыками»* [Уотерс, 2009].

Дневник Маргарет – воспроизведение заметок, впечатлений, эмоций, размышлений автора непосредственно в дни посещения тюрьмы, тогда как дневник Селины фиксирует события, произошедшие за год до записей в дневнике Маргарет. Главной причиной возникновения дневниковых записей Маргарет Приор становится скоростная смерть очень близкого ей отца, приведшая ее к тяжелой депрессии, попытке самоубийства и психологической травме.

Болезнь Маргарет является бунтом против тирании матери, по настоянию которой, чтобы подавить возможные попытки покончить с собою, Маргарет прописываются хлорал и морфий – *«лекарства тишины и молчания»* [Уотерс, 2009]. Большая степень свободы героини сменяется после смерти отца жестким ограничением свободы, наложенным матерью. Маргарет ведет дневник для того, чтобы зафиксировать свои наблюдения и размышления, возникающие после посещения женской части тюрьмы Миллбанк: еще раз подчеркнем, дневник посещения Миллбанка – это «заготовки» Маргарет для будущего очерка (как продолжения дела столь любимого героиней отца-историка) [Кохан, 2019, с. 207]. При этом очевиден исповедальный характер этого дневника, который героиня называет *«самым лучшим другом»* [Уотерс, 2009].

Мы понимаем, что дневник ведется также из желания героини привести в порядок свои путанные мысли, а то и «изменить сложную реальность, которая чуть не погубила ее» [Brindle, 2010, p. 97], уйти от своего печального прошлого, терзающего ее; от *«плача и криков, доктора Эша и матери, резкого запаха морфия»* [Уотерс, 2009]. Однако реальность оказалась сложнее, чем думалось.

Не случайно Маргарет пишет: *«Я шла сюда с мыслями о несчастной узнице, но она швырнула меня обратно к моему собственному слабому “Я”». Такие чувства охватывали Маргарет на первых порах, пока она не познакомилась с осужденной за мошенничество и воровство Селиной Дауэс, глядя на которую ее окатывает «волной жалости»: «Ты вроде меня, – подумала я»* [Уотерс, 2009]. При этом после череды всех драматических событий героиня признается самой себе: *«Ах, если б, подумав так, я прошла дальше. Я жалею, что не ушла»* [Уотерс, 2009].

Как известно, характерными особенностями дневника как литературного жанра являются «самоадресованный криптографический текст, осознанное письмо, эмоциональная рефлексия, точно указанные сроки, солипсизм», а также самоанализ повествователя (см. об этом подробнее [Duyfhuizen, 1992, p. 76–96]). Однако сюжетно и композиционно Уотерс делает так, что личные записи Маргарет Приор, по утверждению К. Бриндл, «не являются саморефлексивным произведением: они всегда создаются в противоречии с голосом дневника Селины» [Brindle, 2010, p. 104].

Этот контраст очень важен, так как является сюжетно-композиционным каркасом произведения в целом. Уотерс делает так, что дневник Маргарет Приор дает больше информации о Селине, чем ее собственный дневник; последний скорее представляет собой ежедневник, где фиксируются особенности проведения спиритических сеансов, суммы денежных вознаграждений за них; здесь нет места искренности и откровенности, всегда свойственным дневнику как жанру.

Если исходить из спиритуалистской роли в романе образа Селины Дауэс, то эта героиня предстает либо в образе мошенницы, либо в образе жертвы. Первый образ связан с

непрекращающейся ложью, которую героиня «механически перебирает [как] моток пряжи» [Уотерс, 2009]. «Грешный агнец», – называют ее надзирательницы Миллбанка; «не ангел, а более поздняя истина», – говорит о ней Маргарет после всех событий [Ibid]. Героиня дает себе лаконичное определение: «хитрая актриска, как все другие»; она способна менять манеру речи и интонацию, но делает это «очень мягко – не в стиле актрисы, которая хочет, чтобы любой ее жест рассмотрели в переполненном зале, а словно в тихой музыкальной пьесе, когда чуть меняется тональность» [Уотерс, 2009]. В романе читаем: «В Миллбанке Селина вела себя как актриса, вспоминая свою блестящую карьеру. За строчками газетных репортажей я, кажется, увидела, чем в действительности была эта карьера: жизнью бабочки или мотылька, проходившей в чужих домах, в бесконечных переездах из одного унылого квартала в другой, чтобы за ничтожную плату исполнять ошеломительные трюки, подобные номерам в варьете. Я думала об умершей тетке, которая подтолкнула ее к такой жизни. Об умершей даме – миссис Бринк» [Уотерс, 2009]. Права К. Бриндл, когда подчеркивает, что Селина исполняла «роль пешки, которой другие пользуются по своему желанию» [Brindle, 2010, p. 106] и которая была приручена и обучена исключительно развлекать высшие слои общества. Вот почему героиня не никогда не забывает, «чья ты [она] девочка» [Уотерс, 2009].

Но с другой стороны, отсутствие авторского «Я» в ее дневнике придает ее дискурсу загадочность и таинственность; героиня становится той, кто «держит свои тайны при себе» [Уотерс, 2009]. Селина отдавала себе отчет, что исповедальный характер может легко превратить дневник в разоблачительный документ, и тогда все ее авантюры выйдут наружу.

В изображении Маргарет тюрьма Миллбанк, спроектированная по принципу «видеть – быть видимым, [где] видимость ловушка» [Фуко, 1999, с. 293], производит жуткое впечатление. Героиня, как и положено автору будущего очерка о тюрьме, с документальной точностью описывает условия, в которых содержатся женщины-заключенные; под ее пером они становятся «невероятно реальными – не призраки, не куклы и не бусины в связке, какими выглядели прежде, но сгорбленные женщины и девушки с грубыми лицами, на которых возникало покорное выражение <...> женщины, разучившиеся говорить, потому что им велено пребывать в молчании <...> женщины, которые калечат себя, чтобы разнообразить свою жизнь» [Уотерс, 2009].

Такое телесное, предметно-вещное и даже обонятельное восприятие узниц (см. об этом [Кохан 2019]) разрушает таинственность и зловещность этого места, его «готичность» распределчивается, деконструируется. Описание Миллбанка привратником, поначалу определяющее восприятие тюрьмы, уже кажется не просто страшным и жутким: «жутковатая старушка, а, мисс? <...> Что твоё чудище, пусть я и здешний сторож. А знаете, что она вся протекает. А все земля, будь она неладна. Ничто в ней не растёт – ничто в ней не сидит – даже такая старая мрачная тварь, как Миллбанк. Разве скажешь, что такая громадина ерзает туда-сюда? <...> А окна, в которых сами по себе трескаются стекла? Это она с виду такая тихая. Бывает <...> в безветренную ночь она стонет, ну точно баба!» [Уотерс, 2009]. Оно кажется метафорой анти-жизни вообще, и из разряда таинственного переходит в разряд метафоры обманной, несправедливой и тварной жизни едва ли не всей эпохи.

В романе совершенно очевидна параллель, которую *volens nolens* проводит Маргарет между своим домом, где властвует надзирательница-мать, и реальной тюрьмой. Критики неоднократно отмечали равнозначность для викторианской прозы мотива заточения женщины в тюрьме и заточения ее в домашних стенах [Скороходько, 2012, с. 190]. В анализируемом произведении, подобно героиням многих викторианских и неовикторианских романов женщина – по контрасту с клишированным викторианским «ангелом в доме» Ковентри Патмора – как «грешный агнец» помещается Сарой Уотерс в абсолютно замкнутое (и метафорически, и реально) пространство, в данном случае – тюрьму, обрекая женщину на

«одинокое безмолвие» [Уотерс, 2009]. А это, заявляет, протестуя, Уотерс, является едва ли главным принципом викторианского общества в женском вопросе: молчание и есть женщина.

По верному наблюдению Ю. С. Скороходько, «вопрос отношения к спиритизму и проблема социального положения викторианской женщины переплетаются в романе [Уотерс]; более того, мотив спиритизма усиливает звучание женской темы» [Скороходько, 2018, с. 212]. Обе героини романа стремятся обрести свободу, и обе живут в одном обществе – довлеющем над человеком (в особенности – над женщиной), но в разных, хотя и сходных по неустроенности и даже противоестественности, мирах: Маргарет – в «мире хаоса», Селина – в «мире безразличий <...> мире без любви» [Уотерс, 2009]. Благодаря своей способности манипулировать людьми и входить к ним в доверие, Селина Дауэс обретает свободу, проделав этот фокус с Маргарет Приор.

По мысли О. В. Тупахинной, «уже первая встреча Маргарет с Селиной актуализирует архетипический для готического романа сюжет невинной девы в дьявольских когтях» [Тупахина, 2013, с. 231]; ситуация якобы любви Селины к Маргарет лишь усиливает это ощущение. Селина признается в чувствах к Маргарет ее же словами, которые передала Селине горничная Рут Вайгерс, сделавшая немало для реализации спиритических трюков Селины (материализацию фиалки и разговора с духом мистера Джорджа Приора, в частности). Маргарет предпринимает попытку вернуться к реальной жизни, но безуспешно. Все больше погружаясь в мысли о Селине, она трансформирует ее реальный образ в идеальный – как на гравюре Карло Кривелли.

Нет сомнений, в романе сильно звучание мотива безумия, пробуждения эротического начала, пророческого сновидения, то есть всего того, что, как правило, характерно для готического романа. А дождь, темнота, туман, даже имя Аврора (рассветная) еще больше усиливают мистическое начало в романе. Не случайно и то обстоятельство, что сюжетная кульминация приходится на канун дня Св. Агнессы, как известно (в том числе и благодаря знаменитой поэме Дж. Китса) наделяемого магическими и мистическим свойствами, знаменующими в том числе и любовный экстаз (и не только виртуальный). Уотерс интересно исследует в романе тему женского безумия (истерии), тесно связанную, по ее мнению, с темой домашнего заточения женщин-викторианок.

В этом смысле роман перекликается с «Джейн Эйр» Ш. Бронте (имеется в виду ситуация с Бертой, сумасшедшей женой Рочестера) и «Лунным камнем» У. Коллинза; последний даже называют прототипом романа Уотерс. Как справедливо замечают исследователи, цель «Лунного камня» У. Коллинза – «исследовать влияние героя на обстоятельства, а не влияние обстоятельств на героя» – становится и целью художественного анализа в романе Уотерс (см. об этом [Тупахина, 2013, с. 230]). В этом отношении наиболее показательным как раз и становится образ горничной Рут Вайгерс. Социальная неприметность Рут делает ее неслышной «будто привидение, как и подобает служанке истинной леди» [Уотерс, 2009].

Именно она «прописывает» Селину Маргарет в качестве лекарства, и вдвоем они «управляют» мисс Приор, как «марионеткой». Образ Вайгерс, по замыслу Уотерс, становится доказательством того, «насколько могущественной может стать невидимая женщина» в обществе, где многое построено не на видимом, ясном и объяснимом, а на лицемерии, двойных стандартах, кажущемся и обманном [Armitt, Gamble, 2006, p.158]. Прозрение приходит к Маргарет только в конце романа, когда она окончательно осознает, что «нас [ее и мисс Джелф] обоих надули, и вы им в этом помогли! Вы с вашей добротой», признавая, что «они [Рут и Селина] вместе торжествовали коварную, чудовищную победу <...> Впрочем, страсть принадлежала им всегда. Все, что я писала в темноте, она [Рут] выносила на свет и присваивала мои слова, адресованные Селине. Одурманенная опиумом, я ворочалась в постели и чувствовала Селину, но это была Вайгерс» [Уотерс, 2009].

Как известно, тюрьма Миллбанк была построена на земле, купленной в 1799 г. знаменитым Иеремией Бентамом для осуществления его проекта Паноптикума. Хотя от бентамовского проекта отказались, когда в 1812 г. началось строительство оригинального, состоящего из шести пятиугольников здания, тем не менее идея паноптического обзора, видимо, весьма привлекла Сару Уотерс, в свое время увлеченную «популярной метафорой паноптикона Бентама как инструмента невидимого контроля», развиваемой Мишелем Фуко [Кохан, 2019, с. 205].

И здесь надо говорить о разоблачении еще одного «симулякра»: Миллбанк основан на идее паноптикона, на идее постоянного невидимого контроля, а значит – знания о заключенных (и не только) все и вся. Однако на деле, как показывает Уотерс, паноптикон Миллбанка наоборот глубоко и основательно разобщает людей, а своеобразной метафорой этого кажущегося, видимого, но не сущностного понимания «Другого» становятся сеансы спиритизма и гипноза.

Можно смело утверждать: одной из ведущих тем «Нити, сотканной из тьмы» является тема неспособности людей видеть и понимать друг друга. Чередующиеся дневниковые записи героинь сюжетно-композиционно отражают этот симулякр-паноптикон, при доминировании которого якобы «просматривается каждая точка, индивиды водворены на четко определенные места, каждое движение контролируется, все события регистрируются», непрерывно ведущая запись связывает центр с периферией и т. п. (см. об этом [Фуко, 1999, с. 288]). По сути же этот паноптикон еще больше отдаляет и отчуждает людей друг от друга, изолирует каждого, противопоставляет каждого каждому, чаще всего создавая иллюзию близости и понимания.

Повествовательная структура «Нити, сотканной из тьмы», когда два дневника вроде бы объясняют (отражают) друг друга и, как кажется центральной героине, позволяют понять себя и Другого, вовлекает читателей в некую систему зеркал: героини «в искаженных отражениях своих дневников ищут подлинный образ самих себя» [Abbott, 1984, p. 25]. По мысли А. З. Вулиса, зеркало – это метафора «окрестного мира, метафора искусства, метафора всякого, кто в него глядится. И, вообще, кабы понадобилось придумать метафорическое изображение метафоры, то лучше образа, чем зеркало, нельзя было бы и сыскать» [Вулис, 1991, с. 3].

Подчеркнем, что взаимосвязь между паноптическим устройством и зеркалом проявляется в оптической иллюзии, обусловленной неспособностью людей видеть реальное отражение действительности, замечать обман/самообман в целом. Вот Сара Уотерс рисует Маргарет в комнате с зеркалом: «в комнате совсем темно, но дюжина блестящих поверхностей отражает ее [настойной лампы] свет, и если повернуть голову, в зеркале над камином я вижу свое вытянутое желтоватое лицо. Я не поворачиваюсь» [Уотерс, 2009]. А вот она обращает внимание на сходство Селины с образом на гравюре Карло Кривелли: *«только на ней не ангел, а более поздняя “Истина”. Она представлена строгой и грустной девушкой, у которой в одной руке зеркало, а в другой солнце в виде пылающего диска. Теперь гравюра будет висеть у меня. А что такого? Она красивая»* [Уотерс, 2009].

Примечательным в этом эпизоде является, по верному наблюдению критика, «мизансцена зеркального отражения, подчеркивающая власть Селины над Маргарет» [Brindle, 2010, p. 121]. Вглядываясь в зеркало покойного отца, Маргарет выискивает в нем образ отца или *«хоть какое-нибудь напоминание о днях, когда он был жив. Но в нем отражалась лишь я <...> Помню через две недели после того, как у него обнаружили рак, папа взглянул в зеркало и с жуткой улыбкой улыбнулся. В детстве нянька ему говорила, что больным нельзя смотреть на свое отражение, иначе их души улетят за стекло, и они умрут»* [Уотерс, 2009]. Когда Маргарет принимает решение вступить в стговор с Селиной для того, чтобы та совершила побег из тюрьмы, она говорит: *«[Я] видела ее темный глаз, в котором плавало мое лицо, бледное, как жемчужина.*

Потом он стал зеркалом, где отразился папа. Душа моя покинула меня, и приютилась в ней» [Уотерс, 2009]. Мистически считается, что зеркала обладают способностью захватить душу и привести к смерти. Маргарет же отдает свою душу Селине, и это неизбежно приводит к смерти. «Случайность и любопытство» оборачиваются для героини трагедией; вторая попытка самоубийства становится «удачной».

Заключение

В романе, о котором шла речь, сильно исповедальное начало; одновременное наличие в тексте произведения дневников и эпистолярных экзерсисов двух героинь становится ярким способом введения в повествование двух то переплетающихся, то противопоставленных точек зрения на события. Дневниковость и исповедальность напрямую связаны с самоотражением (отсюда мотив зеркал в романе), самоанализом и самопониманием – одной из национальных особенностей английской литературы. Однако, как показывает Уотерс, бесконечное болезненное самокопание в «пережитом личном опыте», идеализированное и оторванное от реальности подытоживание содеянного может привести к болезненному замыканию в себе, а то и к настоящей «болезни от ума». В основе романа С. Уотерс «Нить, сотканная из тьмы» лежит история тюрьмы Миллбанк, вместившая *«столько много разных судеб»* [Уотерс, 2009]. Автор проводит параллели между рациональным (мужской разум) и иррациональным (угнетенный женский разум), «грешным агнецом» и «ангелом в доме», между домашним заточением и тюрьмой, которые становятся в романе синонимами, между реальностью и видимостью, реальностью и ее отражением.

Оппозиция «вымысленность – подлинность» реализуется в романе как при помощи «эффекта подлинности», так и при помощи игры автора с нею, подчеркиванием ее фантазийной сути [Рогинская, 2002, с. 12]. Утопия «союза» Маргарет Приор и Селины Дауэс – это встреча разума и плоти при доминировании второго, что, по мнению автора романа, никогда ни к чему хорошему не приводит. Викторианство в романе репрезентируется Сарой Уотерс благодаря одновременно критическому исследованию той эпохи и стилизации под нее.

Список литературы

- Вулис А. З. Пролог // Вулис А. З. Литературные зеркала. Москва: Советский писатель. 1991. С. 3–5.
- Джеймисон Ф. Введение. Культурная логика позднего капитализма. Утопия после конца утопии. Ностальгия по настоящему // Джеймисон Ф. Постмодернизм или культурная логика позднего капитализма / Пер. с англ. Д. Кралечкина. Москва: Изд-во Института Гайдара. 2019. С. 63–583.
- Киреева Н. В. История и современность в фокусе постмодернистского романа // Киреева Н. В. Постмодернизм в зарубежной литературе. Москва: Флинта-Наука, 2004. С. 56 – 60.
- Кохан О. Н. «Нить, сотканная из тьмы» Сары Уотерс // Новое прошлое. 2019. № 3. С. 203–213.
- Проскурнин Б. М. О новых подходах к викторианству как социокультурному прецеденту // Вестник Пермского университета. Иностранные языки и литературы. Выпуск 4. Пермь: Изд-во «Пермский университет», 2004. С. 5–13.
- Рогинская О. О. Эпистолярный роман: поэтика жанра и его трансформация в русской литературе. Автореф. ... к. филол. н. Москва, 2002. 23 с.
- Саруханян А. П. Английская литература XIX века в зеркале XX века // Саруханян А. П., М. И. Свердлов и др. Английская литература от XIX века к XX, от XX к XIX: проблема взаимодействия литературных эпох. Москва: ИМЛИ РАН. 2009. С. 5–43.
- Скороходько Ю. С. Жанровое своеобразие английского неовикторианского романа 1990-2000-х годов // Вопросы духовной культуры. Филологические науки. 2012. № 237. С. 189–192.
- Скороходько Ю. С. Неовикторианский роман младшего поколения как неисторический роман: к постановке проблемы // Asonance: A Journal of Russian & Comparative Literature Studies. 2017. No. 17. С. 23–32.

Скороходько Ю. С. Неовикторианский роман младшего поколения: поэтика и жанровые разновидности: монография. Москва: ФЛИНТА: Наука, 2018. 375 с.

Фуко М. Дисциплина // М. Фуко. Надзирать и наказывать: рождение тюрьмы / пер. с франц. В. Наумова. Москва: Изд-во «Ad Marginem». 1999. С. 288–295.

Уотерс С. Нить, сотканная из тьмы / пер. с англ. А. Сафроновой. Москва: Эксмо; Санкт-Петербург: Домино, 2009. 448 с. URL: <http://www.https://bookree.org/reader?file=36262> (дата обращения: 27.02.2021).

Тупахіна О. В. «Роман передзнання»: Наративні конвенції вікторіанської літератури в романі Сарі Уотерс «Affinity» // Англійстика та американистика. 2013. № 10. С. 227–232.

Abbott H. Porter. Diary Fiction's writing as Action. Ithaca: Cornell. University Press, 1984. P. 21–152.

Armitt L., Gamble S. The Haunted Geometries of Sarah Water's Affinity // Textual Practice. 2006. 20 (1). P. 141–159.

Brindle K. Epistolary Encounters: Diary and Letter Pastiche in Neo-Victorian Fiction. Thesis / Department of English and Creative Writing. Lancaster University. 2010. P. 98–122.

Dufhuizen Bernard. Narratives of Transmission. London: Associated University Presses, 1992. P. 76–96.

Llewellyn M. 'Queer? I should say it is criminal!': Sarah Waters' Affinity // Journal of Gender Studies. 2004. 13 (3). P. 203–214.

Waters S. Affinity. New York: Penguin Putman Inc., 1999. URL: <https://www.bookfrom.net/sarah-waters/40526-affinity.html> (дата обращения –27.02.2021)

Isaeva N. N.

Master Student, Perm State University, Perm, Russia

Proskutnin B. M.

Grand PhD (Philology), Professor, Head of World Literature and Culture Department, Perm State University, Perm, Russia

NEOVICTORIANISM AND/OR ANTIVICTORIANISM? THE VICTORIAN AGE IN AFFINITY BY SARAH WATERS

The novel by Sarah Waters Affinity is under analysis from the points of view of metahistoricism, historiographical prose and so much peculiar to the English literature of the turn of the XX and XXI centuries interest to the Past on the whole and the Victorian Age in particular. The special stress is done at the demythologization of the Victorian times on the basis of which the writer constructs her model of that decisive for national character formation period. Some key features of the novel's genre, plot and narration are shown. The dialogue of the two main female characters' diaries as the structural basis of the novel is stressed. Big attention is paid to Sarah Waters' approaches to the Woman Question and Queer Relations in the Victorian Age as she sees it, revealing Victorian social and gender hypocrisy. Her approach to the phenomenon of a 'New/Other Woman' is also stressed; because of it the writer's ways of depicting female characters' dynamics strongly dependent on social, moral and cultural circumstances are analyzed. Peculiar use of sensational, Gothic, social and psychological novel patterns are stressed, as well as directly connected with that motifs of mad woman, imprisonment, criminal underworld, pseudo-mystery and spiritualism. Sarah Waters' role in the development of such an important for contemporary English literary process genre conglomeration as 'neovictorian novel' is demonstrated.

Keywords: Victorian Age, neo-Victorian novel, social problem novel, the Woman Question, literary woman character, sensational novel, Gothic novel.

УДК 821.161.1-93(57+47)+394(=581)

Попкова Татьяна Дмитриевна

Кандидат философских наук, доцент, кафедра иностранных языков,
Шандунский женский университет, Китай

Кондаков Борис Вадимович

Доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы,
Пермский государственный национальный исследовательский университет,
614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15, тел.: +7(342)239310, e-mail: kondakovb@mail.ru

КИТАЙ В ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ 1920-Х ГОДОВ

Детская литература особым образом показывает мир; для нее характерна контаминация разнообразных жанрово-стилевых форм, а реальность органично соединяется с вымыслом. Это особый художественный мир, в котором создается локальное пространство жизнедеятельности детей, обусловленное конкретной исторической эпохой. «Простые» сюжеты повестей и рассказов настраивают сознание читателей на активное соучастие судьбам героев; на их примере утверждаются нравственные критерии и идеалы, воспитывающие подрастающее поколение. Подобный подход реализовывался в советской литературе для пропаганды официальных идеологических установок, важнейшими среди которых были помощь в осуществлении «социалистической революции» в других странах, «интернационализм» и «международная солидарность трудящихся». В качестве примера литературы такого типа могут быть названы произведения о жизни детей (в том числе в других странах), созданные советскими писателями. Особое место в литературе 1920-х гг. занимали произведения, адресованные советским подросткам, в которых описывался Китай или изображались герои-китайцы (в том числе китайские дети). Китай рассматривался советскими идеологами не только как ближайший сосед, но и как страна, ближе всего подошедшая к революционным процессам. Идеологические ценности молодой Советской России иллюстрировались примерами из жизни китайского народа, которые должны были помогать воспитанию детей в духе патриотизма, помогать им «бороться за справедливость», воспитывать уважение к старшим, высокие нравственные идеалы и трудолюбие. Таковы были опубликованные в рассматриваемый период произведения С. П. Разумова, П. А. Бляхина, Н. Я. Агнивцева, Н. Н. Панова [писавшего приключенческие повести под псевдонимом Дир Туманный], Н. С. Тихонова и др. В своих работах они описывали особенности жизни китайского народа, его «революционную борьбу» против своих и иностранных угнетателей. Такие произведения были призваны формировать у подрастающего поколения Советского Союза дружеское, «интернациональное» отношение к ближайшему соседу – Китаю, создавать его обобщенно-поэтический образ.

Ключевые слова: детская литература, Китай, Советский Союз, образы китайцев, дети.

Введение

Отношения России (Советского Союза) и Китая на протяжении XVIII – XX вв. выстраивались многоаспектно. Китай рассматривался в России как ближайший сосед, с которым необходимо налаживать разнообразные отношения – прежде всего, в сфере политики и торговли. Одновременно развивались и культурные контакты, в основе которых лежал

взаимный интерес к философии, религии, просвещению и литературе обеих стран. Русские писатели и журналисты (И. Гончаров, Н. Гарин-Михайловский, А. Амфитеатров, В. Дорошевич и другие) нередко изображали в своих произведениях Китай и персонажей-китайцев; китайские религиозно-философские представления использовались русскими мыслителями (Л. Толстой, В. Соловьев и другие) для постановки историко-философских и философско-этических проблем, связанных с национальной историей; сопоставление России с Китаем стало общей темой для размышлений политиков и историков¹.

Значение образа Китая в публицистике и литературе советского периода существенно возросло. События, происходившие в Китае, во многом напоминали те, которые несколько ранее происходили в России. Поэтому в Советском Союзе Китай стал рассматриваться не только как «сосед» и экономический партнер, но и как ближайший соратник в борьбе с «мировым империализмом», как страна, где в ближайшем будущем должна свершиться «социалистическая революция», а позиция государства определялась как «помощь» соратнику по борьбе с капитализмом и империализмом. Народ Китая стал интерпретироваться как ближайший «друг», которому необходима всесторонняя помощь со стороны «советского народа».

Такой подход способствовал росту интереса к соседней стране, что не могло не отразиться в литературе и искусстве 1920-х – первой половины 1930-х гг. В результате этого в Советском Союзе стало публиковаться огромное количество публицистических и художественных произведений о Китае, среди создателей которых оказались такие известные писатели и публицисты: Б. Пильняк, В. Маяковский, Д. Бедный, М. Булгаков, И. Бабель, М. Цветаева, А. Фадеев, Г. Серебрякова, В. Виленский-Сибиряков и многие другие. Такая ситуация способствовала расстановке определённых акцентов в процессе реализации литературной политики при создании литературных произведений, адресованных детям.

Основная часть

Обращение советской детской литературы 1920-х гг. к изображению именно Китая и китайцев вполне закономерно. Тема детства в художественной литературе возникала в контексте формирования новой идеологии, необходимой для социальной действительности. Важность пропаганды новых ценностных ориентиров, включающих добровольный труд, высокую ответственность, интернациональное сознание и прочее стали востребованными в воспитательной работе с детьми. Лучшими примерами для этого могли служить рассказы о жизни детей из других стран, народы которых включились в мировой революционный процесс, поскольку «интернационализм» считался одной из важнейших целей воспитания советских детей. Газеты и журналы, публикующиеся в них повести и рассказы, адресованные советским детям, руководствовались разработанной стратегией – настроить детское сознание на «сопричастность» с детьми всего мира, опираясь на принцип «мы – все – равны!» Советские дети были открыты для эмоционального приобщения к событиям «дружественного» и одновременно «страдающего» Китая, а образы китайцев, с одной стороны, оказывались притягательными, а с другой стороны – поучительными.

Китаю, например, был посвящён специальный выпуск популярного журнала «Пионер» за 1927 г. [Пионер, 1927]. В газете «Пионерская правда», адресованной советским детям, под заголовком «Картины из жизни Китая» регулярно печатались небольшие очерки, в которых описывалась тяжёлая жизнь китайских детей. Одним из авторов, активно печатавшимся в

¹ Более подробно об этом см. [Кондаков, Красноярова, 2017].

адресованных детям изданиях, был С. П. Разумов (1901–1938), публиковавший свои произведения под разными псевдонимами – О. С. Тарханов, Эрберг, Таубе, Танин, Каррио, – революционер, дипломат, партийный работник, руководитель молодежного движения, ученый и писатель, работавший в Китае в 1926–1927 гг. в аппарате М. М. Бородина – политического советника ЦИК Гоминьдана и личного друга Сун Ятсена. Очерки С. Разумова (О. Эрдберга), публиковавшихся в детских и юношеских изданиях СССР, в дальнейшем были изданы в его отдельной книге «Китайские новеллы» [Эрдберг, 1929].

В тот же период была опубликована детская приключенческая повесть революционера и писателя П. А. Бляхина (1886–1961) «Красные дьяволята. Охота за Голубой Лисицей» [Бляхин, 1927], над текстом которой автор трудился с 1921 по 1926 г. Книга стала одним из первых популярных произведений этого жанра молодой советской литературы и активно пропагандировалась.

В числе главных персонажей повести «Красные дьяволята» был китаец Ю-ю, про которого говорилось, что он выполнял важные поручения штаба полка Первой конной армии С. М. Будённого. Ю-ю до начала Гражданской войны «работал в китайской прачечной в Москве, потом был акробатом в цирке и даже уличным фокусником при старом шарманщике»: «Гражданская война пробудила в нём страстное желание покинуть свою неблагодарную работу и броситься в огонь кровавых событий. Он смутно понимал, что борьба русских крестьян и рабочих за Советскую власть есть дело всех угнетённых, и стихийно потянулся к красным, под знамена свободы и революции» [Бляхин, 1927]. Жизнь в отряде и пример отважных друзей, сражающихся на фронтах войны, делает Ю-ю одним из лучших борцов за «советскую власть». В финале повести Ю-ю вместе с друзьями-разведчиками удаётся захватить в плен «атамана кулацкой банды», «бандита и грабителя» «батюку Махно», и за этот подвиг он получает высокую награду – орден Боевого Красного Знамени¹.

Другой пример остросюжетного произведения, адресованного детям (точнее, подросткам), – «роман приключений из жизни современного Китая» под названием «Дети Чёрного Дракона» (1925), написанный писателем Н. Н. Пановым (1903–1973), входившим – вместе с И. Сельвинским – в группу конструктивистов, публиковавшийся в 1920-е гг. под литературным псевдонимом – «Дир Туманный») [Панов, 1925]. В повести описывалась деятельность тайного китайского общества, выражающего идеи освободительного движения (близкие к коммунистическим) с «белыми дьяволами» (англичанами и французами), которую ведут его члены. Наряду с условными, вымышленными автором персонажами (неким «князем-эмигрантом» Львовым – «Ли-во» и членами китайского тайного общества), в повести упоминались многие исторические лица – «маршалы-милитаристы» Чжан Цзолинь, У Пэйфу, «друг угнетённых» доктор «Сунь-Вэнь»² («кантонский президент» Сун-Ят-Сен³ и другие). Приключенческий роман завершается изображением митинга, организованного советским обществом «Руки прочь от Китая» (реально существовавшим и функционирующим в Советском Союзе на протяжении нескольких лет), в котором – вместе с представителями

¹ В дальнейшем сюжет повести был использован в двух кинофильмах и пьесе. Первый фильм, «немой», – «Красные дьяволята» (начальная версия – 1923 г.; последующие версии фильма – 1929 г. и, озвученная, – 1943 г.), режиссером которого был И. Перестиани, а П. Бляхин являлся автором сценария. Второй фильм, имевший в свое время большой успех у публики, – «советский вестерн» «Неуловимые мстители» (1966 г.), режиссером и одним из авторов сценария которого стал Э. Кеосаян. Однако в первом фильме персонаж-китаец Ю-ю был заменен на «чернокожего акробата» Тома Джексона, а во втором – на «Цыгана Яшку». В постсоветский период к этому же сюжету обратилась Е. В. Нестерина, написавшая «повесть» (точнее, сценарий) «Красные дьяволята-гемаке» (2007), в которой вместо «китайца» Ю-ю появляется мальчик-индус с китайским именем Ли. Пьеса, имевшая то же название, что и книга, была опубликована в 1926 г. [Витте, 1926].

² Сунь Вэнь – литературный псевдоним Сунь Ятсена.

³ Фамилия и имя Сунь Ятсена [孙逸仙] в 1920-е гг. на русском языке писалась по-разному: Сун-Ят-Сен, Сунь Ят-сен и т. п.

советской страны – участвуют и «дети Чёрного Дракона». В этом же произведении описываются мечты китайских людей об изгнании иностранцев и торжестве социалистической революции (которая символизируется фигурой рабочего) в странах Востока.

В некоторых произведениях советской литературы 1920-х гг. описывались реалии китайской жизни и известные исторические деятели Китая (прежде всего, революционеры – «народные вожди»). В качестве примера можно назвать рассказ молодого писателя Н. С. Тихонова (1896–1979) «Друг народа» (1926), посвящённый великому китайскому революционеру и политическому деятелю Сунь Ятсену [Тихонов, 1926]. Выражение «друг народа», использованное в качестве названия рассказа, в 1920-е гг. было устойчивым публицистическим шаблоном: так, например, называлась газета *L'Ami du peuple*, издававшаяся известным французским революционером Ж.-П. Маратом во время Великой французской революции (а также и сам её издатель); так в конце XIX – начале XX в. в российском обществе называли революционных народников и эсеров. Первая значительная работа В. И. Ленина, которую в то время уже активно изучали советские студенты, – «Что такое “друзья народа” и как они воюют против социал-демократов?».

Писатель Китай ни разу не посетил (его первая поездка в страну состоялась только в 1959 г. – в составе делегации Советского Комитета защиты мира) и соответственно не был знаком с китайской жизнью, поэтому при создании образов героев и описании ситуаций, представленных в его рассказе, он исходил из информации, опубликованной в газетах, журналах и книгах в 1920-е гг., – то есть из существовавшего в этот период в российской публицистике «китайского контекста». В числе предполагаемых источников его рассказа можно назвать опубликованные в СССР труды самого Сунь Ятсена [Сунь Ятсен, 1925], а также известную книгу В. Виленского-Сибирякова о жизни и деятельности великого китайского революционера [Виленский-Сибиряков, 1927].

В. Д. Виленский (1888–1942) – профессиональный революционер и разведчик, неоднократно бывавший в Китае в период с 1919 по 1922 гг., ученый и писатель, издававшийся под литературным псевдонимом «Сибиряков», стал первым советским исследователем этой страны. Он опубликовал множество научных и популярных книг по истории и современному состоянию Китая [Виленский-Сибиряков, 1923] и был одним из авторов известного «Обращения Советского правительства от 25 июля 1919 года к китайскому народу и к правительствам Северного и Южного Китая», связанного с развитием революционного движения в Китае.

Другим источником рассказа Н. Тихонова о Сунь Ятсене могла быть первая версия знаменитого очерка А. М. Горького «Владимир Ленин» (1824), а также некоторые другие произведения.

В таких обстоятельствах конкретные детали, при помощи которых создавались образы персонажей рассказа «Друг народа» (самого Сунь Ятсена, бедного китайского рыбака Тзе-Лу и его маленького сына, которому автором было дано условное имя «Ян-цзы», «антигероя» по имени Ма-Куай), отходили на второй план и заменялась типовыми ситуациями. Сюжет произведения был посвящён подпольной деятельности Сунь Ятсена, направленной на подготовку китайской революции, и его взаимодействию с представителями простого китайского народа – рыбаками. Самым интересным и оригинальным в рассказе было использование христианского подтекста (в целом необычного для описания Китая в русской литературе): «Сун-Ят-Сен, как Иисус Христос, готов отвечать добром на зло, именно своей готовностью к самопожертвованию он спасает “заблудшего” Тзе-лу <...> Н. С. Тихонов придал образу Сун-Ят-Сена черты Христа, тем самым продолжив горьковскую традицию в изображении революционера» [Ян Липин, 2020, с. 82].

В 1925–1928 гг. была издана целая серия небольших стихотворных детских книжек, в которых описывался или упоминался Китай и изображались китайские дети. Автором этих книг был известный в России в начале XX в. поэт и актёр Н. Я. Агнивцев (1888–1932), который после возвращения из непродолжительной эмиграции в Европу занимался преимущественно созданием произведений для детей. Среди его публикаций в 1920-е гг. работ – иллюстрированные детские стихотворные книги «Чашка чая» [Агнивцев, 1925б], «Китайская болтушка» [Агнивцев, 1925а], «О шестерых вот этих» [Агнивцев, 1926], «Рикша из Шанхая» [Агнивцев, 1927], «Разноцветные ребята» [Агнивцев, 1928], героями которых стали китайские дети.

Н. Агнивцев не ставил в своих произведениях каких-либо сложных художественных и познавательных задач (хотя и не избегал их намеренно), не стремился воспроизводить какие-либо специфические детали китайского быта (сам он, скорее всего, в Китае никогда не бывал). В доступной для детей форме, используя разные средства выразительности стиха, он воспроизводил уже знаковые для русской литературы образы – «Шанхай», «чай», «трудолюбивый китаец», «рикша» и другие (одним из примеров образа такого типа может служить китайская девочка Киу-Кайя¹).

Главным в этих небольших зарисовках оказывалось то, что они должны были пробудить у читателей – советских детей – интерес к жизни «простого человека» из Китая, вызвать сочувствие к борьбе китайского народа против угнетателей и к китайским детям.

В стихотворениях и небольших поэмах Н. Агнивцева, естественно, ставились определённые идеологические задачи: объяснение целей Коминтерна (уничтожение государственных границ и объединение детей всех национальностей; борьба против эксплуатация трудового народа и другие), однако «подача» их осуществлялась с несколько отстранённой и слегка ироничной позиции, занятой автором, которая помогала создать особый стиль произведений и избежать стереотипных шаблонов, связанных с Китаем. Так, в книжке «Рикша из Шанхая» описывался тяжелый труд «человека с лошадиной судьбой»:

<...> Подтянувши живот
 Круглый год –
 Напролёт
 Ногами своими
 Босыми –
 В галоп по Китаю –
 Катаю
 Во всю человечью прыть
 Всех
 Тех –
 Кому лень ходить!
 <...> И только тогда,
 Когда
 Внутри, как ведро в глубь колодца,
 Сердце на миг оборвется, <...>
 Я прошу разрешенья у седока
 На минуту
 К чему-нибудь там прислониться!..
 [Агнивцев, 1927, с. 4–6, 8–10].

¹ Отметим, что у Киу-Кайи было четверо котят, одного из которых звали «Ю-ю» – такое же, как и у отважного героя повести П. Бляхина. В контексте общей ироничной позиции автора такое совпадение может показаться не случайным.

Все издания детских книг Н. Агнивцева были красочно оформлены. Изображённые на картинках ситуации были довольно условными и нередко не соответствовали реалиям китайской жизни, однако иллюстрации и словесный текст органично сливались в сознании юных советских читателей в единый образ близкого народа дружественной страны.

Заключение

Произведения советской литературы, посвящённые Китаю, развивали идеи, заложенные в дореволюционной России, – о соотношении «западного» и «восточного» векторов развития России и о необходимости продуктивного взаимодействия русской культуры с китайской, выражали особый интерес к национальным особенностям культуры, способствовали конкретизации представлений об особенностях жизни китайского народа и др.

Некоторые тенденции детской советской литературы 1920-х гг. (в частности, обращение к теме Китая) продолжали развиваться и в дальнейшем, в начале 1930-х гг. (в частности, в плане конкретизации образов). Так, например, в 1931 г. писателем С. Третьяковым¹ (1892–1937) была опубликована адресованная подросткам книга «Детство Дэн Ши-хуа» [Третьяков, 1931], представлявшая предназначенный для детей вариант изданной им ранее книги «Дэн Ши-хуа: Био-интервью» [Третьяков, 1930], в котором описывались детство и юность главного героя.

Советская детская литература 1920-х гг. расширяла представления детей о жизни их сверстников в других странах, а также создавала их «обобщённо-поэтический» образ. В то же время читатели этих книг получали первичную информацию о жизни и быте китайского народа, его истории, об известных исторических деятелях этой страны, а всё это в совокупности поддерживало идею об особой близости «революционного пути» обеих стран, а также о необходимости всемерной (экономической, политической, моральной) помощи «братскому» китайскому народу со стороны России – Советского Союза.

Список литературы

- Агнивцев Н. Я. Китайская болтушка. Ленинград: Друзья детей, 1925. 15 с.
- Агнивцев Н. Я. О шестерых вот этих: сказка про Коминтерн. Ленинград: Книга, 1926. 14 с.
- Агнивцев Н. Я. Разноцветные ребята: стихи для детей. Ленинград: Радуга, 1928. 13 с.
- Агнивцев Н. Я. Рикша из Шанхая. Москва: Молодая гвардия, 1927. 16 с.
- Агнивцев Н. Я. Чашка чая. Москва; Ленинград: Радуга, 1925б. 13 с.
- Бляхин П. А. Красные дьяволята (Охота за голубой лисицей). Харьков: Молодой рабочий, 1923–1926. 84 с.
- Бляхин П. А. Красные дьяволята: Повесть. Москва; Ленинград: Земля и фабрика, [1927]. 228 с.
- Виленский-Сибиряков В. Д. Сунь-Ят-Сен. Отец китайской революции. 2-е изд. Москва: Государственное изд-во, 1924. 196 с.
- Виленский-Сибиряков В. Д. За великой китайской стеной (люди, быт и общественность). Москва: Девятое января, 1923. 107 с.
- Витте Н. С. Красные дьяволята или Охота за голубой лисицей: Пьеса в 6 д. по повести П. Бляхина. Свердловск: Уралкнига, 1926. 34 с.
- Кондаков Б. В., Красноярова А. А. Китайский текст и китайский контекст в русской литературе XIX века (к постановке проблемы) // Евразийский гуманитарный журнал. 2017. № 2. С. 123–128.
- Панов Н. Н. [Д. Туманный]. Дети черного дракона: приключенческий роман из жизни современного Китая: в 5 вып. / [соч.]. Москва: Рабочая Москва, 1925.

¹ С. М. Третьяков – публицист, переводчик, прозаик, поэт-футурист. В 1899–1922 и 1924–1925 гг. работал в Китае. Автор ряда публицистических произведений о Китае (повести «Чжунго», «Дэн Ши-хуа», пьеса «Рычи, Китай!»).

Пионер. 1927. № 7.

Сунь Ят Сен. Капиталистическое развитие Китая. Москва; Ленинград: Государственное изд-во, 1925. 264 с.

Тихонов Н. С. Друг народа. Москва; Ленинград: Государственное изд-во, 1926. 19 с.

Третьяков С. Детство Дэн Ши-хуа. Москва; Ленинград: Молодая гвардия, 1931. 232 с.

Третьяков С. Дэн Ши-хуа: Био-интервью. Москва: Молодая гвардия, 1930. 392 с.

Эрдберг О. Китайские новеллы. Москва: Молодая гвардия, 1929. 166 с.

Ян Липин. Революционный Китай в повести «Друг народа» Н. С. Тихонова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2020. Т. 13. Вып. 6. С. 79–83.

Tatyana D. Popkova

*Ph.D. (Philosophy), Associate Professor, Foreign Languages Department,
Shandong Women's University, China*

Boris V. Kondakov

*Ph.D. (Philology), Professor, Russian Literature Department,
Perm State University, Perm, Russia*

THE IMAGE OF CHINA IN RUSSIAN LITERATURE OF THE 1920^S

Children's literature is a special way of artistic representation of the world, which is characterized by the contamination of various genre and style forms, and reality is organically combined with fiction. This is a special artistic world in which a local space of the life of children is created, determined by a specific historical era. "Simple" plots of novellas and short stories set up the minds of the readers to actively participate in the destinies of the heroes; on their example, moral and ideals are affirmed that educate the younger generation. ... A similar approach was implemented in Soviet literature to promote official ideological guidelines, the most important of which were assistance in the implementation of the "socialist revolution" in other countries, "internationalism" and "international workers' solidarity." As an example of literature of this type, we can mention works about the life of children (including in other countries), created by Soviet writers. A special place in the literature of the 1920s. occupied by works that described China or portrayed Chinese heroes (including Chinese children), addressed to Soviet teenagers. China was viewed by Soviet ideologists not only as the closest neighbor, but also as the country that came closest to revolutionary processes. The ideological values of young Soviet Russia were illustrated by examples from the life of the Chinese people, which were supposed to help raise children in the spirit of patriotism, help them "fight for justice," foster respect for elders, high moral ideals and hard work. Such were the works of S. P. Razumova, P. A. Blyakhina, N. Ya. Agnivitseva, N. N. Panov [who wrote adventure stories under the pseudonym Dir Tumanny], NS. Tikhonov and others. In their works, they described the peculiarities of the life of the Chinese people, their "revolutionary struggle" against their own and foreign oppressors. Such prose and poetry was supposed to form a friendly, "international" attitude in the younger generation of the Soviet Union towards its closest neighbour – China, to create its generalized poetic image.

Keywords: children's literature, China, the Soviet Union, images of the Chinese, children.

УДК 821.161.1:94(81)

Чжан Юаньюань

Аспирант, кафедра русской литературы,
Пермский государственный национальный исследовательский университет,
614990, г. Пермь, ул. Букирева, д. 15, тел.: +7(342)2396374, e-mail: zuyjudith@qq.com

БРАЗИЛИЯ В ТВОРЧЕСТВЕ В. ПЕРЕЛЕШИНА

Литература русского зарубежья в XXI в. постоянно привлекает к себе внимание исследователей – историков, культурологов, литературоведов. Она содержит в себе уникальный опыт выживания в чужом культурном пространстве, опыт плодотворной межкультурной коммуникации, накопленный русскими людьми, заброшенными в разные страны. Валерий Перелешин – один из наиболее значительных поэтов «восточной ветви» русской эмиграции. В январе 1953 г. он переехал из Китая в Бразилию, где продолжилась его поэтическая и переводческая деятельность – как на русском, так и на португальском языке. В статье рассматриваются отношение поэта к Бразилии и воздействие жизненного пути на поэтическое творчество, а также другие особенности литературной деятельности В. Перелешина в бразильский период, исследуется образ Бразилии в его творчестве, анализируется его литературное новаторство и взаимодействие разных литературных традиций в его творчестве. Исследование литературной деятельности В. Перелешина, основанное на изучении событий биографии поэта, позволяет лучше понять, как трагические события XX в. преломились в персональном опыте, а также раскрыть специфику авторского сознания и особенности его поэтики. Анализ «бразильских стихов» В. Перелешина не позволяет сделать вывод о том, что в русской литературе существовал особый «бразильский текст»; наоборот, находясь в Бразилии, он продолжал создавать произведения, которые могут быть отнесены к «китайскому тексту».

Ключевые слова: В. Перелешин, «три родины», русская эмиграция, Бразилия, Китай, поэтическое творчество, новаторство.

Введение

Литература русского зарубежья в XXI в. постоянно привлекает к себе внимание исследователей – историков, культурологов, литературоведов. Она содержит в себе уникальный опыт выживания в чужом культурном пространстве, опыт плодотворной межкультурной коммуникации, накопленный русскими людьми, заброшенными в разные страны. «В последние десятилетия изучение русского зарубежья стало особым научным направлением культурологических и литературоведческих исследований. Среди них особое место занимает тема русского восточного зарубежья, история которого существенно отличалась от истории других его ответвлений и которое до сих пор изучено значительно хуже, чем его «западные» – европейская и американская – ветви» [Красноярова, Попкова, 2019, с. 34–35].

Литература русского восточного (прежде всего, китайского) зарубежья по выраженному в ней идейно-эмоциональному содержанию существенно отличалась и от западной русской эмигрантской литературы – энергичной, полной «вольности», стремящейся к использованию индивидуальных и инновационных форм, – и от идеологизированной «советской» литературы, выражавшей идеи социализма и коммунизма.

Находясь далеко от основных центров европейской культуры XX в., литература русского зарубежья в Китае обрела свой уникальный, почти незаметный со стороны «аромат». Она никогда не находилась в центре внимания литературной критики, не поражала читателей

броскостью и оригинальностью поэтического языка, но зато в ней выражалась скрытая красота окружающего мира, глубокие экзистенциальные размышления об эпохе и о месте российских эмигрантов в современном мире – и в этом своем качестве она удивительным образом соответствовала традициям древней восточной культуры и философии. Различия между «западной» и «восточной» ветвями литературы русского зарубежья XX в., с одной стороны, и советской литературой, с другой, вполне понятны как различия между тремя различными культурно-историческими типами, сложившимися в процессе исторической эволюции.

Последние годы исследователи русской литературы (и, в частности, литературы русского «восточного» зарубежья) предложили ввести понятие «китайский текст» для характеристики совокупности художественных произведений, в которых появляются изображение Китая, китайской цивилизации и образы представителей китайского народа [Кондаков, Красноярова, 2017]. «Китайский текст» русской литературы представляет единое художественное пространство, объединённое не только тематикой, но и поставленными проблемами, принципами организации поэтики.

Одним из наиболее ярких представителей литературы русского зарубежья – и создателей «китайского текста» литературы – является В. Перелешин. Жизненный путь В. Перелешина охватил Россию, Китай, Бразилию, а также несколько других стран и континентов. Последние годы своей жизни поэт провёл в Южном полушарии, в Бразилии. Его литературная деятельность, тесно связанная с необычным жизненным путём, осуществлялась не только на русском, но и на португальском языке; он проявил себя не только как поэт, но и как талантливый переводчик, работавший с литературой на трех языках, – русском, китайском и португальском.

Основная часть

Перелешин был рожден в 1913 г. в Иркутске, где будущий поэт провел детство (до семи лет). В 1920 г. его семья – вместе с другими русскими беженцами – переехала на восток, в китайский город Харбин, в котором он получил образование и стал поэтом. Затем судьба перенесла его в Пекин, а потом – в Шанхай, где он прожил до 1950 г. Как и многие русские, вынужденные уехать из СССР после Октябрьской революции, В. Перелешин отрицательно относился к насильственной революции и новой власти. Не принял он и образование Нового Китая, и после, в результате чего стал предпринимать усилия, направленные на то, чтобы вместе с матерью покинуть «ставший неизвестным» [Витковский, 2013] Китай и воссоединиться с братом в США.

В конце апреля 1950 г. В. Перелешин в первый раз попытался покинуть Китай, чтобы на пароходе уехать в США, а его мать, Евгения Сентянина, в это время оставалась в Тяньцзине. Однако, как только В. Перелешин прибыл в Сан-Франциско, сразу был арестован, поскольку его приняли за советского шпиона, из-за то, что в 1946–1947 гг. работал в отделе ТАСС в Шанхае и имел советский паспорт. 8 сентября того же года американские власти, придерживавшиеся принципов маккартизма, репатриировали В. Перелешина¹ обратно в Китай, поскольку сочли, что его пребывание в стране может угрожать государственным интересам Соединенных Штатов.

Вернувшись в Тяньцзинь, В. Перелешин снова начал преподавать русский язык, – на этот раз в Тяньцзиньской консерватории. Два года жизни в Китае прошли спокойно; за это время его брату Виктору, который давно эмигрировал в США, удалось помочь

¹ См. письмо В. Перелешина П. Лапикену от 23 июля 1975 г.: «Да, у Марианны Колосовой был советский паспорт (как и у меня: выбора тогда не было). <...> С советским паспортом я ездил в США, с ним же вернулся в Китай» [Перелешин, 2004].

В. Перелешину и их матери оформить иммиграционную визу в Бразилию. В сентябре 1952 г. В. Перелешин с матерью прибыли в Гонконг, где получили документы Международной организации беженцев, а через два месяца отправились в Бразилию.

В январе 1953 г. судьба привела поэта в Бразилию – страну, которая и стала его «третьей родиной». В. Перелешин вместе с матерью поселился в Рио-де-Жанейро, условия жизни в котором были крайне тяжелыми. Для того чтобы выжить, приходилось прилагать большие усилия: он работал продавцом магазина, рабочим на фабрике, учителем английского языка, библиотекарем. В 1958 г., спустя 5 лет после приезда, В. Перелешин наконец-то получил бразильское гражданство [Ли Мэн, 2007, с. 278]. Покинув «милый Китай», в котором навсегда осталась его юность, поэт, как он сам писал, стал «изгоем» [Перелешин, 1987, с. 114–115], скучая без «очаровательной природы» и близких ему людей. В течение этих лет В. Перелешин практически полностью потерял контакт со своими старыми друзьями и соотечественниками.

Почти 15 лет Перелешин жил только воспоминаниями о счастливом прошлом и тоской по своим «первой» и «второй» Родине. С другой стороны, несмотря на тяжелую работу, он непрерывно занимался переводом китайской классики на русский язык. «В. Перелешин в совершенстве изучил китайский язык и сумел глубоко проникнуть в культуру китайского народа, что позволяло ему не только переводить произведения с древнего оригинального текста (а не с подстрочника, как часто переводят с китайского языка), но и создавать культурологические комментарии к ним» [Красноярова, 2020, с. 12].

В своём послесловии к сборнику «Три родины» поэт отмечал: «Все три родины... – внутреннего голода не удовлетворили... Удовлетворение даёт и переводческая работа...» [Перелешин, 1987, с. 160]. Следует особо отметить, что до издания пятой книги стихотворений, получившей название «Южный дом» [Перелешин, 1968] (это оказался его первый поэтический сборник, изданный в «бразильский» период) в 1968 г. (то есть спустя 24 года после выхода предыдущего сборника), собственное литературное творчество В. Перелешина прекратилось, однако занятия переводом всё это время продолжались.

Годы, проведённые писателем вне «поэтической среды», способствовали тому, что существовавший у него ранее «интерес» к Китаю (представляющийся нам несколько поверхностным, ориентированным на стереотипные образы культуры) превратился в истинную глубокую любовь: человек часто осознает свои чувства только после того, как окончательно потеряет их объект. В. Перелешин хорошо понимал, что простился с Китаем навсегда, а вместе с этим – со всеми своими юношескими увлечениями и оставшимися там друзьями, о которых он не раз горестно вспоминал.

Такое состояние В. Перелешина продолжалось вплоть до 1967 г., когда его старый друг, участница харбинского литературного объединения «Чураевка», поэтесса Ю. В. Крузенштерн-Петерец протянула ему руку помощи, убедив вернуться к литературному творчеству и оказав содействие в взаимодействии с издательствами, после чего начался новый период подъёма его литературного творчества и деятельности как поэта.

Встреча с Ю. В. Крузенштерн-Петерец способствовала тому, что В. Перелешин возобновил активную переписку со старыми друзьями, поэтами и критиками, – такими, как Л. Хаиндрова, Ю. Иваск, П. Лапикен, а также с новым другом – литературоведом, поэтом и писателем-фантастом Евгением Владимировичем Витковским, который жил в Советском Союзе и которому он посвятил сборник «Ариэль» [Перелешин, 1976], а также опубликовал ряд статей и репортажей в прессе русского зарубежья («Russian Language Journal. Русский язык», «Мосты», «Новый журнал», «Грани», «Современник», «Континент», «Русская мысль», «Новое Русское Слово», «Единение» и другие) [Жебит, 2013, с. 55–61].

Бразильский период творчества В. Перелешина – в отличие от китайского периода, который исследован во множестве статей и монографий, изучен достаточно плохо. В монографии Ли Мэн, посвящённой творчеству писателя, основное внимание обращено на китайский период деятельности поэта, а о последующих 40 годах, проведенных в Бразилии, даётся лишь краткое диахроническое изложение событий [Ли Мэн, 2007, с. 277–283]. Более подробное описание этого этапа содержится в книге О. Бакич «Valerii Pereleshin: life of a silkworm», имеется 7 глав, посвящённых бразильскому периоду (в то время, как китайский период описывается в 6 главах) [Bakich, 2015]. Бразильский период жизни писателя описан в воспоминаниях Е. Витковского («На память о русском Китае», «Апостериори. Записки Ариэля») [Витковский, 2013], а также в статьях А. Жебита [Жебит, 2013] и опубликованной переписке поэта с критиками и друзьями (Ю. Иваском, П. Лапикеном, А. Раннитом и некоторыми другими) [Перелешин, 2004]. Однако эти издания «не закрывают» исследования творчества В. Перелешина в бразильский период.

В Бразилии В. Перелешин вновь стал активно публиковать свои произведения, и в печати одна за другой стали появляться новые книги стихов, изданные в Европе, – «Южный дом» (1968) [Перелешин, 1968], «Качель» (1971) [Перелешин, 1971], «Заповедник» (1972) [Перелешин, 1972], «С горы Нево» (1975) [Перелешин, 1975], «Ариэль» (1976) [Перелешин, 1976], «Три родины» (1987) [Перелешин, 1987], «Изъ глубины воззвахь...» (1987) [Перелешин, 1987], а также новые издания выполненных ранее переводов китайской классики (произведений Ли Бо, Ду Фу, Лу Ю и других выдающихся поэтов) – «Стихи на веере» (1970) [Перелешин, 1970], «Ли Сао» [Цюй Юань, 1975], «Тень на занавеске». Был издан и важнейший для китайской культуры трактат «Дао Дэ Цзин», впервые переведённый на русский язык в форме стиха, который, благодаря усилиям российского синоведа доктора исторических наук Г. В. Мелихова, был издан в 1990 г. в журнале «Проблемы Дальнего Востока» [Дао Дэ Цзин, 1990].

«Дао Дэ Цзин» в поэтическом переводе В. Перелешина впервые был опубликован в 1990 г. в третьем номере журнала «Проблемы Дальнего Востока», издаваемого Дальневосточным научно-исследовательским институтом Академии наук. Перевод, завершённый В. Перелешиним в 1971 г. в Рио-де-Жанейро, признаётся одним из самых удачных опытов перевода такого произведения, в котором философские раздумья двух народов органично сочетались с поэтичностью и одновременно сохраняли целостность философской мысли и ритмическую красоту трактата «Дао Дэ Цзин». Современные исследователи отмечают: «В. Перелешин, активно занимавшийся переложением на русский язык традиционной китайской поэзии (и имевший многочисленных русских и китайских учеников), используя принципы русской поэзии начала XX в., перевёл сложнейшую поэму Цюй Юаня “Ли Сао” и философский трактат “Дао Дэ Цзин”» [Красноярова, Попкова, Кондаков, 2019].

Наиболее плодотворным периодом творчества в Бразилии стали 1972–1974 гг., когда поэт завершил сборник «Ариэль» и написал основную часть сборника «Изъ глубины воззвахь...». Именно тогда В. Перелешин в стихотворении «Изгой» (1973) сформулировал очень важную для понимания его творчества мысль: «Китай – любовь, Бразилия – свобода» (стихотворение из сборника «С горы Нево») [Перелешин, 2018, с. 291]. В Бразилии он наконец смог полностью посвятить себя любимому делу – поэтическому творчеству и переводу с китайского языка на русский. В дальнейшем сфера его деятельности продолжала расширяться, включив перевод с английского, португальского, французского, латинского и испанского языков, что отразилось в содержании сборника «Южный Крест» (1977) [Перелешин, 1977]. Поэт даже начал сочинять стихи на португальском языке, результатом чего стал сборник стихов “Nos odres velhos” («В ветхих мехах»), изданный в 1983 г. [Pereliechin, 1983].

Первый сборник бразильского периода «Южный дом», связанный с «китайской» тематикой, был издан в Мюнхене в 1968 г. [Перелешин, 1968]. Почти все стихотворения, опубликованные в этой книге (кроме стихотворения «Издалека» и перевода стихотворения Лу Синя «Из слышанного»¹), были написаны В. Перелешиним ещё до отъезда из Китая: «Последний лотос» (1943), «Заблудившийся аргонавт» (1947), «Южный ветер» (1948), «Красные листья под инеем» (1947), «Хусиньтин» (1951) и другие.

Произведения, созданные в лучший «китайский» период творчества, вошли и последующие сборники, опубликованные за рубежом в 1970-е гг. В шестую книгу стихотворений, получившую название «Качель» [Перелешин, 1971], изданную в Франкфурте-на-Майне в 1971 г., вошли 23 произведения, которые были созданы в Китае, – в том числе венок сонетов «Крестный путь» (1945–1946) и «Поэма о мироздании» (1944)². В седьмую книгу стихотворений, названную «Заповедник» [Перелешин, 1972], были включены 12 произведений «китайского» периода. В дальнейшем количество переиздаваемых произведений, связанных с Китаем, стало уменьшаться: в восьмую книгу стихотворений «С горы Нево» [Перелешин, 1975] вошло уже только стихотворение «Карусель» (1944); в одиннадцатую книгу «Изъ глубины возвахь...» [Перелешин, 1987] – также одно – «Святая Тереза» (1936). Большинство из этих произведений было написано в Шанхае в 1940-е гг.

Согласно статистическим подсчётам издательства «Престиж Бук», опубликовавшем в 2018 г. антологию стихов В. Перелешина «Три родины: Стихотворения и поэмы», «за исключением детских и юношеских стихотворений, оригинальное поэтическое наследие Валерия Перелешина за 60 лет творческой деятельности насчитывает свыше 2000 произведений». <...> В 13 авторских сборников вошло 627 произведений (14-й составлен из стихотворений китайского периода, вошедших в предыдущие сборники) <...> Из произведений, не вошедших в сборники, более 400 появилось в различных периодических изданиях и альманахах при жизни автора и посмертно. Таким образом, почти половина произведений до сего дня оставалась неопубликованной» [Перелешин, 2018, с. 556].

В мае 1953 г. – в первую годовщину со дня прибытия в новый «южный дом» – В. Перелешин написал стихотворение «Издалека» [Перелешин, 1968], в котором выразились бесконечная тоска по китайской жизни и оставшимся в Китае близким людям: «Это сердце мое возвращается к милым пределам, / Чтобы нам умереть, где так жадно любило оно» [Перелешин, 1968, с. 38–39].

Через полтора месяца – после восхождения на вершину горы Корковадо, где расположена 38-метровая статуя Христа-Искупителя – настроение поэта изменилось, и он вновь обрёл внутреннее спокойствие: «О радостях и о печалях / Здесь не напомнит мне ничто» [Перелешин, 1971, с. 47]. Эти строки напоминали стихотворение «Вид на Пекин из Би-юнь-сы»³ (1943), в котором поэт описал восхождение на вершину горы, возвышающейся над городом Пекином, где лирический герой сердцем ощутил величие природы: «Так высоко, что умолкает слава / И только ветра слышен вечный зов» [Перелешин, 2018, с. 120].

Оказавшись на вершине горы в Бразилии, поэт устремляет свой взор в необозримую даль (кстати, именно такая позиция автора-«обозревателя» была характерна для китайской

¹ Оригинал стихотворения Лу Синя «Из слышанного», записанный для В. Перелешина его хорошим знакомым – великим китайским переводчиком, сотрудником ТАСС в Шанхае Гэ Баоцюанем, которое в настоящее время хранится в Лейденском архиве [Hinrichs, 1997, p. 101].

² В статье сохранено написание слова «мир» и производных от него слов в значении «вселенная» по правилам старой (дореволюционной) орфографии – в соответствии с требованием самого В. Перелешина, сформулированного им при издании поздних сборников.

³ Биюньсы [碧云寺] – храм Лазурных Облаков, расположенный в пригороде Пекина.

классической поэзии), и это вызывает в его душе возвышенные переживания. В стихотворении «Вид на Пекин из Би-юнь-сы» поэт описывал необъятный простор, в котором лирический герой ощущает собственную ничтожность и беспомощность. В Бразилии герой – в отличие от «путника давнего и бездомного», просящего «вздохнуть и упокоиться навек» – «как голубь» в «храме Лазурных Облаков», где нет «ни лавров, ни литавр» [там же], – ощущает, что теперь Бог находится *рядом* с ним: «...О мире маленьком и низком / Я, близкий, помолюсь Христу» [Перелешин, 1971, с. 47]. Сравнивая эти две позиции, мы видим, что китайские впечатления продолжали жить в сердце поэта и вызывали у него печальные размышления о его горькой участи бесприютного скитальца, однако во втором стихотворении многое уже изменилось.

Слово «мир» – одно из наиболее часто встречающихся в творчестве В. Перелешина. В соответствии с правилами старой (дореволюционной) российской орфографии оно могло писаться двояко: как «миръ» (в значениях «отсутствие войны», «покой», «тишина» – то есть противоположность войне) и «міръ» (в значениях «Вселенная», «Земля», а также «общество»). Большинство российских эмигрантов не приняло правила «советской» орфографии, однако у В. Перелешина на это имелись свои причины. Объясняя свой выбор старой орфографии, он отмечал: «Я вынужден писать “міръ” или “мир”, смотря по смыслу. Иначе слово мир станет запретным, как лишённое определённого содержания» (письмо П. Лапикену от 14-го апреля 1975 г.) [Перелешин, 2004]. С точки зрения В. Перелешина, «вселенная» – не «мир», а «міръ»; по его словам, «мировыми бывают судьи, литература – міровая» (письмо П. Лапикену от 9 марта 1975 г.) [там же]. «Неуступчивость» писателя по отношению к написанию данного слова объясняется тем, что для его творчества разграничение значений («тишина», «покой» – с одной стороны, и «Вселенная», «общество» – с другой) было чрезвычайно важным, и поэтому при издании своих произведений он настаивал на чётком различии «печатания» двух слов; важность этого не всегда понималась многими критиками. Особенно интересной представляется приведённое выше высказывание В. Перелешина о гипотетической «запретности» определённых значений слова, косвенно подтверждаемая позицией критиков.

Другой отличительной особенностью поэтического творчества В. Перелешина на протяжении бразильского периода, является новаторство в области *стиховой формы*. Интерес к экспериментам в области формы был характерен для поэта ещё в молодости, однако в его «позднем» творчестве он раскрылся уже более широко.

Так, например, в сборник «Заповедник» [Перелешин, 1972] был включён сонет «Ангельский язык» [там же, с. 11], посвящённый эстонскому поэту, искусствоведа и критику Алексису Ранниту. Этот сонет отличается отсутствием шипящих, что может быть объяснено отсутствием этих звуков в эстонском языке. В дальнейшем сам В. Перелешин дал положительную оценку своему новаторству: «Опыт был полезнейший, доказавший мне самому, что по-русски можно писать и без шипящих...» (письмо В. Перелешина Е. Витковскому от 27 марта) 1972 г. [Перелешин, 2018, с. 571].

В качестве другого примера новаторства в технике стихосложения может быть приведено особое использование *антитезы*. В сонете «Национализация» (не включённом в книгу «Ариэль»), в девятой-одиннадцатой строках читаем: «Борьбой за численность увлечена упорной, / Подростка бледного разыщет и в уборной / Неутомимая¹ заботливая власть». Сам В. Перелешин объяснял свой принцип необходимостью «сознательно определять предмет не тем прилагательным, которое к нему логически может относиться, а тем, которое к нему никак не относится, а скорее относится к противоположному понятию» (письмо В. Перелешина П. Лапикену от 18 марта 1975 г.) [Перелешин, 2004].

¹ В дальнейшем, следуя совету П. Лапикена, В. Перелешин заменил слово «неутомимая» на слово «неумолимая».

Для поэтического творчества В. Перелешина было характерно постоянное стремление к языковому разнообразию в его произведениях. Поэт, владевший многими языками, создал ряд неординарных произведений, используя «вставки» в их тексты из других языков. Так, в стихотворение «Песенка» (1954) [Перелешин, 2018, с. 415] была включена строка из известной португальской песни «A rébola nas ondas da maré» («Жемчужина в волнах прилива»); в стихотворение «Сон» (1980) [Перелешин, 2018, с. 462] были вставлены фрагмент первой строки эпической поэмы Адама Мицкевича «Пан Тадеуш» (1834): «O Litwo, ojczyzno moja!» («О Литва, родина моя!») и упоминание повести польского писателя Тадеуша Доленга-Мостовича «Doktor Murek zredukowany» («Уволенный пан¹ Мурек»). Следует также отметить, что судьбы некоторых писателей, высказывания которых цитировал В. Перелешин, могли в каком-то аспекте напоминать и его собственную судьбу (например, А. Мицкевича, вынужденного жить в изгнании и вернувшегося на родину только через много лет после смерти – своим творчеством², или Т. Доленг-Мостович – польский писатель-патриот, преследуемый властями и погибший при невыясненных обстоятельствах).

Поскольку В. Перелешин прекрасно знал латинский язык, это также выразилось в его творчестве, – например, в стихотворении «Memento visionem» («Помни о видении») [Перелешин, 2018, с. 486], написанном в 1986 г., где помимо латинского названия, соотносившегося в культурном сознании российской интеллигенции, с рядом аналогичных высказываний, широко использовавшихся писателями, – *memento mori* (помни о смерти): *memento patriam* (помни о Родине), *memento servitudinem* (помни о рабстве), *memento vivere* (помни, что нужно жить), использовалось известное из библейской Книги пророка Даниила высказывание «Менё – текёл – упарсин», указывающее на неизбежность Божьего воздаяния.

Подобные иноязычные вставки не только были обусловлены «поликультурной ситуацией», в которой находился автор этих строк (как и другие писатели русского зарубежья), но и индивидуальными особенностями поэтической манеры В. Перелешина, стремившегося максимально разнообразить свой поэтический стиль.

В 1970-е гг. В. Перелешин продолжал поиск новых художественных форм. В этот период любимым жанром его творчества стал *сонет* – сложный и изысканный жанр, берущий начало в поэзии итальянского Возрождения³, «осмысливавшийся» писателем как способ «проверки» собственной поэтической техники.

Среди сонетов, созданных В. Перелешиним, наиболее высоким художественным уровнем отличались сонеты, включенные в сборник «Ариэль» [Перелешин, 1976]. В. В. Вейдле – известный историк, литературовед и культуролог русского зарубежья, мнение которого очень высоко ценил В. Перелешин, считал «Ариэль» наиболее зрелой из всех его книг. Сборник «Ариэль» открывался сонетом «Акростих» [там же, с. 9], в котором из первых букв строчек складывалось имя «Женя Витковский» (которому и был посвящён этот сборник), а завершался «венком сонетов» под названием «Звено», заключительный сонет которого «Магистрал» [там же, с. 179], также являвшийся акростихом, содержал то же имя.

Одной из особенностей книги «Ариэль» являлось оригинальное использование цезуры. Традиционная метрика русского сонета предполагала обращение к пятистопному ямбу – каким, например, был написан знаменитый «Сонет» А. Пушкина («Суровый Дант не презирал сонета; / В нем жар любви Петрарка изливал»). Тенденция постановки цезуры после второй стопы, отмеченная уже у А. Пушкина, была развита В. Перелешиним, который

¹ Здесь В. Перелешин заменил слово «Doktor» на слово «Pan».

² Прах А. Мицкевича был перезахоронен в Кракове в 1890 г.

³ В. Перелешин чаще всего обращался к форме *итальянского* сонета, восходящего к традиции Петрарки, творчество которого он хорошо знал и любил.

использовал цезуру не только с целью создания определённого эстетического эффекта, но и для усиления содержащегося в стихе эмоционального заряда и для создания определённого логического ритма (в частности, для выделения ключевых слов с акцентированными логическими ударениями перед цезурой).

Приведём пример из сонета «Далекому», написанного в сентябре 1972 г.:

А в дальности. Но счастлив я и тих:

Ведь дух один задуман на двоих,

В телесности не ищущий подпорок

[Перелешин, 1976, с. 18].

Пятистопный ямб с цезурой после второй стопы обеспечивал стиху чёткий ритм и музыкальность, что и стало одной из главных особенностей сонетов В. Перелешина.

Биографической основой лирического сюжета книги «Ариэль» являлась страстная любовь лирического героя к Евгению Витковскому (которого, кстати, он лично никогда не видел):

Двум ветровым, влюблённым Ариэлям

Дано творить в безгрешной высоте,

А ниже – мы: горим и с ними делим

Чудесный дар зачатъ в красоте.

(«Мы», 24 июня 1972 г.)

[там же, с. 11].

Освобождение от психологического комплекса «грешника», происшедшее с В. Перелешиним в Бразилии, вызывало суровую критику со стороны некоторых «любителей чистой поэзии» (например, С. А. Карлинского [Karlinsky 1977]¹). Но на этот раз – в отличие от «китайского» периода, во время которого также постоянно раздавались аналогичные упреки, – писатель дал иронический комментарий по поводу таких упреков: «Если воспеается «нормальная» любовь (он, она, ночь, луна), то все в порядке, муза остается благонаправной. Над этим “благонаправием” я здорово издеваюсь» (письмо В. Перелешина П. Лапикену от 18 марта 1975 г.) [Перелешин, 2004].

В 1987 г. В. Перелешин издал в Париже двенадцатую книгу стихотворений, получившую символическое название «Три Родины» [Перелешин, 1987] (с момента издания его первой книги стихотворений «В пути» в Харбине прошло ровно полвека). В нём не только содержалось краткое описание скитаний писателя, но и концептуально рассматривался его творческий путь. В этот сборник вошли некоторые опубликованные ранее стихотворения, а также новые произведения, созданные уже в Бразилии.

«Три Родины» – это, прежде всего, Россия – место рождения поэта; вторая родина – Китай – страна, в котором он провёл молодые годы, повзрослел, обрёл любовь и творческую самостоятельность; третья родина – Бразилии, давшая ему очередное убежище, новый творческий импульс, свободу, принеся ему примирение с самим собой.

Центральное произведение поэтической книги – стихотворение «Три Родины», давшее название всему сборнику, – было создано в 1971 г., а опубликовано в 1974 г., в 8-ой книге «С горы Нево» [Перелешин, 1974]. Две последние строфы были посвящены Бразилии, ставшей «третьей родиной» поэта:

¹ В письме В. Перелешина от 6 апреля 1978 г., адресованном Е. Витковскому, написано: «...О статье “Скрытый шедевр” С. А. Карлинского я вам писал (и статью посылал). Статья на шести неполных страницах журнала “Улица Христофора” (gay) есть в ней ссылки на Георгия Шувалова (вероятно, Геннадия Шмакова. – Ю.Ю.), но не в этом дело, а в том, что о моем Ариэле С.А.К. написал опрометчиво, сделав из него левшу, в чем я далеко не уверен. Спорить уже поздно: статья напечатана. Другая копия послана дяде Р.А. а получена ли?» [Витковский, 2013, с. 3–34]. «Левша» – постоянный эвфемизм В. Перелешина (и не только его), используемый для обозначения отклонения от сексуальной ориентации (то есть синоним современного слова «гей»).

ТРИ РОДИНЫ

Родился я у быстроводной
неукротимой Ангары
в июле, – месяц нехолодный,
но не запомнил я жары.
Со мной недолго дочь Байкала
резвилась, будто со щенком:
сначала грубо приласкала,
потом отбросила пинком.
И я, долгот не различая,
но зоркий к яркости обнов,
упал в страну шелков и чая,
и лотосов, и вееров.
Пленённый речью односложной
(Не так ли ангелы в раю?..)
любовью полюбил несложной
Вторую родину мою.
Казалось бы, судьба простая:
то упоенье, то беда,
но был я прогнан из Китая,
как из России – навсегда.
Изгой, но больше не забитый,
я отдаю остаток дней
Бразилии незнаменитой,
последней родине моей.
Здесь воздух густ, почти телесен,
и в нем, вращая в колдовство,
замрут обрывки давних песен,
не значащие ничего.
[Перелешин, 1975, с. 60–61].

Бразилия стала для В. Перелешина чудесным раем, в котором не было цензуры, отсутствовала критика, связанная с его личной жизнью, не возникало осуждение со стороны знакомых и где поэт мог откровенно, без стыда выражать себя, свои чувства и эмоции. Бедный скиталец перестал находиться в бурном конфликте с самим собой.

В стихотворении «Бразилия» раскрывалась тема «третьей родины»: поэт, описывая красоту своеобразной южной природы, ласково называл её «Страной моей Травией», «Землей моей Цветией». Привлекал его и уникальный «праздничный» темперамент «вольного» народа, его весёлая музыка, задорные песни и танцы: «Бразилия звонкая, / свирель первозданная, / Жалейка ты тонкая, / Возня барабанная» [Перелешин, 1972, с. 28], что позволяло сделать вывод о том, что это «рай на земле». Многолетние скитания на чужой земле обернулись обретением смелости выразить себя, уникальным вдохновением и утверждением духовных основ, помогавших сохранить свою культуру.

Развивая в своём творчестве «бразильскую тему», В. Перелешин перевёл на русский язык некоторые произведения бразильской лирики (например, «Откровение» Педро де Мело, «Песня» Сесилия Мейрелес, «На мотивы пашала» Жоакин Кардозо, «Мариза», «Хвала Гафизу» и «Завещание» Мануэла Бандейра, «Португальский язык» и «Бразильская музыка» О. Билак и другие) и опубликовал их в сборниках «Южный крест» [Перелешин, 1978] и «Nos Odres Velhos»

(«В ветхие мехи») [Перелешин, 1983]. В дальнейшем, уже в 1984 г., поэт – в соавторстве с бразильским переводчиком поэзии У. М. Пассосом – выпустил в переводе на португальский язык книгу «Os Canticos de Alexandria» («Александрийские песни» М. Кузмина).

В стихотворении «В Бразилии» (1980) выразилось ласковое отношение поэта к стране, ставшей его «третьей родиной» («...Мне новый мир засверкал...», «...Столько улыбок, / На каждом крыльце друзья» [Перелешин, 1987, с. 153]), а в стихотворении «В Рио де Жанейро» (1974) поэт интерпретировал жизнь в Бразилии как «прекрасную» – о какой может только мечтать любой человек, приезжающий из северной холодной страны: «И мы впитали соль морей / и солнцем ласковым прогрелись, / и отдаются нам щедрей / стихи Сесилии Мейрелес» [там же, с. 137].

Находясь в Бразилии и погружаясь в её своеобразную культуру, В. Перелешин написал множество сонетов в честь «дорогого Жени»¹ в «Ариэль», а также признал свой сексуальный выбор. Поэт продолжил свои размышления о вечной теме Бога и веры в «Из глубины возвахъ» [там же] и рассуждал о церковной власти (на материале деятельности Русской Православной Церкви в Китае).

Помимо собственного поэтического творчества и переводов, В. Перелешин занимался воссозданием истории (в частности, литературной истории) русской диаспоры в Китае в первой половине XX в. В то же время он продолжал внимательно наблюдать и за событиями, происходившими в Китае: в частности, он высказывал своё мнение о некоторых харбинских литературных деятелях.

В 1989 г. вышла в свет стихотворная автобиографическая книга «Поэма без предмета» [Перелешин, 1989] (здесь напрашивается параллель со знаменитой «Поэмой без героя» А. Ахматовой – одного из центральных произведений русской литературы середины XX в.), созданная в конце 1970-х гг. В ней писатель выразил негодование по поводу вторжения Японии в Китай и обрушивался с упреками на предательство руководителей китайского Гоминьдана. В данной поэме, состоящей из 8 400 строк (8 глав, в каждой из которых содержалось по 75 строф плюс примечания), писатель впервые откровенно изложил свои взгляды на внутреннюю и внешнюю политику Китая в первой половине XX в., описал тяжкие преступления, совершённые японцами в Китае, очевидцем которых он оказался, раскрыл суть конфликта между Гоминьданом и Коммунистической партией, а также осудил предательство Чан Кайши и Ван Цзинвэя² по отношению к китайской нации.

Словесные формы, использованные в этом произведении, можно называть «стилистически раскрепощёнными». Например, в «Песне 8» поэмы, подражая стилю М. Волина³, для которого были характерны избыточные повторы и кольцевые конструкции, В. Перелешин иронически писал:

Шнурком ты грудь перевязала,
шнурком перевязала грудь:
наш путь не новый – до вокзала,
наш до вокзала старый путь.
Плывет поэма, как трирема,
плывет трирема, как поэма,
луна – большой бокал вина,
большой бокал вина – луна.

¹ Так В. Перелешин обращался в письмах к Е. В. Витковскому.

² Чан Кайши и Ван Цзинвэй – руководители китайской партии Гоминьдан в 1930–1940-е гг.

³ Поэт-эмигрант Михаил Николаевич Володченко (творческий псевдоним – Михаил Волин), участник харбинской «Чураевки», был гомофобом. Между ним и В. Перелешиним сложилось плохое отношение. М. Волин, в частности, обещал В. Перелешину и его матери помочь с доставкой визы США, для чего взял у них большую сумму денег, однако помощи так и не оказал.

<...>

И, если это не сонет,
то, значит, Миша не поэт!
(Песня 8, X)

Для того чтобы глубоко раскрыть истинную историю русской поэзии Китая, В. Перелешин ввёл в «Поэму без предмета» множество китайских слов. Приведём пример из «Песни 4»:

... Не на коне, не на кобыле,
а на скрипучем «сань лунь-чэ»
въезжаю – варвар бледнолицый –
и встречен Северной столицей,
хотя другие города
соперничали с ней тогда <...>.
(Песня 4, VII) [Перелешин, 1989].

В этом фрагменте слово «сань лунь-чэ» [三轮车] означает «велорикшу» (трёхколесный велосипед, используемый для перевозки людей). Использование подобной китайской лексики, разнообразных «фонетических имитаций» китайского языка и стилизованных картинок на восточные темы обогащало рифмы и «аккомпанировало» развитию сюжета. Сюжетная структура поэмы формировалась вокруг не только литературной (творческой), но и любовной биографии автора. Шестая и Седьмая песни «Поэмы без предмета» были посвящены его главному любовнику Лю Сину, который «вывел» поэта из замкнутого мира русских эмигрантов в привлекательный мир восточных древностей. Главное содержание этих глав – описание экскурсий по местам, сохранявшим историю Древнего Китая: городу Ханчжоу, старинных монастырей, расположенных на Западных холмах (Си-шань) в окрестностях Ханчжоу и других [Перелешин, 1989].

В глубине души В. Перелешин понимал, что его поэтическое творчество является не только «верным другом», который всегда находится рядом с ним – независимо от перемен во внешних обстоятельствах, – но и главным *содержанием* и основным *результатом* его жизни. В декабре 1967 г. В. Перелешин написал стихотворение с символическим названием (соотнесённым с китайской культурой) «Шелковичный червь», адресованное Ю. Крузенштерн [Перелешин 1972], в котором сравнивал себя с «червём», а строки, родившиеся под его пером, – с «шёлковой нитью»:

Паутину нежную, клейкую,
материал отличный,
извиваясь невидной змейкою,
производит червь шелковичный
из себя самого
(Больше нет ничего).
Те же клейкие строки, поводы
для чуждых раздумий,
создаю, на тризну, на проводы
с каждым годом идя утрюмей,
из себя самого
(Больше нет ничего)
[Перелешин, 1972, с. 60].

Словосочетание «из себя самого», несколько раз повторяющееся в стихотворении, указывало на органичную связь творчества с внутренними переживаниями поэта. «Шёлковая нить», созданная В. Перелешиним, несомненно, отличалась и «в количественном, и в

качественном отношении», чем сам поэт очень гордился: «<...> “Завоевал” я для русской музыки Китай и Бразилию, как переводчик и как эмигрант» (письмо В. Перелешина И. В. Чиннову от 30 октября 1980 г.).

В опубликованной в 1987 г. прозаической книге мемуаров «Два полустанка» [Перелешин, 1987] (под «полустанками» имелись в виду Харбин и Шанхай) В. Перелешин написал комментарии, относящиеся к поэме «Поэме без предмета» [Перелешин, 1989], содержащие важные пояснения и уточнения, органично дополнявшие поэму. Особо следует отметить, что в прозаических мемуарах писатель был значительно осторожнее в изложении исторических фактов (точно называя их даты и источники той или иной информации), а также в *оценке* исторических событий и деятелей. Укажем также на то, что большая часть обеих мемуарных книг была посвящена *китайскому* периоду жизни писателя, который, как можно предположить, оставил наиболее яркий след в его жизни. И это позволяет сделать вывод о том, что в бразильский период жизни В. Перелешина притягательность Китая не уменьшилась.

В. Перелешин не забывал и о матери-родине – России. В мае 1973 г. он написал обращённое в будущее стихотворение, которое получило знаменательное название «В 2040-м году»: «Отверженный, заранее утешен, / Грядущее предвижу торжество: / Московский том «Валерий Перелешин» [Перелешин, 1975, с. 68]. По словам Е. В. Витковского, «Перелешин считал, что советской власти придёт конец к 2040 году» и мечтал о возвращении России к свободной жизни [Витковский, 2013; Витковский, 2020].

Интересен выбор 2040 г. в качестве времени возвращения России к свободе. Поскольку В. Перелешин был хорошо знаком с китайской культурой, можно предположить, основанными на изучении астрологических событий, что это было обусловлено некоторыми древними китайскими пророчествами, которые гласили, что в этом году Китай вступит в период больших перемен. В самой точной книге пророчеств Древнего Китая «Туэй Бэй Ту» [《推背图》], автором которых были великие китайские пророки Юань Тянган [袁天罡] и Ли Чуньфэн [李淳风], с которой В. Перелешин мог быть хорошо знаком, предсказывались великие изменения в стране, имеющие огромное позитивное значение для всего мира. Косвенным доказательством истинности этого пророчества можно считать то, что в 1990-х гг. на стоянке Ния в уезде Минфэн (автономный район Синьцзян) была найдена «парчовая броня» из древней области Шу, созданная в период династии Хань, на которой было вышито восемь иероглифов, составлявших фразу: «Пять звезд идут с Востока и приносят пользу Китаю» (а события, происшедшие в «срединном государстве» – Китае, – должны неизбежно повлиять на весь мир, в том числе – в первую очередь – на ближайшего соседа – Россию). К тому же, согласно традиционному китайскому календарю, 2040 г. находится одновременно под покровительством двух «металлических стихий» (металл – официальная стихия данного года, а это год Обезьяны, стихией которой также является металл), в результате чего металл многократно усиливает свои позитивные качества, а это должно благоприятно сказаться на особенностях времени, которое в этих условиях существенно увеличивает возможности как отдельного человека, так и целых народов, что содействует обретению ими индивидуальности и независимости.

Однако, несмотря на «ласку Бразилии» и «проклятья» родины, лирический герой не может забыть Россию, её «двойные рамы», снега, морозы и тайгу и пишет: «Здесь ласка, а там проклятья / Но близится жизнь к концу: / Пора возвратиться, братья, / К недоброму отцу» («В Бразилии») [Перелешин, 1987, 153–154]. В стихотворении «В Рио де Жанейро» (1974) поэт также напоминает о родном языке и культуре: «Ещё мы любим дальних дев / и помним пушкинские ямбы, / а ноги, будто обалдев, / уже выплясывают самбы» [Перелешин, 1987, с. 137].

Сопоставления Бразилии с Россией и тоска по России выражаются и в других стихотворениях – «Бразильская весна» (1971), «Письмо в Россию» (1972), «Колокольный звон из России» (1972), «Родина» (1971), «Емшан» (1972), «По глобусу» (1972) и т. д.

Нетрудно заметить, что все эти ностальгические произведения были созданы в 1970-е гг. – период, когда В. Перелешин был страстно влюблен в «московского Женю». Однако и сама «платоническая» (в данном случае) любовь была вызвана необходимостью общения – на склоне лет, после нескольких десятилетий скитаний в чужих землях – с «понимающей» родной душой на *русском* языке, и такое общение стало источником вдохновения, приносящего обильные творческие результаты.

Внутренней опорой для В. Перелешина всегда была его мать – Евгения Сентянина. Поэтому смерть матери от рака желудка в сентябре 1980 г. опустошила поэта. В письме И. В. Чиннову он отметил, что разлука с матерью унесла «единственный смысл моей жизни: я ведь и стихи для неё писал» (письмо В. Перелешина И. В. Чиннову от 30 октября 1980 г.).

Последнее десятилетие своей жизни В. Перелешин существовал в одиночестве. Сочинять собственные стихи он был уже не в силах, однако его поддерживала переписка с друзьями и совместная работа с Марией Визи над составлением антологии произведений дальневосточных поэтов, с которыми он начинал свой творческий путь. К тому времени почти все его старые друзья уже простились с миром, и В. Перелешин считал, что обязан взять на себя ответственность за сохранение трудов его друзей. Несмотря на то, что он так и не успел завершить работу над антологией, деятельность его и Марией Визи в сфере подготовки издания русской поэзии оказалась достаточно значимой и предварила последующие издания.

Заключение

Жизненный путь В. Перелешина был связан со скитаниями. Его творчество являлось не только свидетельством блестящего поэтического таланта, но также стало доказательством непрерывного развития поэта и постоянных исканий «настоящего себя». Стихотворение «Три Родины» оказалось не только кратким изложением скитаний поэта, но и обозначило «вечную тему» его творчества.

В 1953 г. началась новая жизнь В. Перелешина в Бразилии, которая продолжалась почти 40 лет – до самой его смерти. На этой свободной земле поэт написал девять книг стихотворений на русском языке, одну – на португальском языке, создал три книги переводов на русский язык (из них две – китайской поэтической классики, одну – бразильских стихов), также одну книгу переводов русской поэзии на португальский язык. Следует также отметить, что множество его собственных стихов и переводов, сделанных в этот период, до сих пор остаются неопубликованными [Перелешин, 2018].

Анализ «бразильских стихов» В. Перелешина не позволяет сделать вывод о том, что в русской литературе (и в творчестве рассматриваемого нами поэта) существовал особый «бразильский текст» (по аналогии с развернутым «китайским текстом»); наоборот, находясь в Бразилии, он продолжал создавать произведения, которые могут быть отнесены к «китайскому тексту».

Однако значение «южной страны» для творческой биографии В. Перелешина было весьма велико. Если Китай, с нашей точки зрения, – дал юному писателю не только любовь, но и *вдохновение*, то Бразилия предоставила зрелому поэту – помимо реальной свободы – также и «примирение» с самим собой.

Несмотря на то, что Бог дал В. Перелешину весьма тяжелую судьбу, поэт всегда придерживался убеждения, что страдания человека являются источником духовного и творческого роста. Иным словами, поэт поставил перед собой главную цель жизни – внутреннее

«изыскание» самого себя. В отличие от многих других писателей его времени, В. Перелешин мало обращал внимания на политику или историю; центром его художественного интереса – как в «китайский» период его творчества, так и в «бразильский» – оставался сам человек, его плоть и душа, находящиеся в непрерывном конфликте друг с другом.

О. Бакич завершила написанную ею биографию В. Перелешина фразой: «Всё, что он оставил нам, – его поэзия» [Bakich, 2015]. Позволим себе предположить, что писатель отдал дань уважения самому существу человека. Его вера в человека и в важность внутренней борьбы, ностальгия и любовь, скитание и страдания носили «интернациональный» характер, без осознания чего нельзя понять своеобразие его художественного мира и раскрыть глубокое значение его поэтического творчества и литературной деятельности. Исследование литературной деятельности В. Перелешина, основанное на изучении событий биографии поэта, позволяет лучше понять, как трагические события XX в. преломились в персональном опыте, а также раскрыть специфику авторского сознания и особенности его поэтики.

Список литературы

- Витковский Е. В. Апостериори. Записки Ариэля // Зарубежные задворки. 2013. № 4. С. 3–34.
- Витковский Е. В. На память о русском Китае. URL: <https://litvek.com/book-read/248665-kniga-evgeniy-vladimirovich-vitkovskiy-na-pamyat-o-russkom-kitae-chitat-online?p=1> (дата обращения: 12.28.2020).
- Дао Дэ Цзин Проблемы Дальнего Востока. 1990. № 3. С. 144–161.
- Жебит А. Он пел «в тоске, на забытом языке» – Поэт Валерий Перелешин и Россия // Родина. 2013. № 10. С. 55–61.
- Кондаков Б. В., Красноярова А. А. Китайский текст и китайский контекст в русской литературе XIX в. (к постановке проблемы) // Евразийский гуманитарный журнал. 2017. № 2. С. 123–128.
- Красноярова А. А. Русские эмигранты как переводчики китайской поэзии // Казанская наука. 2020. № 6. С. 11–15.
- Красноярова А. А., Попкова Т. Д. Харбин и Шанхай и русской литературе 2000–2010-х гг. (романы Э. Барякиной «Белый Шанхай» и Е. Анташкевича «Харбин») // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2019. Т. 12. Вып. 11. С. 34–40.
- Красноярова А. А., Попкова Т. Д., Кондаков Б. В. Китай в творчестве русских литераторов-эмигрантов первой половины XX столетия // Global Science and Innovations 2019: Central Asia [атты VI Халыкар. ғыл.-теж. конф. материалдары] [Материалы VI Международной научно-практической конференции] (Т. I) / Құраст.: Е. Ешім, Е. Абиев т.б. Нур-Султан, 2019 349 б. С. 235–238.
- Латиноамериканские диаспоры в США. Цивилизационные характеристики / отв. ред. Б. И. Коваль. Москва: ИМЛИ РАН, 2003.
- Перелешин В. Ариэль: девятая книга стихотворений. Франкфурт-на-Майне: Посев, 1976. 183 с.
- Перелешин Валерий. Два полустанка. Воспоминания свидетеля и участника литературной жизни Харбина и Шанхая // Russian poetry and literary life in Harbin and Shanghai, 1930–1950. The Memoirs of Valerij Perelesin / Edited in Russian and with an introduction by Jan Paul Hinrichs. Amsterdam, 1987. 159 p.
- Перелешин В. Жертва: четвертая книга стихотворений. Харбин: Заря, 1944. 51 с.
- Перелешин В. Заповедник: седьмая книга стихотворений. Франкфурт-на-Майне: Посев, 1972. 80 с.
- Перелешин В. Изъ глубины воззвах...: одиннадцатый сборник стихотворений. Холиок: Нью Ингленд Паблишинг К, 1987. 156 с.
- Перелешин В. Качель: шестая книга стихотворений. Франкфурт-на-Майне: Посев, 1971. 86 с.
- Перелешин В. Письма П. П. Лапикену (публикация О. Бакич) // Новый журнал. 2004. № 234. URL: <https://magazines.gorky.media/nj/2004/234> (дата обращения: 01.02.2021).
- Перелешин В. Поэма без предмета / [Под ред. и с предисл. С. Карлинского. Холиок: Нью Ингленд Паблишинг К, 1989. 411 с.
- Перелешин В. С горы Нево: восьмая книга стихотворений. Франкфурт-на-Майне: Изд-во автора, 1975. 71 с.

Перелешин В. Стихи на веере: антология китайской классической поэзии. Франкфурт-на-Майне: Посев, 1970. VI; 41 с.

Перелешин В. Тень на занавеске // Рубеж. Владивосток. 1998. № 1.

Перелешин В. Три родины: десятая книга стихотворений. Париж: Альбатрос, 1987. 166 с.

Перелешин В. Три родины: Стихотворения и поэмы. Т. 1. Москва: Престиж Бук, 2018. 608 с.

Перелешин, В. Южный дом: пятая книга стихотворений. Мюнхен: Изд. авт., 1968. 47 с.

Перелешин, В. Южный крест: Антология бразильской поэзии. Франкфурт-на-Майне: Посев, 1978. 123 с.

Цюй Юань. Ли Сао: поэма / в стихотворном переводе с кит. ориг. В. Перелешина. Франкфурт-на-Майне: Посев, 1975. 27 с.

Bakich O. Valerii Pereleshin: The Life of a Silkworm. Toronto: University of Toronto Press, 2015. 408 p.

Hinrichs J. P. Valerij Perelesin (1913–1922): Catalogue of His Papers and Books in Leiden University Library. Leiden: Leiden University Library, 1997. 184 p.

Karlinsky S. A Hidden Masterpiece: Pereleshin's Ariel. Christopher Street. Vol. 2. No. 6. 1977. Pp. 37–41.

Kuzmin M. Cânticos de Alexandria / Tr. V. Pereleshin, U. M. Passos [= Кузмин М. Александрийские песни / Пер. В. Перелешина, У. М. Пассоса]. Rio de Janeiro, 1986. URL: https://biblioclub.ru/index.php?page=author_red&id=1065 (дата обращения: 12.02.2021).

Pereliechin V. F. Nos odres velhos = В ветхих мехах: [Стихи по-португальски и переводы]. Рио-де-Жанейро, 1983.

Perelesin V. F. Russian literary and ecclesiastical life in Manchuria and China from 1920 to 1952: Unpublished memoirs of Valerij Perelesin / Th. Hauth. The Hague: Leuxenhoff Publ., 1996. 139 p.

Perelesin V. F. Russian poetry and literary life in Harbin and Shanghai, 1930–1950: The memories of Valerij Perelesin. Amsterdam: Rodopi, 1987. 159 p.

李萌, 缺失的一环【M】, 北京, 北京大学出版社, 2007年。= Ли, Мэн. Литература русской эмиграции в Китае – забытая страница. Пекин: Изд-во «Пекинский университет», 2007. 483 с. (на кит. яз.).

Zhang Yuanyuan

Post-graduate student, Russian Literature Department,
Perm State University, Perm, Russia

BRAZIL IN THE WORKS OF V. PERELESIN

Literature of the Russian Diaspora in the XXI century constantly attracts the attention of researchers – historians, culturologists, literary critics. It contains a unique experience of survival in a foreign cultural space, the experience of fruitful intercultural communication, accumulated by Russian people, abandoned in different countries. Valery Pereleshin is one of the most significant poets of the “eastern branch” of emigration. In January 1953, he moved from China to Brazil, where he continued his poetic and translation work (both in Russian and in Portuguese). The article explores the poet's attitude to Brazil and the impact of his life path on poetic creativity, as well as other features of Pereleshin's literary activity in the Brazilian period, researches the image of Brazil in his work, analyzes his literary innovation and the interaction of different literary traditions in his work. The study of V. Pereleshin's literary activity, based on the study of the events of the poet's biography, makes it possible to better understand how the tragic events of the 20th century refracted in personal experience, as well as to reveal the specifics of the author's consciousness and the peculiarities of his poetics. Analysis of V. Pereleshin's "Brazilian verses" does not allow us to conclude that there was a special "Brazilian text" in Russian literature; on the contrary, while in Brazil, he continued to create works that can be attributed to the "Chinese text".

Keywords: V. Pereleshin, “three homelands”, Russian emigration, Brazil, China; poetic creativity, innovation.

ПОРЯДОК ПУБЛИКАЦИИ И РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ СТАТЬИ

1. Содержание статьи должно соответствовать тематике журнала.
2. К изданию принимаются статьи, ранее нигде не публиковавшиеся.
3. Текст должен быть набран в текстовом редакторе Word 1997–2003, шрифт Times New Roman, размер шрифта – 14, межстрочный интервал – 1,0, поля сверху, снизу, слева, справа – 2 см, нумерация страниц сплошная, начиная с первой.
4. Графики, диаграммы не допускаются.
5. Таблицы представляются в формате Word. Таблицы в тексте должны нумероваться и иметь заголовки, размещенные над полем таблицы.
6. Объем авторского материала, включающего в себя сведения об авторе, аннотацию, ключевые слова (на русском и английском языках), а также примечания и ссылки, должен быть 10–15 страниц, а для аспирантов – 6–8 страниц.
7. В каждой научной статье журнала должны быть указаны следующие данные:
 - 1 – код УДК;
 - 2 – фамилия, имя, отчество автора (полностью);
 - 3 – ученая степень, ученое звание;
 - 4 – должность, место работы (если таковое имеется).
 - 5 – контактная информация (адрес, e-mail, телефон – для размещения на сайте в сведениях об авторе);
 - 6 – название статьи;
 - 7 – аннотация (200–250 слов) об актуальности и новизне темы, главных содержательных аспектах;
 - 8 – ключевые слова по содержанию статьи (5–8 слов и/или словосочетаний);
 - 9 – ссылки.

Сведения, указанные в подпунктах 2–8, приводятся как на русском, так и на английском языках.

Включенные в пристатейный список библиографические описания цитируемых, рассматриваемых или упоминаемых в тексте статьи других документов связывают отсылками с конкретным фрагментом текста. При отсылке к произведению, описание которого включено в библиографию, в тексте статьи после упоминания о нем (после цитаты из него) проставляют в квадратных скобках фамилию автора, год и страницы, например: [Бондарко, 2005, с. 25], [Leiss, 2010, S. 234], [Fillmore, 1987, p. 34].

Пристатейные ссылки размещаются после текста статьи, предваряются словом «Список литературы» (не менее 10), оформляются в алфавитном порядке.

При ссылке на данные, полученные из сети Internet, указывается электронный адрес первичного источника информации и дата обращения в круглых скобках, например: (дата обращения: 22.12.2019). При записи подряд нескольких библиографических ссылок на один документ в повторной ссылке приводят слова «Там же» или "Ibid. " (для документов, напечатанных латинским шрифтом). В повторных ссылках только на одну работу данного автора (авторов) основное заглавие и следующие за ним повторяющиеся элементы опускают или заменяют словами «Указ. соч. » или "Op. cit. " (для документов, напечатанных латинским шрифтом). Сведения о цитируемых источниках приводятся в соответствии с ГОСТ 7. 0. 5–2008 «Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Библиографическая ссылка. Общие требования».

9. При первом упоминании лица обязательно указываются И. О., которые отделяются пробелом от фамилии. Годы указываются только в цифрах, а не в числительных: 20-е гг., а не двадцатые годы. Не год или годы, а г. или гг. Не век или века, а в. или вв. Исключаются сокращения: др., проч., т. е., т. к. Следует писать полностью: другие, прочие, то есть, так как. Из сокращений допускаются: т. д., т. п., см. Знак % ставится значком, а не словом, если связан с цифрой, и отделяется от цифры интервалом: 3 %; в иных случаях: «процент ... превышал 30». Цифры: миллионы от тысяч и тысячи от сотен отделяются пробелом (4 700 000, 1 560 000) или могут быть заменены соответствующими сокращенными словами и аббревиатурами: тыс., млн, млрд. Названия денежных знаков даются по принятым сокращениям: долл., фр., руб., ф. ст., марка.

10. Статьи аспирантов, соискателей и кандидатов наук принимаются редакцией к рассмотрению только вместе с рецензией (оригиналом) научного руководителя или ведущего специалиста, заверенной подписью и печатью организации, в которой работает рецензент. Рукопись направляется на рецензирование специалистам в данной области исследования. К публикации принимаются статьи, прошедшие рецензирование. Решение о публикации принимается редакционным советом журнала на основании экспертных оценок рецензентов с учетом соответствия представленных материалов тематической направленности журнала, их научной значимости и актуальности.

Рукопись, получившая отрицательные отзывы, решением редакционного совета отклоняется. Нуждающаяся в доработке статья направляется автору вместе с замечаниями рецензента.

Редакция оставляет за собой право отклонять без рецензии статьи, не соответствующие профилю журнала или оформленные с нарушением правил.

11. Авторы опубликованных статей несут ответственность за точность приведенных фактов, статистических данных, собственных имен и прочих сведений, а также за содержание материалов, не подлежащих открытой публикации.

12. Представляя в редакцию рукопись своей статьи, автор берет на себя обязательство не публиковать ее ни полностью, ни частично в ином издании без согласия редакции.

14. Порядок и очередность публикации статьи определяется в зависимости от объема публикуемых материалов в каждом конкретном выпуске.

15. Редакция оставляет за собой право не публиковать статью. В случае отклонения статьи автору направляется аргументированный отказ в письменной форме. Авторы имеют право на доработку статьи или ее замену другим материалом. Материалы, переданные в редакцию, не возвращаются.

Пример оформления списка литературы:

Бондарко А. В. Теоретические проблемы русской грамматики. Санкт-Петербург: Изд-во «Санкт-Петербургский университет», 2004. 207 с.

Бондарко А. В. О стратификации семантики // Общее языкознание и теория грамматики: Материалы чтений, посвященных 90-летию со дня рождения С. Д. Кацнельсона. Российская академия наук / Отв. ред. А. В. Бондарко. Санкт-Петербург: Наука, 1998. С. 51–63.

Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru/> (дата обращения: 21.05.2018).

Пример оформления статьи:

УДК ...

Иванов Иван Иванович

Кандидат филологических наук, доцент кафедры ...,

Пермский государственный национальный исследовательский университет,

614990, Россия, Пермь, ул. Букирева, 15, тел.: +7 (342) 2396756, e-mail: azxvdvs@mail.ru

ЯЗЫКОВАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ТИПОЛОГИЧЕСКИХ СВОЙСТВ ТУРИСТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА В ПЕРЕВОДЕ

В статье анализируются проблемы, возникающие при трансляции типологических свойств туристического дискурса. Он интегрирует в себе элементы других типов дискурса, таких как географический, рекламный, спортивный, природоохранный, гастрономический и научно-популярный. С момента своего возникновения, туристический дискурс менялся под влиянием исторических и социоэкономических условий. Сегодня туристическая коммуникация носит коммерческий характер, предполагающий взаимодействие автора и читателя, как потенциального клиента туристического бизнеса. Этот тип дискурса характеризуется диалогичностью вследствие того, что тексты составляются компетентными профессионалами, а его читателями могут быть представители очень широкой и социально неоднородной аудитории. По этой причине в текст закладывается лингвокультурная, когнитивная и эмоциональная информация для того, чтобы вызвать интерес у неподготовленного читателя, которая в обязательном порядке должна быть транслирована переводчиком. Это предполагает наличие у него рефлексии, знания культуры и истории страны, а также воспроизведения концептов и аллюзий, заложенных в тексте оригинала. Когнитивно-деятельностный подход к переводу и «распредмечивающее» понимание смысла оригинала позволяют точнее интерпретировать концептуальную программу исходного текста и передавать интенциональный смысл оригинала во всей его полноте. При этом переводчик должен учитывать, что эмоциональная информация туристического текста может содержать целый ряд манипулятивных приемов, например, прилагательные в превосходной степени, которые призваны гиперболизировать описываемые достопримечательности. Эмоционально-оценочные характеристики могут нести и элементы текста, нацеленные на передачу когнитивной информации. Их сочетание приводит к выводу о том, что исследуемый текст написан в научно-популярном стиле, целью которого является донести в доступной форме специальные знания, чтобы вызвать интерес у неподготовленного читателя. По этой причине когнитивная информация в чистом виде – терминология, встречается в тексте гораздо реже, чем в лексемах, отражающих их семантику, но несущих познавательную информацию, осложненную образами восприятия потенциального читателя данного текста.

Ключевые слова: туристический дискурс, типологические свойства, интерпретация, рефлексия, когнитивно-деятельностный подход, интенциональный смысл.

Введение

Текст Текст Текст Текст

Основная часть

Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст

Заключение

Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст

Список литературы

Иванов И. И. Текст. Монография. Москва: ТСС, 2020. 345 с.

Ivanov I. I.

*Ph. D. (Philology), Associate Professor, ... Department,
Perm State University, Perm, Russia*

LINGUISTIC REPRESENTATION OF TYPOLOGICAL FEATURES OF TOURIST DISCOURSE IN TRANSLATION

The article is devoted to the analysis of the problems which emerge in the process of translating the tourist discourse texts. They include the elements of other types of discourses such as geographical, advertising, sport, gastronomic and others. The tourist discourse has experienced many alterations due to historical and social factors. It has acquired commercial character due to the interrelation of its authors and the supposed tourist clients. This type of discourse resembles a dialogue between the professionals, creating the tourist text, and the potential readers of very versatile and not homogenous origin. For this reason the text contains the cultural, cognitive and emotional information, which is to attract the attention of the supposed reader and be obligatory translated. Such translation process presupposes translator's reflection of culture, history and numerous allusions of the original text. Cognitive approach to translation allows the translator to make deeper observations and reflections of the original text and give a full idea of the contents and the intentions of the author in the target language. It means that he has got proper reflections of culture, history, concepts and allusions of the original text. The cognitive approach and the non-formal understanding of the original text allows to interpret its deep structure and convey the intentional contents of it. The translator is to realize that the tourist discourse text may contain emotional information which can manipulate his perception of the text and make its contents look more attractive for a potential reader. The cognitive contents of such texts can be overlaid with emotional information and it means that such text belongs to popular style, the main idea of which is to convey special knowledge in acceptable form to a potential reader. This is the reason for the cognitive information not to be regularly expressed by terms. For the most part such information is represented by the words which convey emotional aspect of the notions aimed at the emotional perception of the potential reader.

Keywords: tourist discourse, typological features, interpretation, reflection, cognitive approach to translation process, intentional meaning.

УСЛОВИЯ ПУБЛИКАЦИИ

1. Вы направляете нам статью, оформленную в соответствии с требованиями на электронный адрес редакции (lanaschust@mail.ru).
2. Редакционный совет рассматривает Вашу статью (60 дней).
3. При успешном рецензировании редакция высылает Вам ответ о приеме статьи.
4. Журнал выходит в соответствии с графиком.

Все статьи, размещенные на сайте, находятся в открытом доступе и могут быть использованы для цитирования, копирования, распечатывания и другого некоммерческого использования с соблюдением авторских прав.

Сайт журнала: <https://evrazgumzhurnalrussia.blogspot.com>